
D
16
.8
.K227

Н. Карѣевъ.

ФИЛОСОФІЯ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ НОВАГО ВРЕМЕНИ

(1300—1800).

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА.

(Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV — XVIII вѣковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

Н. Карѣевъ.

ФИЛОСОФІЯ

КУЛЬТУРНОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ

НОВАГО ВРЕМЕНИ

(1300—1800).

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА.

(Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV — XVIII вѣковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893.

2141

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Когда я окончилъ весною нынѣшняго года работу надъ тремя томами своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, у меня явилось желаніе резюмировать въ небольшомъ историко-философскомъ очеркѣ то, что представляетъ собою самое основное, главнѣйшее и наиболѣе существенное въ общей исторіи Запада за время, разсмотрѣнное въ этихъ трехъ томахъ, именно за пять вѣковъ, протекшихъ отъ конца крестовыхъ походовъ до французской революціи. Лѣтній досугъ, деревенская тишина и самое свойство работы позволили мнѣ въ очень короткое время исполнить эту задачу. Таково происхожденіе настоящаго résumé только что названнаго труда, на который и дѣлаются постоянныя ссылки на страницахъ книжки. Составляя ее, я имѣлъ въ виду не только облегчить читателямъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время“ схватить основныя линіи всего построенія новой исторіи, даннаго въ этомъ трудѣ, не только вмѣстѣ съ тѣмъ составить общее введеніе въ исторію XIX вѣка, которая будетъ служить продолженіемъ уже изданныхъ томовъ, но и вообще дать краткій и по возможности цѣльный очеркъ культурнаго и соціальнаго развитія Западной Европы въ наиболѣе интересную съ образовательной точки зрѣнія эпоху. Мною уже были нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданы краткія „Введенія въ курсы исторіи новаго“ и „новѣйшаго времени“, коихъ давно нѣтъ

въ продажѣ, но на которыя, повидимому, спросъ есть, такъ какъ у меня не разъ освѣдомлялись, когда я намѣренъ переиздать эти книжки: надѣюсь, что выпускаемый теперь общій историко-философскій обзоръ новой исторіи вполнѣ замѣнитъ прежнія „Введенія", а ихъ въ настоящее время я не думаю перепечатывать, такъ какъ не хотѣлъ бы это дѣлать безъ переработки, послѣдняя же могла бы быть произведена только въ духѣ этой, только-что мною написанной книжки.

Предисловіе обыкновенно бываетъ послѣсловіемъ: помѣщается оно передъ текстомъ, а пишется послѣ. Пересматривая свою рукопись тотчасъ же по ея окончаніи, я могу только сказать, что почти не вышелъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя себѣ предначерталъ, и, повидимому, выдержалъ тотъ тонъ, въ какомъ началъ, до конца: мнѣ именно хотѣлось написать небольшую книжку и придать ей характеръ цѣльности по основной идеѣ и развитію этой идеи въ отдѣльныхъ главахъ, изъ коихъ каждая тоже должна была составлять небольшое цѣлое. Мнѣ хотѣлось, далѣе, представить исторію Западной Европы въ новое время, какъ нѣчто единое, цѣлое и общее, не раздѣленное на исторіи отдѣльныхъ народовъ и обособленныхъ одна отъ другой эпохъ, какъ именно то общее, что изъ исторіи многихъ народовъ дѣлаетъ одну исторію и связываетъ частныя эпохи въ цѣлый большой отдѣлъ всемірной исторіи, и этой цѣли, думается мнѣ, я достигъ. Мнѣ хотѣлось еще въ это обобщенное представленіе путей, коими шло культурное и соціальное развитіе Запада съ XIV в. по XIX в., вложить и извѣстное теоретическое пониманіе исторіи, развитое мною въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи", въ „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи" и въ нѣкоторыхъ послѣднихъ историко-философскихъ

статьяхъ: не знаю, насколько мнѣ это удалось при сложности и трудности затронутыхъ вопросовъ и незначительности того мѣста, какое имъ по необходимости пришлось отвести.

Считаю нужнымъ еще прибавить, что я нарочно исключилъ изъ своего изложенія всю исторію образованія государственныхъ территорій и національностей, исторію международныхъ отношеній, войнъ и мирныхъ договоровъ, союзовъ между государствами и группировокъ, существовавшихъ между державами въ разныя эпохи: ни „General sketch of history of Europe“ Фримана [1]), ни „Vue générale de l'histoire politique de l'Europe“ Лависса не были моими образцами, когда я составлялъ планъ настоящей книжки, въ коей какъ-разъ выдвинуто на первый планъ то, что̀ совершенно или почти отсутствуетъ въ названныхъ трудахъ англійскаго и французскаго историковъ [2]), но я имѣлъ въ виду и существованіе этихъ двухъ сочиненій, какъ сжатыхъ обзоровъ стороны исторической жизни, вполнѣ исключенной изъ моего очерка.

Исторія подобна большой картинѣ съ множествомъ фигуръ въ очень сложной комбинаціи. Объ этой картинѣ вы можете дать понятіе, снявъ съ нея, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копію, съ тѣми же красками, какъ и въ оригиналѣ; можете дать понятіе также и въ гравюрѣ безъ красокъ, но съ отдѣлкой деталей, и въ рисункѣ съ менѣе тщательной обработкой подробностей, и въ бѣгломъ эскизѣ; можете, наконецъ, дать понятіе, разсказавъ о содержаніи картины безъ пояснительнаго даже чертежа, ко-

---

[1]) См. рус. пер. (подъ ред. Я. Г. Гуревича) „Общій очеркъ исторіи Европы“.

[2]) Кромѣ того, у Фримана на исторію XIV—XVIII вв. и притомъ не въ одной Западной Европѣ отведено лишь около 80 стран. (137—219), а у Лависса около 90 очень маленькихъ страничекъ (109—190).

торый воспроизводилъ бы дѣйствительное размѣщеніе фигуръ: настоящая книжка и есть такой разсказъ, ибо въ немъ передается только общій смыслъ картины, а сама она совсѣмъ и не срисовывается. Кто хочетъ видѣть именно ее самоё, тотъ въ этомъ очеркѣ ничего не найдетъ, но зато онъ, быть можетъ, окажетъ помощь желающему оріентироваться въ сложной композиціи и пестрой окраскѣ картины, уже ему извѣстной по тѣмъ или инымъ копіямъ.

С. Аносово, 25 мая—3 іюня 1893.

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Единство западно-европейской исторіи. — 2. Общее представленіе о ходѣ историческаго развитія на западѣ Европы.—3. Всемірная исторія и культурно-историческіе типы.—4. Мѣсто западной Европы въ исторіи прогресса.—5. Различная оцѣнка основныхъ свойствъ западно-европейской цивилизаціи.—6. Ростъ личности въ новое время.—7. Духовныя стремленія и матеріальныя потребности личности.—8. Характеръ новаго политическаго и общественнаго развитія.—9. Общій взглядъ на новую исторію.

---

1. Западная Европа, населенная народами романскаго и германскаго происхожденія,—къ которымъ въ культурномъ отношеніи примкнули еще западные славяне и венгры,—представляетъ собою отдѣльный историческій міръ, обособившійся въ началѣ среднихъ вѣковъ извнѣ *, а внутри, наоборотъ, объединившійся на общей исторической почвѣ Западной Римской имперіи и постояннаго взаимодѣйствія между отдѣльными его народами въ своей цивилизаціи *. Со времени завоеванія Римомъ юго-запада Европы этотъ міръ — въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился въ разное время къ другимъ мірамъ—живетъ общею жизнью, и хотя Западная Римская имперія политически распалась на отдѣльныя государства, къ которымъ примкнули и совсѣмъ новыя страны, и хотя въ этнографическомъ отношеніи возникшій изъ нея западно-европейскій историческій міръ состоитъ изъ нѣсколькихъ одна отъ другой обособленныхъ національ-

*I, 6-8

*I, 10

ностей, тѣмъ не менѣе развитіе гражданственности и образованности составляющихъ его государствъ и народовъ совершалось повсюду приблизительно по одному и тому же
*I, 10-12 пути *. Въ исторіи романо-германскихъ націй мы дѣйствительно наблюдаемъ много общихъ чертъ, объясняющихся изъ возникновенія новыхъ государствъ на одной и той же почвѣ и изъ постояннаго между ними взаимодѣйствія. Можно даже сказать, что, кромѣ исторіи западной Европы, какъ суммы частныхъ исторій Англіи, Германіи, Испаніи, Италіи, Франціи и т. д., существуетъ еще исторія западной Европы, какъ единаго цѣлаго, потому что многія явленія этой исторіи были общими для всѣхъ или для большей части
*I, 12-13 народовъ, населяющихъ эту часть свѣта *. Отвлекаясь мыслью отъ всего, что составляетъ элементъ національнаго разнообразія въ этой исторіи, и обобщая, наоборотъ, сходныя черты въ жизни отдѣльныхъ народовъ, мы имѣемъ полное право создать себѣ нѣкоторое общее представленіе о западно-европейской культурно-соціальной эволюціи, которое, конечно, не будетъ въ точности соотвѣтствовать развитію духовнаго и общественнаго быта ни одной страны, въ отдѣльности взятой, но за то дастъ намъ понятіе о томъ, какъ вообще развивался западно-европейскій типъ общества.

2. Мы сказали, что многое общее въ исторіи отдѣльныхъ народовъ Запада объясняется ихъ постояннымъ взаимодѣйствіемъ. Есть вообще три способа объяснять существованіе общихъ чертъ въ культурныхъ и соціальныхъ формахъ двухъ или нѣсколькихъ народовъ, т. е. или принимая прямое заимствованіе однимъ народомъ у другого, или приписывая этимъ формамъ происхожденіе изъ одного источника, или, наконецъ, становясь на точку зрѣнія общихъ законовъ, въ силу которыхъ сходныя условія создаютъ и сходныя слѣдствія. Заимствованіе однимъ народомъ у другого играло въ исторіи Запада весьма важную роль: въ немъ-то и заключалась одна очень существенная сторона того взаимодѣйствія, о которомъ только-что сказано. Конечно, въ данномъ отношеніи зна-

ченіе отдѣльныхъ народовъ не было равносильно, и одни изъ нихъ болѣе вліяли на другіе, нежели сами испытывали какое-либо вліяніе, а съ другой стороны каждый вносилъ въ это взаимодѣйствіе нѣчто иное, чѣмъ всѣ остальные *. *I, 13-14
Вотъ почему, составляя себѣ общее представленіе о ходѣ западно-европейскаго развитія, мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ тѣ націи, которыя вообще были наиболѣе вліятельными, а иногда лишь одну какую-либо націю, оказавшую въ томъ или другомъ отношеніи особое вліяніе на остальныя. Тѣмъ легче было западно-европейскимъ народамъ дѣлать заимствованія другъ у друга, что къ этому ихъ располагала общая основа ихъ цивилизаціи, сама бывшая, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ другою причиною повторенія въ исторіи отдѣльныхъ народовъ однѣхъ и тѣхъ же чертъ. Правда, и въ этомъ отношеніи наблюдается разнообразіе между отдѣльными націями, такъ какъ въ ихъ исторіи общія черты повторяются не всегда и не вездѣ одинаково, т. е. не однѣ и тѣ же черты въ одной совокупности, а тѣ же самыя—далеко не въ тѣхъ же комбинаціяхъ, такъ что общія правила постоянно подлежатъ исключеніямъ и притомъ въ разныхъ случаяхъ разнымъ, но если мы будемъ имѣть въ виду хотя бы лишь такія черты, которыя наблюдаются въ исторіи большинства странъ или, по крайней мѣрѣ, однѣхъ главныхъ націй, и если станемъ при этомъ отмѣчать единичныя или частныя исключенія, то мы все-таки получимъ довольно вѣрное представленіе о нѣкоторомъ среднемъ пути, въ большей или меньшей близости отъ котораго шло развитіе всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Понятно, что ближе всего, такъ-сказать, къ этой воображаемой линіи находились пути развитія націй, получившихъ болѣе, чѣмъ другія, изъ общаго наслѣдства, жившихъ въ болѣе тѣсномъ общеніи между собою, ранѣе, чѣмъ остальныя, развивавшихъ у себя новыя культурныя и соціальныя формы и увлекавшихъ своимъ вліяніемъ болѣе отсталыхъ на свою историческую дорогу. Въ послѣднемъ отношеніи важна не

бо́льшая или меньшая близость того или другого историческаго пути отъ нашей идеальной линіи западно-европейскаго развитія, а бо́льшая или меньшая быстрота движенія въ общемъ направленіи этой линіи. Дѣло именно въ томъ, что извѣстная историческая перемѣна, объясняющаяся изъ общихъ условій, наступаетъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ раньше, чѣмъ въ другихъ, и нація, въ томъ или иномъ отношеніи опередившая остальныя на общемъ имъ всѣмъ пути, тѣмъ самымъ и для нихъ прокладываетъ дальнѣйшую дорогу, помогая имъ уже однимъ примѣромъ своимъ совершить то, что и безъ такого примѣра могло бы и должно бы было случиться при извѣстныхъ условіяхъ. Если бы даже взаимодѣйствіе между отдѣльными націями и отличалось большею равномѣрностью и еслибы болѣе равномѣрно было распредѣлено между ними общее имъ всѣмъ культурное наслѣдіе, другія условія ихъ существованія, каковы, напр., разныя условія географическія и этнографическія, все-таки должны были бы вносить въ ихъ исторію большое разнообразіе, что и наблюдается въ дѣйствительности на исторіи отдѣльныхъ странъ западной Европы. Эти условія, создаваемыя всею матеріальною средою, въ которой совершается дѣятельность человѣка, равно какъ прирожденными свойствами племени, населяющаго страну и т. п., съ одной стороны, не столько уже различны на западѣ Европы, чтобы не представлять и общихъ чертъ, способствующихъ установленію здѣсь нѣкотораго однообразія историческаго развитія, а съ другой, оказываются при развивающейся цивилизаціи не настолько могущественными, чтобы противодѣйствовать объединенію народовъ въ общихъ культурно-соціальныхъ формахъ. То, что въ западной Европѣ есть общаго въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, должно было бы и помимо взаимодѣйствія между народами или существованія у нихъ общаго культурнаго наслѣдства приводить къ образованію болѣе или менѣе сходныхъ между собою историческихъ формъ, которыя потомъ и стали бы развиваться при-

близительно одинаковымъ образомъ, т.-е. въ бо̀льшей или меньшей близости отъ извѣстнаго общаго типа. И въ самомъ дѣлѣ, многія сходныя черты въ исторіи западно-европейскихъ народовъ объясняются не заимствованіями одними у другихъ и не общею основою ихъ цивилизаціи, перешедшей къ нимъ по преемству отъ Римской имперіи, а бо̀льшимъ или меньшимъ сходствомъ ихъ жизненныхъ условій, кромѣ, конечно, дѣйствующихъ всегда и вездѣ законовъ всякаго культурнаго и соціальнаго развитія.

Отнюдь не ставя себѣ задачи выясненія этихъ законовъ, дѣйствующихъ вездѣ и всегда, гдѣ и когда только наблюдается духовное и общественное развитіе, не имѣя также ни малѣйшаго намѣренія говорить объ общихъ географическихъ, этнографическихъ и иныхъ условіяхъ, создавшихъ изъ западной Европы отдѣльный культурный міръ и предначертавшихъ, такъ-сказать, параллельные историческіе пути для разныхъ его народовъ, мы все наше вниманіе обратимъ на то общее въ ихъ исторіи, которое является результатомъ, съ одной стороны, всемірно-исторической преемственности, а съ другой — внутренняго взаимодѣйствія самостоятельныхъ частей этого міра.

3. Извѣстная публицистическая школа, создавшая въ нашей литературѣ свою собственную философію исторіи, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей провозгласила (около четверти вѣка тому назадъ) теорію культурно-историческихъ типовъ, раздѣливъ на такіе типы все историческое человѣчество и рѣзко противопоставивъ въ Европѣ другъ другу два типа — западный, католическо-протестантскій, романо-германскій и восточный, православный, греко-славянскій [1]). Теорія эта, которая была расчитана на то, чтобы содѣйствовать охраненію самобытности восточнаго типа, объявляемаго въ ней за наиболѣе совершенный, отъ западнаго вліянія, признаваемаго тою же теоріею за нѣчто пагубное, въ основѣ

[1]) *Н. Я. Данилевскій.* Россія и Европа. См. нашу критику этой книги въ статьѣ „Теорія культурно-историческихъ типовъ“ (Рус. Мысль, 1889).

своей отрицаетъ культурное объединеніе человѣчества путемъ исторической преемственности цивилизацій и взаимодѣйствія между народами одной и той же исторической эпохи, т.-е. отрицаетъ очевидность въ угоду предвзятой мысли. Развивая логически основныя положенія теоріи, мы должны были бы признать въ культурно-историческихъ типахъ своего рода изначальныя и самобытныя единицы, рѣзко однѣ отъ другихъ отграниченныя и одна въ другую непереходящія, несоединимыя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣлимыя цѣлыя, подобныя схоластическимъ сущностямъ или біологическимъ видамъ по старому на нихъ взгляду. Такими именно типами рисуются въ теоріи романо-германскій и греко-славянскій историческіе міры Европы. Несомнѣнно, между этими мірами исторія выработала существенныя черты различія, но оба они на самомъ дѣлѣ являются лишь неодинаково видоизмѣненными продолженіями одного греко-римскаго историческаго міра, да и черты различія уже сильно сглаживаются между ними: такъ вòды одной и той же рѣки, встрѣчая на пути своего теченія островъ, временно раздѣляются на два рукава и опять сливаются въ одномъ руслѣ, миновавъ раздѣлившую ихъ преграду. Взаимодѣйствіе между отдѣльными народами, поставленными въ удобныя для того условія, совершаетъ выработку нѣкоторой болѣе универсальной цивилизаціи, а народы, позднѣе выступающіе на историческое поприще, подпадаютъ подъ вліяніе болѣе старыхъ націй и часто, приходя къ нимъ на смѣну, продолжаютъ по-своему начатое ими дѣло, въ чемъ и заключается такъ-называемая историческая преемственность. Обособленіе, совершающееся въ силу тѣхъ или другихъ причинъ,— какъ это, напр., произошло съ западной Европой въ сред-
ı, 6-7 ніе вѣка или съ старою Русью, благодаря церковному раздѣленію, отрѣзавшему ее отъ Запада, и татарскому нашествію, прервавшему ея сношенія съ Византіей,—конечно, способствуетъ выработкѣ извѣстнаго типа, имѣющаго чисто мѣстный характеръ, но свойства дѣйствительной исконности

и полной самобытности такому типу можно приписывать только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы передъ эпохой замкнутости, какъ въ Китаѣ, не существовало эпохи болѣе широкаго общенія. Въ нашей Европѣ періоду обособленія двухъ типовъ предшествовалъ долгій періодъ греко-римскаго объединенія всего цивилизованнаго міра, бывшаго своего рода синтезомъ всѣхъ древнихъ культурно-историческихъ типовъ, и обѣ половины Европы получили изъ этого міра общее наслѣдіе, которое особенно и сдѣлало возможнымъ новое объединеніе, когда историческія условія позволили и Западу, и Востоку выйти изъ своей замкнутости и обособленности*. Во всемірной исто- *I, 8-9
ріи совершается постоянно соединеніе элементовъ, первоначально одинъ другому чуждыхъ, и разъединеніе элементовъ, уже жившихъ одною общею жизнью: первый процессъ ведетъ къ прогрессивному объединенію человѣчества, второй, наоборотъ, является процессомъ прямо регрессивнымъ. Древнія всемірныя монархіи,—старыя азіатскія царства, сдѣлавшіяся добычей греко-македонскаго завоеванія, которое распространило эллинизмъ по странамъ культурнаго Востока, и вошедшія потомъ въ составъ еще болѣе обширной Римской имперіи,—это широкое распространеніе греческой цивилизаціи, подчинившей себѣ и Римъ, это образованіе Римской имперіи въ трехъ частяхъ свѣта вокругъ Средиземнаго моря равно какъ ея обращеніе въ единую вѣру и возникновеніе въ ней вселенской церковной организаціи,—вотъ тѣ этапы, по которымъ шло объединеніе передовой части человѣчества, сопровождавшееся выработкой универсальной цивилизаціи, этой общей основы и романо-германскаго и греко-славянскаго культурно-историческихъ типовъ. Въ средніе вѣка достигнутое единство было разрушено: исламъ отторгъ отъ него азіатскія и африканскія области, начавъ грозить самой Европѣ, а въ Европѣ образовались, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, два міра—западный и восточный, изъ коихъ каждый имѣлъ особую судьбу и развилъ свои особенности, не теряя, однако, связей своихъ

съ той общей почвой, которую представляли для него античная образованность и христіанство. Можно ли послѣ этого говорить о полной самобытности романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ и объ исконности существующихъ между ними различій, дѣлающихъ будто-бы невозможнымъ объединеніе ихъ на общей, болѣе широкой почвѣ?

4. Та же самая историко-философская школа, создавая изъ романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ двѣ рѣзко различающіяся историческія противоположности, стремится представить одинъ изъ нихъ, какътакой, которому не только невозможно, но и не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заимствованій у другого, ибо онъ, міръ этотъ, именно міръ греко-славянскій, представляетъ изъ себя высшій культурный типъ, сравнительно съ другимъ, съ романо-германскимъ типомъ. Оставивъ въ сторонѣ отторгнутыя исламомъ азіатскія и африканскія области Римской имперіи, сдѣлавшіяся послѣ кратковременнаго блеска арабской цивилизаціи добычею варварства, посмотримъ, куда направилось, такъ сказать, съуженное русло всемірно-историческаго процесса. На Востокѣ мы видимъ дряхлѣющую Византію со всѣми признаками внутренняго застоя, теряющую одну изъ своихъ провинцій за другою, на время завоеванную западными крестоносцами, наконецъ падающую подъ ударами турецкаго варварства; видимъ славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ, начинающія складываться довольно поздно и рано оканчивающія свое существованіе, также завоевывающіяся турками; видимъ Русь, весьма удаленную отъ цивилизованнаго міра, лишь въ концѣ X в. принимающую христіанство, отрѣзывающуюся отъ Византіи полудикими кочевниками, подчиняющуюся на два съ половиною вѣка татарскому игу, все разобщенную съ Западомъ, благодаря вѣроисповѣдному различію; видимъ Литву, до конца XIV в. остающуюся языческою; видимъ финскія племена, игравшія роль только этнографическаго матеріала. Другое дѣло—Западъ: здѣсь раньше совершились образованіе новыхъ національностей и приня-

тіе христіанства варварами; здѣсь мусульманскіе завоеватели не имѣли того успѣха, какой встрѣтилъ ихъ на Востокѣ; отсюда впервые Европа начала выступать, какъ организованная сила, которой въ новое время суждено было и культурно, и политически стать во главѣ всѣхъ частей свѣта; здѣсь же, наконецъ, въ то время, когда Литва была еще языческой, Русь томилась еще подъ монгольскимъ игомъ и падали предъ турецкимъ завоеваніемъ южные славяне и Византія, начиналось новое духовное движеніе, создавшее современную цивилизацію *. Какъ бы мы ни гадали относительно будущаго, по отношенію къ прошлому и настоящему мы должны признать, что изъ двухъ рукавовъ, на которые въ началѣ среднихъ вѣковъ раздѣлилось европейское историческое теченіе, значеніе главнаго русла принадлежитъ рукаву западному, и что романо-германскій міръ съ бóльшимъ правомъ, чѣмъ греко-славянскій, можетъ называться наслѣдникомъ древней цивилизаціи, наиболѣе универсальной, какая когда-либо существовала до возникновенія цивилизаціи современной. *I, 7-8

Начало среднихъ вѣковъ было временемъ значительнаго регресса во всѣхъ частяхъ передового историческаго міра, образовавшагося вокругъ Средиземнаго моря. Его единство было, какъ мы видѣли, расторгнуто, связи между его частями ослабѣли, вездѣ произошло пониженіе культурнаго уровня, — частное взяло верхъ надъ общимъ, мѣстное и временное надъ универсальнымъ и непреходящимъ въ этой цивилизаціи, вырабатывавшейся нѣсколькими народами въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Европейскій Западъ не избѣгъ общей участи, обособился и замкнулся; образованность и у него пришла въ упадокъ, и даже одно время арабская наука стояла далеко впереди западно-европейской. Но тотъ же Западъ первый и началъ выходъ изъ этого состоянія, сдѣлавшись продолжателемъ объединительной и цивилизаторской дѣятельности греко-римскаго міра. * *I, 7-8 Возрожденіе и Реформація являются поворотными пунктами въ исторіи Запада, имѣющими несомнѣнно всемірно-историческое значеніе. Средне-

вѣковая католико-феодальная культура, проникнутая мѣстными и временными вліяніями романо-германскаго міра, подвергалась критикѣ съ болѣе универсальныхъ и непреходящихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ стали открываться болѣе широкіе умственные горизонты. Историческое развитіе личности подняло Западъ на ту культурную высоту, на какую давно уже никто не становился, и общественная жизнь выдвинула людей, коимъ сдѣлалось слишкомъ тѣсно въ рамкахъ ограниченнаго мѣстными и временными условіями средневѣкового горизонта. Возрожденіе и Реформація были какъ бы возвращеніемъ къ самимъ источникамъ европейской цивилизаціи, къ античной древности и первоначальному христіанству, изсякшимъ и исказившимся въ средніе вѣка,—къ тому, что было наиболѣе универсальнаго и непреходящаго въ этихъ источникахъ. Классическая литература въ рукахъ гуманистовъ и Библія въ рукахъ протестантовъ сдѣлались двумя главными орудіями въ борьбѣ съ отживавшими свой вѣкъ соціально-культурными формами, но и та, и другая могли получить такое значеніе лишь благодаря тому, что народилась личность, сознательно противопоставившая свое *я* внѣшнему міру и потребовавшая возрожденія и преобразованія жизни на новыхъ началахъ. Это-то и было залогомъ дальнѣйшаго прогресса, къ которому стали пріобщаться и другіе народы. Если въ средніе вѣка западно-европейскій міръ подготовлялся къ роли главнаго дѣятеля во всемірной исторіи прогресса, преимущественно благодаря своимъ общимъ историческимъ условіямъ, то въ новое время онъ сталъ и въ дѣйствительности такимъ дѣятелемъ въ силу совершающейся въ немъ энергичной работы мысли въ области наиболѣе универсальныхъ и непреходящихъ идей. Культурно-соціальныя формы, какъ готовые результаты дѣйствія мѣстныхъ и временныхъ условій, не вездѣ и не всегда могутъ быть переносимы въ неизмѣненномъ видѣ съ одной исторической почвы на другую, и чѣмъ болѣе въ ихъ образованіи участвовало мѣстное и временное, тѣмъ

болѣе именно и нужно считаться съ условіями возможности ихъ перенесенія: наибольшая универсальность и непреходящесть, способствующія сàмому широкому распространенію выработаннаго одними среди другихъ, принадлежитъ идеямъ, т.-е. интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ принципамъ, разъ умъ, ихъ вырабатывающій, возвышается до общечеловѣческой точки зрѣнія. Вотъ этими-то идеями и самостоятельною выработкою ихъ въ нѣдрахъ развитаго личнаго *я* съ примѣненіемъ ихъ къ внѣшнимъ отношеніямъ жизни особенно и отличается новая западно-европейская цивилизація.

5. Публицистическая школа, принижающая романо-германскій типъ передъ греко-славянскимъ, признавая, однако, превосходство западной науки, ставитъ „Европѣ“ въ вину какъ разъ то, что составляетъ ея силу и безъ чего не могло бы въ ней быть и науки,—первенство въ коей снисходительно уступается Западу,—и вмѣстѣ съ тѣмъ щедро надѣляетъ греко-славянскій типъ качествами, имѣющими для адептовъ школы идеальное значеніе и будто-бы въ этомъ идеальномъ значеніи уже характеризующими весь греко-славянскій культурный типъ. Признаками западно-европейскаго типа считаются именно чрезмѣрное развитіе личности, неуваженіе къ преданію и приверженность къ формѣ, подъ которыми разумѣются стремленіе къ самостоятельному проявленію личнаго *я*, духъ изслѣдованія и исканіе наилучшихъ формъ общежитія и которымъ противополагаются, какъ признаки типа восточнаго, соборное начало, вѣрность искони воспринятой вселенской истинѣ и предпочтеніе, оказываемое внутреннему содержанію и духу передъ внѣшней формой и буквой. Индивидуализмъ, пытливая мысль, преобразовательныя стремленія, составляютъ дѣйствительно существующія, реальныя явленія, характеризующія новое западно-европейское развитіе и вообще культурную и соціальную жизнь всякой страны, идущей по дорогѣ прогресса, и безъ того, что школа считаетъ основными грѣ-

хами „европейской“ цивилизаціи, не могла бы существовать сама не отвергаемая школою наука, прежде всего требующая высокаго личнаго развитія, критическаго отношенія ко всему, существующему въ силу одной традиціи, и такихъ формъ, которыя обезпечивали свободное развитіе ума,— наука, сама содѣйствующая личному развитію, воспитывающая умственную пытливость и ставящая себѣ задачею между прочимъ и выработку наиболѣе въ нравственномъ смыслѣ справедливыхъ, а въ общественномъ смыслѣ полезныхъ формъ народной жизни, тогда какъ предполагаемые признаки греко-славянскаго типа суть въ теоріяхъ школы простыя понятія, подъ коими или не мыслится ничего реальнаго, или разумѣются явленія, обобщаемыя совершенно произвольно, или же имѣются въ виду вещи, вовсе не соотвѣтствующія той роли, какую имъ приходится играть, причемъ школа не въ состояніи указать, какимъ образомъ восточныя начала могли бы создать что-либо эквивалентное западной наукѣ.

Славянофилы совершенно вѣрно характеризуютъ современную западную Европу, какъ міръ развитой личности, критической мысли, сознательной выработки общественныхъ формъ, но совершенно напрасно представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто бы всѣми этими признаками опредѣляется самъ романо-германскій типъ на протяженіи всего своего культурнаго и соціальнаго развитія, а не извѣстный историческій моментъ въ этомъ развитіи,—и столь же напрасно утверждаютъ, что міръ греко-славянскій изначала и до конца вѣковъ былъ и долженъ оставаться на той ступени культурнаго и соціальнаго развитія, на которой личность мало выступаетъ, какъ самобытное *я*, затериваясь въ однородной массѣ, индивидуальная мысль не обнаруживаетъ оригинальности, вращаясь въ кругу традиціонныхъ идей, а общественныя формы не подвергаются измѣненіямъ во имя обезпеченія личнаго развитія, представляясь неразвитому уму, какъ совершенно безразличный и въ то же время неприкосновен-

ный порядокъ вещей. Если даже и вѣрно указанное противоположеніе между европейскимъ Западомъ и Востокомъ,— а безусловная вѣрность его сомнительна,—то оно имѣетъ совсѣмъ не такое значеніе, какое ему приписывается этой школой. Личное начало въ исторіи съ его необходимыми слѣдствіями: самостоятельною работою мысли надъ вопросами мысли и жизни и съ стремленіемъ къ осуществленію въ дѣйствительности новыхъ общественныхъ идеаловъ, какъ и все другое въ исторіи, способно къ бо̀льшему или меньшему развитію и притомъ въ зависимости, конечно, отъ разныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: чѣмъ ниже культурный уровень и несовершеннѣе соціальная организація, тѣмъ менѣе средствъ дается обществомъ отдѣльнымъ его членамъ для ихъ личнаго развитія, тѣмъ менѣе личность способна проявить себя, какъ самостоятельное и самобытное *я*, и наоборотъ, чѣмъ выше стоитъ общество въ культурномъ и соціальномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе оно помогаетъ проявленію въ индивидуальной жизни и дѣятельности того, что изъ отдѣльной особи человѣческаго рода, изъ экземпляра культурной группы, изъ атома общественнаго организма дѣлаетъ личность, какъ развитое *я* съ своей оригинальной физіономіей, съ своими мыслью, чувствомъ и волей. По основному закону развитія цивилизаціи культурно-соціальный прогрессъ влечетъ за собою то, что можно назвать ростомъ личности, и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливается этимъ ростомъ, – послѣднее по той причинѣ, что чѣмъ менѣе культурно - соціальныя перемѣны совершаются путемъ самопроизвольной эволюціи (évolution spontanée) вслѣдствіе безсознательной дѣятельности массъ, живущихъ чисто традиціонными идеями и не вдумывающихся въ сущность общественныхъ отношеній, съ коими имъ приходится имѣть дѣло, т.-е. чѣмъ болѣе вносится въ жизнь личнаго сознанія, личной инициативы, личнаго творчества, тѣмъ все болѣе и болѣе культурно-соціальныя измѣненія обнаруживаютъ стремленіе приближаться къ идеалу истины и спра-

ведливости. Личное начало присуще исторіи на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, ибо самъ историческій процессъ въ послѣднемъ анализѣ сводится весь къ взаимодѣйствію между личностью и культурно-соціальною средою, и вопросъ можетъ быть лишь о степени развитія, о количествѣ и о силѣ этого начала въ тотъ или другой моментъ историческаго бытія отдѣльной націи или цѣлаго культурнаго міра въ родѣ, напр., западно-европейскаго: если въ этомъ послѣднемъ индивидуализмъ достигаетъ наибольшаго развитія въ наибольшемъ количествѣ случаевъ и съ наибольшею силою противопоставляетъ себя косности или безсознательному саморазвитію культурно-соціальной среды, то это служитъ лишь однимъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ особенно значительномъ прогрессѣ, совершенномъ западною Европою въ духовномъ и общественномъ отношеніяхъ. Сами по себѣ культурныя и соціальныя формы, зависящія отъ данныхъ условій мѣста и времени, лишь тогда получаютъ болѣе универсальное и непреходящее значеніе, когда въ нихъ вложено много такого, что является результатомъ чисто личной, отрѣшенной отъ вліяній мѣстныхъ и временныхъ формъ, такъ сказать, общечеловѣческой мысли, говорящей уму и сердцу человѣка, какъ таковаго, а не какъ представителя той или другой культурной группы. Заключается ли въ такомъ развитіи преимущество или, какъ кажется другимъ, недостатокъ, во всякомъ случаѣ, и преимущество это и этотъ недостатокъ,—если только права, конечно, теорія культурно-историческихъ типовъ,—не могутъ считаться признаками одного романо-германскаго міра, ибо личное начало присуще исторіи вообще, хотя и не всегда въ одинаковой степени, а изъ всѣхъ цивилизацій наиболѣе благопріятною для его развитія является та, родоначальниками коей въ Европѣ были древніе греки, а наслѣдниками сдѣлались всѣ христіанскіе народы какъ западной, такъ и восточной половины Европы, хотя бы по особымъ историческимъ условіямъ лишь одна изъ этихъ половинъ, романо-германская, и раньше, и

всестороннѣе проявила способность къ тому, чтобы развивать далѣе общечеловѣческую цивилизацію, а не заботиться лишь о томъ, чтобы быть „хранительницей древняго образованія“.

6. Сравнивая средневѣковую и новую европейскую цивилизацію, мы скорѣе между двумя этими послѣдовательными эпохами найдемъ ту разницу, которую нѣкоторые думаютъ установить между двумя одновременными типами этой цивилизаціи, разъ мы примемъ въ соображеніе ту простую истину, что во всякой прогрессивной исторіи эпохѣ, когда личное начало достигаетъ замѣтной степени развитія, проявляется въ большомъ количествѣ индивидумовъ и обнаруживаетъ значительную силу,—должна необходимо предшествовать эпоха слабости этого начала, эпоха безраздѣльнаго господства коллективнаго и традиціоннаго, т.-е. именно того, чему вышеупомянутая школа хотѣла бы придать—подъ другими только названіями—высшее и идеальное значеніе. Средніе вѣка и новое время на Западѣ, развитіе котораго совершалось съ бо̀льшею быстротою, чѣмъ другой половины Европы, также уже вступившей въ новую исторію,—средніе вѣка и новое время, говоря вообще, отличаются между собою какъ эпоха преобладанія коллективнаго и традиціоннаго и эпоха выступленія на историческую сцену личнаго начала *. То, что придаетъ новой западно-европейской исторіи общечеловѣческое, универсальное и непреходящее значеніе, заключается именно въ культурномъ ростѣ личности и въ ея борьбѣ за свои общественныя права *, въ ея работѣ надъ задачей міросозерцанія, которое оправдывалось бы личною мыслью, въ ея стремленіи создать общественныя формы, соотвѣтствующія человѣческому достоинству.

*I, 267-275

*I, 265-267

Вся новая исторія вообще можетъ служить самымъ лучшимъ опроверженіемъ соціологической теоріи, которая принижаетъ личность, какъ дѣятеля исторіи, видя въ послѣдней одну безличную эволюцію, одно саморазвитіе (évolution spontanée)

культурныхъ и соціальныхъ формъ, не усматривая въ ней стороны прагматической, т. е. дѣятельнаго участія человѣческой мысли, человѣческихъ желаній, человѣческой воли въ измѣненіяхъ духовнаго и общественнаго быта, даже отрицая существованіе личнаго творчества, исходящаго изъ индивидуальной инициативы и сознательно, однако, ставящаго себѣ цѣли общаго значенія. Пусть другія эпохи до извѣстной степени оправдываютъ теорію органической эволюціи культурныхъ и соціальныхъ формъ,—поскольку въ этой теоріи есть, дѣйствительно, доля истины,—новая исторія будетъ всегда доказательствомъ того, что указываемая концепція исторіи не заключаетъ въ себѣ всей истины, а потому и не можетъ быть названа вполнѣ вѣрною. Въ новой исторіи мы на каждомъ шагу имѣемъ дѣло съ личностью, не удовлетворяющеюся традиціонными рѣшеніями вопросовъ мысли и жизни и ищущею новыхъ отвѣтовъ на эти вопросы, протестующею противъ несовершенствъ и злоупотребленій созданной исторіей дѣятельности во имя лично сознанной высшей правды, борящеюся за свои естественныя права и человѣческое достоинство, подавляемыя и отрицаемыя унаслѣдованными изъ прошлаго культурными и соціальными формами, съ личностью, стремящеюся къ цѣлесообразному измѣненію этихъ формъ, какъ продуктовъ слѣпой игры историческихъ силъ, и расширяющею свою дѣятельность активнымъ вмѣшательствомъ въ ходъ исторіи, дабы направить его въ ту или другую сторону, насколько это возможно для отдѣльнаго человѣка, и эта-то самая личность, сознательно работающая надъ идеями и учрежденіями, изъ коихъ складывается ея духовная и общественная среда, представляется намъ здѣсь въ образѣ великаго множества мыслителей, ученыхъ, поэтовъ и публицистовъ, религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ реформаторовъ, инициаторовъ цѣлыхъ культурныхъ направленій и вождей отдѣльныхъ общественныхъ движеній, идеи и стремленія коихъ при всей ихъ связи съ вызвавшими ихъ національными мѣстными и временными условіями

носятъ на себѣ печать личной оригинальности, развитой индивидуальности и получаютъ потому интересъ общечеловѣческій, универсальный, непреходящій.

Видя въ новой исторіи на каждомъ шагу разнообразныя проявленія личнаго начала, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что при выдающейся роли, какую начинаетъ играть личность въ культурной и соціальной жизни, сознательная переработка человѣкомъ духовныхъ и общественныхъ условій его собственнаго существованія дѣлается одною изъ видныхъ сторонъ историческаго процесса на Западѣ въ новое время: это—исторія самосознанія личности, какъ отдѣльнаго *я* и какъ члена общества, исторія выработки личностью новыхъ теоретическихъ идей, опредѣляющихъ ея отношеніе къ Божеству и къ мірозданію, моральныхъ и соціальныхъ принциповъ, которые должны опредѣлять ея поведеніе относительно другихъ и обусловливаютъ характеръ ея требованій отъ общества, исторія практическаго рѣшенія личностью общественныхъ вопросовъ, ставившихся ей самою жизнью, и рѣшенія ихъ именно на основаніи общихъ принциповъ, выработанныхъ личною мыслью. Благодаря сильному, широкому и всестороннему участію личной мысли въ культурномъ развитіи Запада въ новые вѣка, это развитіе въ связи съ задачами, которыя ставила уму и соціальная сторона исторіи, подняло массу нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, отрѣшило ихъ всеобщую и вѣчную сущность отъ того, что вносилось въ нихъ особыми условіями страны и эпохи, обобщило ихъ до той степени, на которой они могли бы получить уже общечеловѣческое значеніе, и придало своимъ на нихъ отвѣтамъ прямо всемірно-историческій смыслъ.

7. Личное начало есть начало духовное, духовная же сторона исторіи народа или группы народовъ выражается въ ихъ идейной культурѣ, въ ихъ представленіяхъ, понятіяхъ, знаніяхъ, принципахъ и идеалахъ, составляющихъ то, что нѣмцы называютъ „объективнымъ“ духомъ народа и

что можно назвать также его философіей. Всемірно-историческая точка зрѣнія есть по преимуществу точка зрѣнія культурной исторіи, поскольку историческая преемственность и стоящее съ нею въ связи взаимодѣйствіе націй сводятся главнымъ образомъ къ переходу отъ однихъ къ другимъ извѣстнаго идейнаго содержанія. Самыя идеи могутъ быть продуктами безсознательнаго коллективнаго творчества и традиціоннаго усвоенія или, наоборотъ, результатами работы личной мысли и самостоятельнаго ихъ воспріятія, но каково бы ни было ихъ происхожденіе и какимъ бы путемъ онѣ ни возникали въ индивидуальномъ умѣ, онѣ имѣютъ громадную силу надъ человѣкомъ и руководятъ его поведеніемъ, какъ руководятъ и цѣлыми общественными движеніями. Отсюда мысль, что идеи дѣлаютъ исторію, что идеи управляютъ исторіей, создаютъ всѣ ея перемѣны, и что исторія эпохи поэтому заключается въ ея философіи.

И отдѣльнымъ личностямъ, и цѣлымъ народамъ, равно какъ тѣмъ или другимъ общественнымъ группамъ присущи всегда извѣстныя духовныя стремленія, которыя въ сознаніи принимаютъ форму идей и могутъ оставаться неизмѣнными въ теченіе долгихъ періодовъ времени, какъ это было, напр., въ средніе вѣка, или быстро смѣняться однѣ другими, какъ мы это наблюдаемъ особенно въ новое время. Въ великихъ движеніяхъ новыхъ вѣковъ—въ Возрожденіи, въ Реформаціи, въ Просвѣщеніи, въ Революціи—духовныя стремленія личности проявлялись въ работѣ надъ новымъ міросозерцаніемъ, въ жаждѣ высшей религіозной причины, въ желаніи пріобрѣсти свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова, эти чисто нематеріальныя блага, въ защитѣ своего человѣческаго достоинства и добываніи гражданской равноправности: каждому такому движенію соотвѣтствовала своя особая идея о человѣкѣ, свой особый взглядъ на его природу, на его назначеніе, его права, его достоинство, его мѣсто въ обществѣ, т.-е. у каждаго такого движенія была своя философія, которая и дѣлалась господствующей философіей эпохи. Это

были все общіе вопросы, которые человѣкъ можетъ задавать себѣ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, какъ бы онъ ихъ ни ставилъ и какъ бы они ни рѣшались.

Долгое время въ историко-философскихъ теоріяхъ господствовала такая чисто-культурная, психологическая, идеалистическая концепція историческаго процесса и личности, какъ историческаго дѣятеля: существенное содержаніе исторіи заключалось въ одной духовной культурѣ, т.-е. въ религіи, философіи, наукѣ, морали, поэзіи, искусствѣ, правѣ, политическихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ; личность бралась какъ существо исключительно духовное, удовлетворяющее свои внутреннія стремленія работою въ культурной области и связанное съ другими подобными существами связью исключительно психическою; главными двигателями людей, какъ историческихъ дѣятелей, являлись потому идеи, и цѣлью ихъ стремленій признавалось духовное благо. Такая концепція исторіи была результатомъ обобщенія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ фактовъ, въ изобиліи доставленныхъ въ особенности новою исторіей, въ которой идейныя движенія въ самомъ дѣлѣ играли громадную роль и люди проявили особую страстность и энергію въ борьбѣ за то, что считали истиной, за такія духовныя блага, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, за признаніе своего человѣческаго достоинства. Но эта концепція весьма мало обращала вниманія на то, что у человѣка, кромѣ духовныхъ стремленій, есть матеріальныя потребности, главными изъ коихъ являются пища, одежда и жилище,—потребности, заставляющія его трудиться, дѣлать сбереженія, пріобрѣтать собственность, соединяться съ другими для совмѣстной работы, обмѣниваться съ ними продуктами труда и услугами, ставить себя въ подчиненное положеніе, эксплуатировать чужой трудъ, тяготиться бѣдностью, завидовать богатству, принимать тѣ или другія мѣры къ улучшенію своего положенія, подымать возстанія, стремиться къ переустройству общественнаго быта. Въ серединѣ XIX в. на Западѣ эко-

номическіе вопросы получили особенно жгучій характеръ, и подъ ихъ вліяніемъ возникла діаметрально-противоположная историко-философская концепція, по которой исторія эпохи заключается не въ ея философіи, а въ ея экономіи. Обѣ теоріи односторонни каждая въ своей исключительности и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ вѣрны, когда одна дополняетъ
*I, 39-40 другую. *

Матеріальныя потребности человѣка всегда давали себя знать въ историческихъ движеніяхъ, и новѣйшая наука открыла экономическую основу (конечно, рядомъ съ духовною) у такихъ съ перваго взгляда чисто-идейныхъ движе-
*I, 539 и слѣд. ній, каковыми, напр., были движенія религіозныя. * Подъ знаменемъ церковной реформаціи, которая, повидимому, вытекала всецѣло изъ неудовлетворительности обветшалыми формами религіозной жизни, происходили цѣлыя общественныя революціи, имѣвшія одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ въ экономическихъ интересахъ отдѣльныхъ классовъ населенія и искавшія или получавшія теоретическое оправданіе своихъ матеріальныхъ стремленій въ новыхъ духовныхъ принципахъ. Когда традиціонныя идеи, коими жило цѣлое общество, уступаютъ мѣсто новымъ понятіямъ и идеаламъ, въ сознаніи притомъ не отдѣльныхъ личностей, въ своемъ индивидуальномъ развитіи опережающихъ остальныхъ членовъ общества, а въ сознаніи цѣлыхъ классовъ послѣдняго, это всегда служитъ показателемъ нарожденія въ обществѣ болѣе или менѣе сильнаго стремленія къ перемѣнамъ въ области соціальныхъ формъ, вытекающаго въ послѣднемъ анализѣ изъ неудовлетворенности матеріальныхъ потребностей и желанія достигнуть лучшаго экономическаго положенія. Въ общемъ духовное развитіе естественно и необходимо обусловливается матеріальнымъ и само обусловливаетъ какъ это послѣднее, такъ и наростаніе новыхъ требованій, которыя личность предъявляетъ жизни вообще и въ частности соціальнымъ формамъ, опредѣляющимъ ея матеріальное благополучіе и неблагополучіе.

Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ зависитъ отъ трехъ главныхъ условій: отъ физическихъ условій страны, отъ высоты культурнаго уровня и отъ особенностей общественнаго строя. Каждый шагъ историческаго прогресса все болѣе и болѣе выдвигаетъ на первый планъ два послѣднія условія въ силу той власти, какую умственный прогрессъ даетъ человѣку надъ природою. Для перваго зарожденія исторической жизни оказались необходимыми извѣстныя климатическія и почвенныя условія, какихъ мы нигдѣ въ Европѣ не находимъ, но они не спасли отъ гибели древнѣйшія историческія націи съ ихъ сравнительно незначительною образованностью и весьма несовершенною гражданственностью. Развитіе, накопленіе и распространеніе знаній, возвышая духовный уровень общества, сопровождается и усиленіемъ власти человѣка надъ природой. Пріобрѣтать готовыя знанія, добывать новыя, передавать ихъ другимъ заставляютъ человѣка не только присущія его личности духовныя стремленія, удовлетворяемыя—наравнѣ съ наукой—религіею и философіей, литературою и искусствомъ, но и матеріальныя его потребности, какъ главный источникъ практическихъ усилій, направленныхъ на внѣшнюю природу. Не даромъ развитіе духовной культуры обыкновенно сопровождается и развитіемъ культуры матеріальной, сводящейся къ техникѣ всякаго рода, подобно тому, какъ духовная сводится къ идеямъ: идеальный прогрессъ и прогрессъ техническій суть результаты одного и того же умственнаго развитія, одного и того же стремленія личности къ возвышенію своего внутренняго, духовнаго существа и къ улучшенію своего внѣшняго, матеріальнаго быта. Вотъ почему исторія западной Европы въ новое время, гдѣ личное начало получило наиболѣе широкое развитіе, не только выработала богатую идеальную культуру, превосходящую своимъ общечеловѣческимъ характеромъ всѣ иныя цивилизаціи, но совершила еще массу техническихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій,

которымъ суждено улучшить матеріальный бытъ всего человѣчества: техническій прогрессъ западной Европы созданъ также бо́льшимъ въ ней развитіемъ личности, присущимъ высшимъ ступенямъ этого развитія духомъ иниціативы, изобрѣтательности, творчества, дѣятельной энергичности.

Личное развитіе, которое есть прежде всего развитіе духовное, сопровождается въ человѣкѣ развитіемъ сознанія собственнаго достоинства, своихъ правъ и между прочимъ своего права на человѣческое существованіе, развитіемъ идеи человѣческой личности вообще и равнаго для всѣхъ права. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка,—ростущихъ, нужно сказать, вмѣстѣ съразвитіемъ культуры,—находится, какъ мы замѣтили, въ зависимости и отъ особенностей общественнаго строя, представляющихъ собою именно условія, коими опредѣляется отношеніе разныхъ личностей къ матеріальнымъ благамъ жизни и существующимъ источникамъ этихъ благъ, къ почвѣ и водѣ и всему, что находится надъ ними и подъ ними на потребу человѣка, къ накопленнымъ результатамъ прежняго физическаго и духовнаго труда, къ тѣмъ орудіямъ, безъ которыхъ человѣкъ безпомощенъ по отношенію къ силамъ природы, служащимъ ему въ его матеріальныхъ потребностяхъ. Недоступность этихъ благъ, затрудненіе въ пользованіи ими, неравномѣрность ихъ распредѣленія, какъ причины, нарушавшія матеріальные интересы тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, время отъ времени приводили къ общественнымъ движеніямъ,—приводили и тогда, когда слишкомъ замѣтно ухудшалось экономическое положеніе массъ, и тогда, когда въ массахъ возникало болѣе развитое сознаніе человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ. Соціальный вопросъ, занявшій столь важное мѣсто въ исторіи XIX в. и даже создавшій одностороннюю историческую концепцію „экономическаго матеріализма", есть прежде всего порожденіе того индивидуализма новой исторіи, который выражался въ разныя культурныя эпохи въ разныхъ требова-

ніяхъ личности: въ гуманизмѣ личность, такъ сказать, отстаивала самыя общія права своей духовной и физической природы, въ протестантизмѣ — свою внутреннюю, духовную свободу, свободу своей совѣсти, въ „просвѣщеніи“ — свободу мысли и изслѣдованія, свободу слова и духовнаго общенія, въ разныхъ политическихъ и общественныхъ движеніяхъ новаго времени — право на неприкосновенность, на свободное передвиженіе, на произвольный выборъ занятій, на безпрепятственное распоряженіе своимъ достояніемъ и результатами своего труда, на равное съ другими отношеніе къ себѣ государства, на устраненіе сословныхъ перегородокъ въ области гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, на лучшее удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Отстаивая все это и добиваясь всего этого гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, личность въ концѣ-концовъ боролась не за дѣло той или другой націи, того или другого вѣроисповѣданія, того или другого государства, того или другого общественнаго класса, а за право человѣка вообще: вотъ это-то придаетъ ея борьбѣ общечеловѣческое и всемірно-историческое значеніе, сообщаетъ ей, какъ было уже сказано, универсальный и непреходящій интересъ, и именно съ этой точки зрѣнія, повторяемъ, имѣетъ особую важность западно-европейская исторія съ ея глубокою и всестороннею, упорною и небезуспѣшною борьбою за права человѣческой личности.

8. Благодаря такому своему характеру, новая исторія западной Европы получила характеръ сознательной постановки и принципіальнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія права личности на возможно полное удовлетвореніе ея духовныхъ стремленій и матеріальныхъ потребностей. Историческая жизнь постоянно ставитъ для рѣшенія все новые и новые вопросы, порождаемые или мѣстными и временными условіями самой жизни, или одинъ изъ другого вытекающіе во всемірномъ и вѣчномъ, въ предѣлахъ человѣческаго міра, процессѣ само-

утвержденія личности. Каждое государство, какъ единое коллективное цѣлое, отстаивающее себя въ международной борьбѣ, имѣетъ свои историческія задачи, преслѣдуетъ свои политическія цѣли, разрѣшаетъ свои культурные и соціальные вопросы, нерѣдко и даже скорѣе слишкомъ часто игнорируя отдѣльныя личности, подавляя ихъ духовныя стремленія, жертвуя ихъ интересами, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ историческія задачи, политическія цѣли и культурно-соціальные вопросы имѣютъ чисто мѣстное и временное значеніе, причемъ въ основѣ разныхъ способовъ рѣшенія этихъ задачъ и вопросовъ и въ основѣ средствъ, принимаемыхъ для достиженія этихъ цѣлей, лежатъ не постоянно развивающіеся, по происхожденію своему въ духовной природѣ человѣческой личности универсальные и непреходящіе принципы высшей правды, какъ конечные культурные и соціальные идеалы, а соображенія наибольшаго при данныхъ обстоятельствахъ удобства, наибольшей пользы для даннаго политическаго цѣлаго, наибольшей выгоды для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится возможность, власть, право распоряженія. Какія бы, однако, задачи ни ставило себѣ государство и какъ бы оно ихъ ни исполняло, какія бы цѣли ни преслѣдовала его политика и внѣшняя, и внутренняя, какіе бы вопросы мѣстнаго и временнаго характера въ немъ ни возникали и въ какую сторону ни совершалось бы ихъ рѣшеніе, все это никогда не бываетъ лишено принципіальнаго значенія съ общечеловѣческой и всемірно-исторической точки зрѣнія: всякое рѣшеніе нарождающихся какимъ бы то ни было путемъ общественныхъ вопросовъ, имѣя то или другое значеніе въ исторіи даннаго государства, какъ соціальнаго цѣлаго съ особыми традиціями, стремленіями, нуждами и интересами, неизбѣжно получаетъ то или другое значеніе для духовнаго развитія и матеріальнаго благополучія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, живущихъ въ данномъ государствѣ, а при существованіи исторической преемственности народовъ и ихъ культурномъ

взаимодѣйствіи оказываетъ то или другое, т.-е. благотворное или вредное дѣйствіе и на весь всемірно-историческій прогрессъ. Съ другой стороны, разрѣшеніе ставимыхъ внутреннею жизнью каждаго государства общественныхъ вопросовъ, будетъ ли оно выгоднымъ или невыгоднымъ для личнаго развитія и благополучія, прогрессивнымъ или регрессивнымъ, можетъ быть лишь чисто практическимъ, не вытекающимъ изъ общихъ понятій и не вносящимъ новыхъ принциповъ въ общее сознаніе, или, наоборотъ, принципіальнымъ, сопровождающимся теоретическою, идейною постановкою общихъ положеній. Западно-европейскія государства новаго времени, какъ и всѣ вообще государства въ исторіи, конечно, имѣли свои особыя историческія задачи традиціоннаго свойства, приводившія ихъ во враждебныя столкновенія однихъ съ другими или создававшія между ними союзы, ставили себѣ политическія цѣли, для осуществленія коихъ требовалось принесеніе въ жертву отдѣльными личностями ихъ жизни, здоровья, независимости, достоянія и труда, и понимали и разрѣшали назрѣвавшіе культурные и соціальные вопросы въ смыслѣ національныхъ традицій и политическихъ интересовъ, нерѣдко не имѣвшихъ ничего общаго съ стремленіями и внутренними потребностями отдѣльныхъ личностей, часто даже оказывавшихся лишь традиціями и интересами правителя или правящаго класса и не находящихся ни въ какомъ принципіальномъ отношеніи къ вопросамъ духовнаго и общественнаго прогресса. Развитіе личности въ новое время сдѣлало невозможнымъ, чтобы рѣшеніе общественныхъ вопросовъ на Западѣ происходило только такимъ образомъ. Національно-политическимъ традиціямъ и интересамъ, требовавшимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ въ извѣстномъ смыслѣ, личность стала противопоставлять свои стремленія и потребности, разъ только замѣчала, что государственныя требованія идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что она считала своимъ неотъемлемымъ правомъ по божескому и естествен-

ному закону, выдвигая на свою защиту аргументы принціпіальнаго свойства и тѣмъ самымъ заставляя искать высшаго теоретическаго оправданія и для предѣловъ власти государства. Съ другой стороны, она подвергала критикѣ традиціи и интересы, во имя коихъ у нея требовались жертвы, и если обнаруживала, что въ сущности это суть традиціи и интересы властвующаго меньшинства, а не всей совокупности личностей, культурно и соціально объединенныхъ въ одно цѣлое, то отказывала этимъ принципамъ въ правѣ быть положенными въ основу рѣшенія ставимымъ жизнью вопросамъ, требуя, наоборотъ, ихъ рѣшенія въ смыслѣ дѣйствительно народнаго и общественнаго блага, немыслимаго безъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія всѣхъ. Вслѣдствіе этого и государство въ своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ собственному самосохраненію, все болѣе и болѣе было вынуждаемо считаться съ потребностями и желаніями общества, которое для лучшаго обезпеченія правъ за отдѣльными своими членами стало стремиться къ политическому самоуправленію, т.-е. къ участію во власти, ища оправданія и этому стремленію въ идеѣ человѣческой свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ и правящимъ классамъ нужно было начать отучаться отъ отождествленія государственныхъ задачъ и цѣлей съ одними своими культурными стремленіями и соціальными интересами, такъ какъ въ общее сознаніе все болѣе и болѣе сталъ проникать тотъ принципъ, что разъ во имя общаго блага существуетъ государство, требующее отъ своихъ членовъ подчиненія извѣстному общему закону, выгодами этого соединенія должны пользоваться всѣ и всѣ въ одной мѣрѣ должны подчиняться вытекающимъ отсюда обязанностямъ То, что съ точки зрѣнія уже раньше упоминавшейся теоріи является преклоненіемъ передъ внѣшними формами, коему противополагается въ этой теоріи нигдѣ и никогда въ дѣйствительности не осуществлявшаяся жизнь въ одномъ единеніи духа, есть не что иное, какъ стремленіе развитой личности къ такой организаціи общественнаго быта, которая наиболѣе соотвѣтство-

вала бы требованіямъ ея духовной сущности и до извѣстной степени обезпечивала бы ея матеріальное благосостояніе.

Индивидуалистическій принципъ теоретическаго и практическаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ въ новой западно-европейской исторіи осуждается не только русской публицистической школой, доходящей до отрицанія общечеловѣческихъ началъ во имя мѣстныхъ и культурныхъ традицій, но и однимъ западно-европейскимъ направленіемъ, выросшимъ на почвѣ новѣйшихъ общественныхъ стремленій, и являющимся ихъ прямымъ продолженіемъ. Съ точки зрѣнія этого направленія развитіе личности было осуждено и теоретически, и даже исторически *, какъ начало анти- *ш, 581
соціальное [1]). Въ обоихъ случаяхъ принципу личности, какъ началу отрицательному, противополагается въ сущности одно и то же, какъ нѣчто положительное, различно только называемое и понимаемое. У славянофиловъ это нѣчто получаетъ наименованіе соборнаго (или хорового) начала, которое признается будто бы искони вложеннымъ въ греко-славянскій духъ и уже осуществленнымъ въ его быту, на Западѣ же оно было обозначено, какъ принципъ братства (или коллективизма), и стало разсматриваться въ смыслѣ конечной цѣли соціальнаго прогресса. Западное осужденіе индивидуализма исходитъ изъ того положенія, что одно личное развитіе и одна индивидуальная свобода не составляютъ и не обезпечиваютъ народнаго благополучія, что полное предоставленіе личному произволу области экономическихъ отношеній даже прямо вредно для громаднаго большинства, и что для блага человѣчества необходимо обобществленіе, а не разъединеніе индивидуальныхъ силъ. Не отрицая вѣрности этихъ положеній, мы не только не думаемъ, чтобы въ нихъ заключались основанія для осужденія индивидуализма, правильно понимаемаго, но полагаемъ даже, что самъ исходный пунктъ этого разсужденія чисто индивиду-

[1]) *Louis Blanc.* Histoire de la révolution française, томъ I (переведенный и по-русски).

алистическій. Во-первыхъ, не нужно смѣшивать съ индивидуализмомъ, какъ стремленіемъ личности къ внутреннему самоопредѣленію и внѣшней свободѣ, не заключающимъ въ себѣ ничего противообщественнаго, съ нравственнымъ эгоизмомъ и соціальнымъ индифферентизмомъ *, которые могутъ встрѣчаться въ соединеніи и съ духовною неразвитостью и общественною несвободою индивидуума. Во-вторыхъ, разбираемый взглядъ явился, какъ реакція противъ воззрѣнія, по которому для народнаго блага будто бы достаточно однѣхъ политическихъ реформъ, обезпечившихъ личную свободу, — какъ протестъ противъ ученія, будто наилучшимъ средствомъ противъ всѣхъ экономическихъ золъ можетъ быть одна свободная конкуренція,—какъ лозунгъ, выставленный во имя экономическихъ нуждъ народной массы противъ либеральной буржуазіи, дорожившей принципомъ личной свободы, но не понимавшей нуждъ рабочаго класса, такъ что все противоположеніе идеала братства идеалу свободы объясняется не столько логически, сколько исторически. Въ-третьихъ, область требованій и приложеній индивидуализма гораздо шире той сферы, которая въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду, да и самъ коллективизмъ въ дѣлѣ добыванія средствъ къ существованію отнюдь не противорѣчитъ индивидуализму, какъ основному принципу духовной жизни. Мало того, наконецъ: самъ идеалъ коллективизма создался на почвѣ пробужденія въ массахъ сознанія личныхъ правъ и человѣческаго достоинства, на почвѣ стремленія къ обезпеченію благосостоянія наибольшаго числа лицъ, на почвѣ индивидуализма альтрюистическаго, пріучающаго къ состраданію чужой личной неудовлетворенности въ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ человѣческаго бытія, на почвѣ соціальнаго идеализма, исходящаго изъ того воззрѣнія, что не личность существуетъ для общественной организаціи, а общественная организація для личности. Такимъ образомъ современное общественное движеніе, поставившее на своемъ знамени принципъ коллективизма, нисколько не противорѣчитъ об-

*ı, 395 и слѣд.

щему индивидуалистическому характеру новаго политическаго развитія, совершаясь во имя стремленій и потребностей индивидуальной жизни.

9. Западно-европейскій историческій міръ въ средніе вѣка можетъ быть охарактеризованъ, какъ главными своими признаками, развившимся въ отдѣльныхъ его государствахъ феодализмомъ и объединившимъ всѣ его народы католицизмомъ, которые наложили свою печать на всѣ его культурныя и соціальныя формы *. На всю новую исторію мы *I, 15-26, 32-35
имѣемъ право смотрѣть, какъ на эпоху постепеннаго разрушенія католико-феодальныхъ духовныхъ и общественныхъ отношеній * силами, искавшими выхода изъ узкихъ и тѣс- *I, 19-20
ныхъ рамокъ средневѣковаго быта, причемъ этими силами оказались наиболѣе отрицавшіяся * принципами феодализма *I, 23-25
и католицизма начàла, во-первыхъ, государства, какъ установленія общественнаго, существующаго для общаго блага и пользующагося независимою верховною властью, и во-вторыхъ, личности, какъ существа, имѣющаго право на внѣшнюю и внутреннюю свободу, между тѣмъ какъ феодализмъ разлагалъ государство на частныя владѣнія, въ коихъ верховная власть была лишь своего рода придаткомъ землевладѣнія *, превращая въ то же время народную массу *I, 41 и слѣд.
въ прикрѣпленныхъ къ землѣ оброчниковъ землевладѣльца *, *I, 44 и слѣд.
а католицизмъ оспаривалъ у государства независимость *, *I, 285 и слѣд.
вмѣстѣ съ тѣмъ беря и духовную сторону личной жизни подъ безусловную свою опеку. * *I, 290 и слѣд.

Государство новаго времени выросло въ борьбѣ съ враждебными ему силами феодализма и католицизма, частью одержавъ надъ ними побѣду и перенесши на себя отнятыя у нихъ права, т.-е. ставши на ихъ мѣсто, частью вступивъ съ ними въ компромиссъ и оставивъ за ними ихъ привилегіи, другими словами, само признавши нѣкоторые ихъ принципы. Въ этой своей борьбѣ государственная власть опиралась на индивидуальныя и массовыя общественныя силы, имѣвшія также свои причины желать пораженія аристократіи и

клира, этихъ двухъ главныхъ соціальныхъ классовъ фео-
*I, 20-23 дально-католическаго общества *, и имѣвшія свои побужденія
помогать государственной власти въ ея борьбѣ съ этими
классами. Изъ двухъ союзниковъ, боровшихся съ феодально-
католическимъ строемъ, первые и самые богатые резуль-
таты побѣды выпали на долю государства, а личность
иногда оставалась не въ выигрышѣ, если не сказать—прямо
въ проигрышѣ. Государство, отнявши у феодальной аристокра-
тіи и католической церкви тѣ привилегіи, которыя были стѣ-
снительными для него самого, унаслѣдовало отъ нихъ многія
ихъ старыя права надъ личностью, прибавивъ къ нимъ
новыя, и оставило за обоими классами тѣ ихъ права, ко-
*I, 146-247; II, 381, 541 - 542, 552; III, 12-13, 19 и слѣд. торыя, не стѣсняя его самого, лежали тяжелымъ бременемъ
на остальной массѣ *. Все болѣе и болѣе расширяя свою
дѣятельность, оно сдѣлалось всепоглощающимъ политиче-
скимъ организмомъ, передъ коимъ личность была безсильна,
*I, 145. и фактамъ этого рода * соотвѣтствовали и аналогичныя по-
литическія идеи, складывавшіяся въ цѣлыя теоріи абсолют-
*I, 424; II, 610 и слѣд.; III, 208-209 ной государственности *. Личному развитію, встрѣчавшему
помѣху въ средневѣковыхъ культурно-соціальныхъ формахъ
феодализма и католицизма, въ новое время пришлось встрѣ-
титься съ препятствіемъ, какое возникло въ лицѣ государ-
ства, не хотѣвшаго знать никакого иного права, кромѣ своего
права. Личность и тутъ вступала въ борьбу за свои права,
имѣя нерѣдко противъ себя соединенныя силы государственной
власти, церковной организаціи и господствующихъ классовъ
*II, 389-390; III, 71 и слѣд. общества *.

Въ исторіи этой борьбы эпохи успѣха новыхъ культур-
ныхъ и соціальныхъ стремленій личности смѣнялись эпо-
хами реакціи, когда старыя побѣжденныя силы подымали
голову и начинали попятное движеніе. Въ новое время
*III, 1 и слѣд. нужно различать двѣ крупныя эпохи движенія впередъ *,
*II, 250 вызывавшаго два раза сильную реакцію: * первую эпоху
мы обозначаемъ, какъ Возрожденіе и Реформацію, вторую—
какъ Просвѣщеніе и Революцію. Въ обоихъ случаяхъ дви-

женіе впередъ исходило и сверху, отъ государственной власти, и снизу, отъ общества, изъ частной инціативы *, причемъ государство и личность то сходились, то расходились въ тѣхъ цѣляхъ, которыя каждый разъ ставились преобразованію культурныхъ и соціальныхъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ католико-феодальнаго средневѣковья. *I, 144-145; II, 189; III, 276-277

I. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени.

1. Феодальное общество.—2. Взаимныя отношенія духовенства и дворянства.—3. Землевладѣльческая аристократія и промышленно-торговая буржуазія.—4. Положеніе массы и соціальныя движенія.—5. Измѣненія въ крестьянскомъ быту и крестьянскій вопросъ.—6. Крупное и мелкое хозяйство, сельскій общественный бытъ и цеховая организація обрабатывающей промышленности.

1. Общественное положеніе личности опредѣляется принадлежностью ея къ тому или другому соціальному классу и тѣми отношеніями, въ какихъ разные соціальные классы стоятъ къ матеріальнымъ основамъ жизни (къ землѣ, капиталу, орудіямъ производства), къ государству и одни къ другимъ. Средневѣковая соціальная организація была основана на полномъ раздѣленіи сословій, изъ коихъ одни господствовали надъ другими, за коими государство признавало весьма различныя права и которыя совпадали съ рѣзко разграниченными экономическими классами. Сословный строй какъ феодальной, такъ и государственной эпохи не признавалъ за личностью, какъ таковою, никакихъ правъ, ибо, вмѣсто „правъ человѣка и гражданина", тогда признавались только привилегіи сословій, чрезъ которыя и отдѣльныя лица, разъ они принадлежали къ такимъ сословіямъ, получали всѣ свои права въ обществѣ и государствѣ *. *I, 265 и слѣд.; III, 71 и слѣд.
Феодализмъ создавалъ въ обществѣ извѣстную градацію личныхъ правъ — отъ могущественнаго феодальнаго сеньёра съ развитымъ чувствомъ своей независимости и своего до-

стоинства (въ формѣ рыцарской или дворянской чести) и
до крѣпостного крестьянина, находившагося въ рабскомъ
состояніи и бывшаго совершенно безправнымъ по отношенію
къ своему господину. Государство новаго времени всегда
обнаруживало стремленіе нивеллировать общественныя со-
*ш, 72 стоянія по отношенію къ самому себѣ *, но долгое время остав-
ляло существовать крайнее неравенство во взаимныхъ отно-
*ı, 146- шеніяхъ между сословіями *. При такомъ порядкѣ вещей
147; ш, 12-13 удѣломъ громаднаго большинства населенія было безправіе;
хотя крѣпостное состояніе, характеризующее положеніе
средневѣкового крестьянства, и стало исчезать въ нѣкото-
*ı, 172 и рыхъ мѣстностяхъ еще при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ
слѣд., 203 новому времени *, не нужно все-таки забывать, что рѣшитель-
и слѣд. ная и повсемѣстная его отмѣна началась только сто лѣтъ
*ш, 96 и тому назадъ *. Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ уста-
слѣд., 386 новленіе или усиленіе крѣпостничества было фактомъ срав-
1ı, 198; п, нительно болѣе поздняго времени *. Съ другой стороны
*02 и 377; ш, 97 тотъ же феодализмъ ставилъ господствующее меньшинство
въ особенно привилегированное положеніе и по отношенію
къ государству, и по отношенію къ массѣ: это было со-
стояніе свободы, но такой, которая несовмѣстима съ ува-
женіемъ къ закону и къ чужому праву.

Западно-европейское общество долгое время оставалось
обществомъ феодальнымъ. Феодализмъ создавалъ изъ пред-
ставителей крупнаго землевладѣнія обладателей верховной
власти, раздѣлявшихъ государство на болѣе мелкіе полити-
ческіе организмы, становившихся въ іерархическую зави-
*ı, 41 симость одни отъ другихъ *, и господствовавшихъ надъ мас-
сою, которая сидѣла на землѣ ихъ помѣстій, ведя, впрочемъ,
*ı, 44 самостоятельное хозяйство на отведенныхъ ей надѣлахъ *. Въ
ряды этой суверенной аристократіи католицизмъ поставилъ
и высшій клиръ, члены коего владѣли также феодальными
сеньеріями и пользовались всѣми правами своихъ свѣтскихъ
*ı, 214 и товарищей *. Между духовною и свѣтскою аристократіей,
слѣд. съ одной стороны, и подчиненной ей народною массою

шла постоянная борьба, переходившая часто въ борьбу открытую, причемъ возстававшіе защищали или стремились возвратить себѣ самыя элементарныя права личности, ссылаясь на божескіе и естественные законы: таково было въ эпоху крестовыхъ походовъ возстаніе городовъ *; таковы же, особенно были многочисленныя крестьянскія возстанія, изъ коихъ нѣкоторыя получили большую извѣстность въ исторіи, между прочимъ по связи своей съ движеніями религіозными и политическими *. Стремленіе закрѣпощенной народной массы къ гражданской свободѣ, т.-е. къ пользованію самыми элементарными правами личности, проходитъ черезъ всю исторію западно-европейскаго крестьянства со второй половины среднихъ вѣковъ, и черезъ всю же эту исторію проходятъ феодальныя реакціи *, ставившія своею цѣлью юридическое и экономическое порабощеніе народной массы. Въ этой борьбѣ заключается одна изъ наиболѣе важныхъ сторонъ соціальной исторіи Запада.

* I, 51 и слѣд.

* I, 148, 182-183, 198, 206, 545; II, 87 и слѣд.: III, 490

* I, 49, 181, 183, 205; II, 101-102, 394; III, 358, 443

2. Католицизмъ и феодализмъ поставили во главѣ западно-европейскаго общества духовенство и дворянство, которыя пользовались приблизительно одинаковымъ матеріальнымъ могуществомъ, заключавшемся въ крупномъ землевладѣніи, одинаковыми правами по отношенію къ государству и одинаковою властью надъ остальнымъ населеніемъ. Судьба обоихъ сословій была одна и та же: оба они и возвысились политически съ паденіемъ государства и оба утратили политическое значеніе съ развитіемъ новой монархіи. Что касается до отношеній обоихъ сословій къ землѣ, между собою и къ народу, то здѣсь судьба ихъ въ нѣкоторыхъ странахъ была различная.

Къ концу среднихъ вѣковъ церковное землевладѣніе и мірскія права духовенства стали вызывать протестъ. Рядомъ съ ссылками на несовмѣстимость духовнаго сана съ обладаніемъ матеріальными богатствами *; рядомъ съ народнымъ неудовольствіемъ, вызывавшемся корыстолюбіемъ духовенства, между прочимъ, и по отношенію къ его собственнымъ

* I, 219, 477

*i, 218 крестьянамъ *; рядомъ съ политикой государства, обнаруживающаго стремленіе во многихъ сторонахъ быта сдѣлаться наслѣдникомъ церкви, нельзя не отмѣтить еще антагонизма между двумя первыми чинами государства, причемъ дворянство не безъ зависти смотрѣло на богатства духовенства и особенно сочувственно относилось къ мысли о секуляризаціи церковной собственности, т.-е. объ отобраніи у клира его земель, въ концѣ-концовъ, однако, чтобы самому поживиться
*i, 218 и слѣд., 541; ii, 82, 87, 208, 336 на его счетъ *. Религіозная реформація XVI в. прекратила существованіе духовенства, какъ привилегированнаго землевладѣльческаго сословія, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ она была введена, дворянство дѣйствительно получило немало
*ii, 131, 196, 197, 203, 208, 215 непосредственныхъ выгодъ отъ секуляризаціи церковной собственности *. Въ странахъ, оставшихся вѣрными католицизму, клиръ сохранилъ въ полной неприкосновенности
*iii, 84-85, 376 прежнее свое соціальное значеніе *, которому нанесенъ былъ ударъ только церковной политикой просвѣщеннаго
*iii, 368 и слѣд. абсолютизма *, въ особенности же французской революціей, уничтожившей всякія сословныя привилегіи и секуляризиро-
*iii, 549 и слѣд. вавшей церковную собственность *. Послѣ католической реакціи общіе интересы сближали оба привилегированныя сословія, составлявшія въ сущности одинъ господствующій
*iii, 82 и слѣд. классъ общества *, и даже занятіе высшихъ церковныхъ должностей сдѣлалось во многихъ мѣстахъ чисто дворянской
*iii, 53, 85 привилегіей *. Поскольку духовенство обладало землями и пользовалось феодальными правами, постольку и оно принимало участіе какъ въ феодальныхъ реакціяхъ противъ народныхъ стремленій, такъ и въ консервативной оппозиціи по отношенію къ государству, лишь только послѣднее начинало урѣзывать соціальныя привилегіи.

3. До образованія самостоятельнаго и зажиточнаго городского сословія у духовной и свѣтской землевладѣльческой аристократіи не было соперниковъ въ обществѣ. Города сначала наравнѣ съ деревнями,—хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ послѣднія,—находились въ подчиненіи у феода-

ловъ, но города первые взялись за оружіе и отвоевали свободу у своихъ епископовъ и графовъ *. Въ исторіи соціальнаго развитія Запада свободный и промышленный городъ, въ которомъ образовалось особое сословіе, получившее названіе буржуазіи, игралъ весьма важную роль. Существенныя черты новаго общества въ его отличіи отъ средневѣковаго ранѣе всего проявились именно въ городахъ *. Города не только извнѣ вышли изъ-подъ власти феодаловъ, но и внутри освободили свой бытъ отъ феодальныхъ формъ. Здѣсь впервые верховная власть отдѣлилась отъ землевладѣнія и сдѣлалась выраженіемъ общей воли гражданства. Здѣсь впервые расторглись вассальныя узы, ставившія одного свободнаго человѣка въ зависимость отъ другого, и образовалось состояніе гражданъ. Здѣсь впервые совершенно исчезло крѣпостничество, и юридическая свобода лица сдѣлалась общимъ правиломъ. Здѣсь же впервые пала условная феодальная собственность *, и возникла свободная собственность новаго времени. Отсюда же вышли и тѣ силы, которыя наиболѣе содѣйствовали разрушенію феодализма и внѣ городовъ. Рядомъ съ феодальными сеньеріями возникли городскія общины, начавшія высылать своихъ представителей на государственные сеймы, утратившіе вслѣдствіе этого свой исключительно феодальный характеръ. Города помогали королевской власти въ ея борьбѣ съ духовными и свѣтскими вассалами. Въ болѣе позднія времена буржуазія явилась передовымъ сословіемъ народа въ его борьбѣ противъ аристократическихъ привилегій *. Наконецъ, городская жизнь выработала и въ экономической жизни новыя формы, коимъ суждено было оказать сильное вліяніе на соціальное развитіе Запада впредь до новѣйшаго времени. Феодальный бытъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія стремленій, занятій и нравовъ господствующаго класса общества, былъ по преимуществу бытъ военный *, тогда какъ въ городской жизни на первый планъ стали выдвигаться торговля и промышленность. Позднѣе, когда феодальное

*I, 51

*I, 52 и слѣд.

*I, 43

*III, 86, 472 и слѣд., 541 и слѣд.

*I, 21

дворянство превратилось въ расточительную, праздную и раболѣпную придворную знать, въ городахъ господствовали бережливость и трудовая жизнь—между прочимъ и въ умственной сферѣ—и не умирало стремленіе къ свободѣ. Въ смыслѣ экономической основы феодализмъ держался исключительно на землевладѣніи и на сельскомъ хозяйствѣ, которыя въ городахъ замѣнились движимымъ имуществомъ (капиталомъ), промышленностью и торговлею. Здѣсь впервые стало возникать и денежное хозяйство въ противоположность натуральному, господствовавшему въ феодальномъ быту *.

*I, 236 и слѣд.

Благодаря послѣднему обстоятельству, имущій классъ общества раздѣлился на Западѣ на землевладѣльческій и торгово-промышленный. И между ними возникъ также антагонизмъ, питавшійся сначала преимущественно сословнымъ неравенствомъ аристократіи и буржуазіи, а потомъ, когда стали падать сословныя рамки,—что, напр., ранѣе всего произошло въ Италіи, Англіи и Голландіи *,—поддерживавшійся противоположностью интересовъ между двумя классами, получающими свои доходы изъ разныхъ источниковъ. Въ общественной жизни Запада городской классъ все болѣе и болѣе выдвигался впередъ, пока не началъ соперничать съ дворянствомъ и даже не сдѣлался самъ господствующимъ и правящимъ классомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ въ политической жизни болѣе демократическихъ началъ. Существованіе сословныхъ привилегій прямо становилось поперекъ соціальныхъ стремленій буржуазіи, а потому ея интересы въ этомъ отношеніи совпадали съ интересами крестьянства. Лишь послѣ паденія сословныхъ перегородокъ въ новѣйшее время, такъ сказать, обнажилась чисто экономическая основа соціальныхъ классовъ въ безсословномъ гражданствѣ, созданномъ главнымъ образомъ усиліями буржуазіи *.

*I, 56-57, 97-98, 207-208; III, 90 и слѣд.

*I, 208; III, 89 и слѣд., 541 и слѣд.

Не нужно, однако, думать, что первое образованіе капитала и богатой буржуазіи произошло на почвѣ промы-

шленности. Средневѣковая промышленность имѣла цеховое устройство, поддерживавшее мелкій промыселъ и мѣшавшее отдѣленію труда отъ орудій производства, содѣйствовавшее болѣе равномѣрному распространенію заработка и не допускавшее ни сосредоточенія большихъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, ни образованія пролетаріата *. Первые большіе капиталы, которые лишь впослѣдствіи стали прилагаться къ крупной промышленности, были результатомъ главнѣйшимъ образомъ заграничной оптовой торговли, начавшей сильно развиваться въ исходѣ среднихъ вѣковъ *. Только съ развитіемъ капитала путемъ крупной торговли, съ вырожденіемъ цеховъ *, съ обезземеленіемъ крестьянства, создавшимъ пролетаріатъ *, съ возникновеніемъ экономической политики меркантилизма, поддерживавшаго крупную промышленность *, а позднѣе съ установленіемъ экономической свободы *, давшей полный просторъ дѣятельности капиталистовъ, съ отмѣною цеховъ и запрещеніемъ рабочихъ союзовъ *, которыя поставили рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, и наконецъ съ развитіемъ машиннаго производства (съ конца XVIII вѣка) крупная промышленность вполнѣ стала на ноги и начала играть въ соціальной жизни роль, одинаковую съ ролью крупнаго землевладѣнія и крупной торговли.

*i, 226 и слѣд.

*i, 243 и слѣд.

*i, 235 и слѣд.; iii, 116 и слѣд.

*i, 179, 194, 208 и слѣд.; ii, 425 и слѣд.; iii, 90, 107 и слѣд.

*i, 247 и слѣд.; ii, 535 и слѣд.; iii, 115, 122 и слѣд.

*iii, 243 и слѣд., 259 и слѣд.

4. Духовенство, дворянство и буржуазія, какъ сословія вполнѣ или отчасти привилегированныя *, хотя и въ неравной степени, между прочимъ одни пользовавшіяся правомъ представительства въ государственныхъ сеймахъ *, и какъ классы, въ обладаніи коихъ сосредоточились земли и капиталы, возвышались надъ массою крестьянства и городского простонародья. Юридическая неравноправность (а въ деревняхъ и несвобода) и неудовлетворительность экономическаго быта большинства сельскаго и городского населенія вызвали въ новой исторіи западной Европы два главныхъ соціальныхъ вопроса, которые существовали, конечно, давно, но поставлены были и стали рѣшаться лишь въ XVIII и XIX вв., именно вопросы крестьянскій и рабочій *, причемъ пер-

*iii, 432-433, 435, 526, 538-539

*i, 59; iii, 87-89.

*i, 62 и слѣд.

*iii, 95, 113-114, 250 и слѣд., 389 и слѣд., 544 и слѣд.

вый касался ликвидаціи старыхъ соціальныхъ отношеній, возникшихъ на почвѣ феодализма, а второй былъ поставленъ только въ самое новое время въ связи съ результатами развитія пролетаріата, крупной промышленности, капитализма и политическаго могущества буржуазіи.

Положеніе народной массы было приниженное. Въ эпоху господства феодализма она находилась въ полномъ почти порабощеніи. Когда возникла сословная монархія * (*i, 61 и слѣд.), право представительства въ государственныхъ сеймахъ принадлежало лишь духовенству, дворянству и городамъ * (*i, 62-63, 148), которые пользовались своимъ политическимъ вліяніемъ самымъ своекорыстнымъ образомъ и въ ущербъ народнымъ правамъ и интересамъ * (*i, 172, 186, 196, 207, 543; ii, 91-92, 425; iii, 89, 285). Съ паденіемъ сословно-представительныхъ учрежденій и съ сосредоточеніемъ государственной власти въ рукахъ абсолютныхъ королей до начала новой политики, руководсвовавшейся идеями Просвѣщенія, положеніе массы не улучшилось. Во-первыхъ, разрушивъ феодализмъ въ политическомъ отношеніи и лишивъ привилегированныя сословія самостоятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, абсолютная монархія до середины XVIII в. оставляла неприкосновенными соціальную сторону феодализма и гражданскія привилегіи духовенства и дворянства, тягостныя для народа * (*i, 146-147; iii, 12-13). Во-вторыхъ, политика меркантилизма заставляла новое государство особенно покровительствовать представителямъ денежнаго капитала и часто даже прямо въ ущербъ правамъ и интересамъ земледѣльческаго и фабричнаго труда, особенно въ области регламентаціи промышленности, въ жертву которой приносились свобода и благосостояніе рабочихъ * (*ii, 538; iii, 112 и слѣд.). Наконецъ, ко всѣмъ старымъ тяжестямъ, лежавшимъ на народѣ, къ десятинѣ, взимавшейся въ пользу духовенства, къ феодальнымъ поборамъ, которые шли отъ народа къ сеньерамъ, прибавились государственные налоги, всею своею тяжестью падавшіе на народную массу * (*i, 184; iii, 105), въ коей правительства видѣли лишь податную силу * (*ii, 402). Въ положеніи массы происходило даже прямо ухудшеніе, тяжело

отзывавшееся на ея свободѣ и матеріальномъ бытѣ *, и въ XVIII в. оно достигло крайнихъ своихъ предѣловъ вообще послѣ временъ феодальной анархіи *.

*I, 190 и слѣд., 198 и слѣд. 209 и слѣд.; II, 102, 425 и слѣд.

*III, 95 и слѣд.

Такое положеніе народной массы и происходившія въ ней по временамъ ухудшенія были причиною ея возстаній, о которыхъ мы уже упоминали *, и вообще всѣхъ происходившихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время соціальныхъ движеній. Несмотря на всѣ различія, наблюдаемыя въ этихъ движеніяхъ или въ отдѣльныхъ случаяхъ глухого броженія, не переходившаго въ открытый взрывъ, при всемъ различіи условій отдѣльныхъ странъ и эпохъ, гдѣ и когда совершалось что-либо подобное, вездѣ и всегда обнаруживается здѣсь присутствіе одного, болѣе универсальнаго и непреходящаго источника соціальныхъ стремленій массы, покрывающаго собою временныя и мѣстныя отличія: съ конца среднихъ вѣковъ такія движенія становятся подъ знамя немногихъ принциповъ, формулирующихся, то какъ божественный законъ, заповѣдь Христова, евангельская свобода, то какъ велѣніе природы, естественное право, „права человѣка и гражданина“, т.-е. вездѣ и всегда личность ставитъ себя, свою свободу, свое право, свои стремленія и интересы подъ защиту религіозныхъ и соціально-этическихъ идей *. Въ вѣкъ религіозной культуры и въ народной массѣ, особенно способной воспринимать общія идеи въ религіозной оболочкѣ, соціальныя движенія получали именно сектантскій характеръ, и въ сектахъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и реформаціоннаго періода мы встрѣчаемся со всѣми существенными признаками народныхъ движеній на соціальной почвѣ *. Къ голосу народа постепенно стали прислушиваться и правящіе классы, и правительства, сначала имѣвшія въ своемъ распоряженіи одну только репрессію,—и соціальныя реформы сдѣлались одною изъ задачъ прогрессивной политики. Не говоря объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ высшихъ классовъ, защищавшихъ права и интерессы народныхъ массъ, можно вообще замѣтить, что низшее духовен-

*I, 148, 182-183, 198, 206, 545; II, 87 и слѣд.; III, 490

*I, 205, 254-256; II, 96-97, 103

*I, 519, 537 и слѣд.; II, 109 и слѣд., 526 и слѣд.

*I, 205-206, 538; III, 85, 472 ство нерѣдко переходило на сторону народа *, и что буржуазія была, какъ мы видѣли, заодно съ массой, когда приходилось отстаивать общіе интересы противъ соціальныхъ привилегій и политическаго деспотизма. Съ развитіемъ государственнаго смысла и королевская власть начинала брать права̀ и интересы народа подъ свою защиту. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣятельность отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ объединялась идеей правъ личности на существованіе, достойное человѣка.

5. Съ конца среднихъ вѣковъ въ крестьянскомъ быту происходили весьма значительныя измѣненія, имѣвшія свои причины какъ въ самомъ этомъ быту и въ усиліяхъ народа улучшить свое положеніе, такъ и въ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ общихъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Въ феодальную эпоху положеніе крестьянина въ общемъ опредѣлялось особенностями соціальнаго феодализма—соединеніемъ крупнаго землевладѣнія съ мел-
* I, 44 кимъ хозяйствомъ прикрѣпленныхъ къ землѣ поселянъ *. Въ общемъ въ положеніи этомъ нужно различать двѣ стороны: юридическую и экономическую. Первая состояла въ томъ, что личность крестьянина и то, чѣмъ онъ владѣлъ, зависѣли отъ власти феодальнаго сеньёра, вторая же — въ томъ, что крестьянинъ былъ обезпеченъ земельнымъ надѣломъ и велъ самостоятельно свое хозяйство. Такой бытъ не оставался неизмѣннымъ, но въ разныхъ странахъ и въ разныя времена онъ измѣнялся различнымъ образомъ. Въ Англіи юридическая подчиненность народной массы исчезла довольно рано, и можно сказать, что новая англійская исторія
*I, 203 уже не знаетъ крѣпостничества *. Довольно рано началось освобожденіе личности крестьянина изъ рабской зависимости и во Франціи, но процессъ этотъ совершался здѣсь весьма медленно, и въ XVIII в. на французской территоріи существовали еще крѣпостные, хотя мѣстное право многихъ про-
*I, 171 и слѣд.; III, 98 винцій уже не допускало существованія серважа *. Въ Германіи, Венгріи, Польшѣ, Даніи, наоборотъ, закрѣпощеніе

личности крестьянина усилилось и даже прямо началось въ болѣе позднія времена *. Самое освобожденіе крестьянства *ı, 198; п, 102, 377; ш, 97 отъ рабской или нѣсколько смягченной зависимости совершалось или путемъ единичныхъ переходовъ къ свободѣ, какъ это дѣлалось въ болѣе раннія времена *, или являлось, *ı, 174 и слѣд., 204 какъ общее мѣропріятіе, исходившее отъ правительства, что имѣло значеніе главнымъ образомъ въ послѣднія полтораста лѣтъ *. Переходъ крестьянской личности въ свободное *ш, 391 и слѣд. состояніе до позднѣйшихъ временъ, когда съ личностью стала освобождаться отъ феодальныхъ правъ и земля и свобода дополнялась земельнымъ обезпеченіемъ (наилучшая форма рѣшенія крестьянскаго вопроса),—сопровождался обыкновенно оставленіемъ надъ землею правъ феодальнаго сеньёра, обременявшихъ крестьянскую собственность поборами и стѣснявшихъ свободное распоряженіе ею, или же отобраніемъ земли въ пользу сеньёра, что влекло за собою образованіе сельскаго пролетаріата. Съ особою рельефностью выступаетъ первая комбинація въ исторіи Франціи, гдѣ несвобода земли была общимъ правиломъ до самой революціи * при сравнительно незначительныхъ остаткахъ несво- *ı, 187; ш, 99 и слѣд. боды личности: можно даже сказать вообще, что личная эманципація крестьянина покупалась здѣсь переложеніемъ на крестьянскую землю личныхъ повинностей *. Но во Фран- *ı, 174, 178 ціи наблюдается и другая форма—открѣпленіе крестьянина отъ земли не только въ юридическомъ, но и въ экономическомъ смыслѣ, т.-е. обезземеленіе *, благодаря чему и здѣсь *ı, 179 рядомъ съ крестьянствомъ, удержавшимъ землю, образовался сельскій пролетаріатъ, такъ что земледѣльческое сословіе раздѣлилось на хозяевъ и батраковъ *. Особенно же обезземеленіе *ш, 102 сельской массы характеризуетъ соціальную исторію Англіи, гдѣ оно началось весьма рано, происходило особенно быстро и достигло наибольшей степени развитія, создавъ въ деревняхъ только два класса: крупныхъ собственниковъ со снимающими у нихъ землю капиталистами-фермерами и наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, лишенныхъ всякой соб-

*1, 208 и сл.; ш 107 и слѣд. ственности *. Здѣсь процессъ этотъ, внесшій въ аграрныя отношенія принципы буржуазнаго денежнаго хозяйства * и
*1, 238 и слѣд. капиталистической промышленности, завершился окончательно къ исходу XVIII в.,—примѣръ того, что не всякая отмѣна феодальнаго режима была выгодна для народа, да и того также, что буржуазія перенесла принципы своего класса и въ сельскую жизнь, въ аграрныя отношенія, гдѣ она, кромѣ того, даже прямо стала вытѣснять аристократію.

Понятно, что при такомъ несходствѣ мѣстныхъ условій содержаніе крестьянскаго вопроса было не одно и то же въ разныхъ странахъ, но цѣль его была вездѣ одинакова—дарованіе земледѣльцу существованія, достойнаго способной къ духовному развитію и свободной человѣческой личности.

6. И въ сельскомъ, и въ городскомъ быту въ средніе вѣка преобладали мелкое хозяйство и мелкая промышленность. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ былъ либо духовнымъ, либо военнымъ сословіемъ, не дѣлавшими изъ сельскаго хозяйства своей спеціальности, и въ феодальномъ аграрномъ строѣ сочетались крупное землевладѣніе съ мелкимъ хозяйствомъ. Достигалось это такимъ образомъ, что сеньёръ оставлялъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи лишь незначительную часть своей земли, обработывая ее барщиннымъ трудомъ, а остальную „держали“ на разныхъ
*1, 44 и слѣд., 153-155, 158, 190; ш, 109 условіяхъ крестьяне, отбывавшіе за это разныя повинности и платившіе оброки *. Равнымъ образомъ классъ крупныхъ капиталистовъ состоялъ изъ купцовъ, которые вели оптовую
*1, 243 торговлю и совершали денежныя операціи *, не являясь еще промышленными предпринимателями: производство находилось въ рукахъ хозяевъ (мастеровъ) небольшихъ мастерскихъ, гдѣ они работали сами съ немногими младшими товарищами (подмастерьями) и мальчиками, учившимися у нихъ ремеслу (учениками), входя въ непосредственныя сношенія съ заказчиками и покупщиками, причемъ мастера одного ремесла составляли союзы (цехи), поддерживавшіе между ними равенство запрещеніемъ расширять производ-

ство отдѣльныхъ заведенiй, положенiе же подмастерья было только временнымъ, какъ бы переходнымъ состоянiемъ отъ ученичества къ самостоятельному занятiю ремесломъ *. Въ основѣ цеховой организацiи, заботившейся о равномѣрномъ обезпеченiи отдѣльныхъ своихъ членовъ, лежалъ такимъ образомъ принципъ ассоцiацiи, тѣмъ болѣе еще, что цехи получили и политическое значенiе во время борьбы ремесленной демократiи съ буржуазiей за участiе въ городскомъ управленiи *. Въ деревняхъ равнымъ образомъ устанавливался общинный бытъ и не только ради отстаиванiя мiромъ своихъ правъ, но и ради цѣлей экономическихъ: крестьянскiе надѣлы послѣ жатвы и покоса подчинялись праву выпаса, т.-е. вся деревня могла пасти свой скотъ на общемъ выгонѣ, что было весьма выгодно для скотоводства, а кромѣ того, у крестьянъ въ общемъ пользованiи были особыя пастбища, луга и лѣса *. Такъ сочетались въ средневѣковомъ народномъ быту начало равнаго всѣмъ обезпеченiя, благопрiятнаго для личности въ смыслѣ удовлетворенiя ея матерiальныхъ потребностей, и начало общественной солидарности во имя охраны личнаго благополучiя, потому что цехи были, кромѣ того, и обществами взаимопомощи въ несчастныхъ случаяхъ *, а существованiе общинныхъ правъ на землю имѣло по отношенiю къ бѣднѣйшимъ жителямъ и благотворительный характеръ. Въ этихъ распорядкахъ, хорошая сторона коихъ очевидна сама собою, народъ самъ соединялъ требованiя личности съ общественнымъ интересомъ.

*I, 229 и слѣд.; III, 117-118

*I, 232

*I, 163-164, 194; III, 104.

*I, 231-232

Было бы ошибочнымъ, однако, думать, что такой бытъ былъ чѣмъ-то законченнымъ и всеобъемлющимъ: напротивъ, многое въ немъ имѣло характеръ зародышей, изъ которыхъ лишь позднѣе могли бы выработаться болѣе совершенныя формы, и рядомъ съ нимъ существовали иныя формы, болѣе сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ ему враждебныя. Мелкое хозяйство и общественная солидарность разлагались внутри и разрушались извнѣ.

Для истиннаго пониманія общественной солидарности и самоограниченія личности во имя соціальнаго интереса нужна извѣстная степень индивидуальнаго развитія, которой, конечно, не могло быть въ малокультурныхъ массахъ. Эгоистическія стремленія, которыя у представителей высшихъ классовъ общества выражались въ желаніи политическаго, юридическаго и экономическаго господства надъ массой, въ самой народной средѣ проявлялись въ формѣ желанія отдѣльныхъ ея членовъ къ уклоненію отъ обязанностей, налагавшихся указаннымъ бытомъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху, когда личное начало вообще было въ загонѣ, многія стороны этого быта были и ненужнымъ образомъ стѣснительны. Выдѣленіе изъ крестьянскихъ общинъ отдѣльныхъ лицъ, которыя потомъ становились ихъ господами, есть явленіе уже очень старое, а стремленіе болѣе зажиточныхъ членовъ за собою только одними оставить пользованіе общинными угодьями съ исключеніемъ болѣе бѣдныхъ и позднѣе подкапывало общинный бытъ. Особенно аналогичное же явленіе наблюдается въ исторіи цеховъ, въ которыхъ мастера все болѣе и болѣе обособляются въ привилегированное сословіе, затрудняя доступъ къ званію мастера для постороннихъ и облегчая его для своихъ сыновей и зятей, превращая своихъ младшихъ товарищей (compagnons, Gesellen, какъ назывались подмастерья) въ простыхъ наймитовъ, эксплуатируя ученическій трудъ удлинненіемъ сроковъ ученія, обходя всѣми правдами и неправдами цеховые статуты или создавая новыя правила въ свою пользу, злоупотребляя цеховыми должностями и т. п., такъ что
*I, 235-236; III, 116 и слѣд. мало-по-малу цехи пришли въ полный упадокъ *. Такимъ образомъ само разложеніе общиннаго и цехового быта способствовало ухудшенію положенія массы, содѣйствовало возникновенію пролетаріата.

Извнѣ народная масса лишалась экономической самостоятельности вслѣдствіе развитія крупнаго хозяйства и возникновенія крупной промышленности. Съ теченіемъ времени землевладѣльцы нашли болѣе выгоднымъ для себя, гдѣ скла-

дывались для того благопріятныя условія, присоединять крестьянскіе участки къ тѣмъ, на которыхъ велось помѣщичье хозяйство, отбирать общинныя земли для образованія на нихъ новыхъ хозяйственныхъ участковъ, превращать наслѣдственныхъ „держателей“ во временныхъ арендаторовъ, соединять нѣсколько прежнихъ крестьянскихъ „держаній“ въ одну большую ферму, чтобы отдать ее въ краткосрочную аренду за деньги, или въ одну сплошную площадь для разведенія овецъ, дающихъ хорошую шерсть *. Все это создавало пролетаріатъ, устремившійся на заработки въ города и быстро поглотившійся потребностями крупной промышленности *. Купцы мало-по-малу стали переходить отъ одной скупки и распродажи товаровъ къ участію въ ихъ производствѣ, пользуясь своею денежною силою, дешевымъ трудомъ обезземеленныхъ рабочихъ, внутреннимъ разложеніемъ цеховъ и покровительствомъ меркантилистической политики *. Крестьянину-собственнику или арендатору съ своимъ мелкимъ хозяйствомъ и цеховому мастеру въ своемъ маленькомъ заведеніи было часто не подъ силу конкурировать съ помѣщикомъ, съ богатымъ фермеромъ, съ фабрикантомъ и приходилось нерѣдко, разорившись окончательно, спускаться изъ положенія самостоятельнаго хозяина въ ряды безземельнаго и часто бездомнаго пролетаріата.

*ı, 211

*ı, 211-237; п, 425; ш, 108.

*ı, 236-237; п, 536; ш, 115 и слѣд.

Эти отношенія уже раньше стали обращать на себя вниманіе *, пока не создали въ новѣйшее время особый рабочій вопросъ.

*ı, 237; п, 425-426; ш, 627 и слѣд.

Переходимъ теперь отъ отношеній соціальныхъ къ политическому строю, который самъ обусловливается этими отношеніями и въ то же время оказываетъ самостоятельное вліяніе на происходящія въ нихъ измѣненія.

II. Политическій строй новыхъ вѣковъ.

1. Сословный строй общества и характеръ государства въ сословномъ обществѣ.—2. Государственные сеймы и королевская власть.—3. Церковь и государство.—4. Различіе въ политикѣ королей.—5. Индивидуальная свобода и государственная власть.

1. Взаимныя отношенія между государствомъ и обществомъ или вѣрнѣе его отдѣльными классами могутъ быть построены на разныхъ основаніяхъ. При католико-феодальномъ строѣ, гдѣ верховная власть сдѣлалась достояніемъ крупнаго духовнаго и свѣтскаго землевладѣнія, государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, тогда какъ въ новой абсолютной монархіи, въ которой общественныя силы были лишены всякой самодѣятельности, общество, наоборотъ, погло-
*1, 145 щалось государствомъ *. Въ обоихъ, однако, случаяхъ духовная и свѣтская аристократія и въ качествѣ носителей государственной власти, и въ качествѣ привилегированныхъ подданныхъ абсолютнаго короля занимала одно и то же общественное положеніе. Между обѣими эпохами помѣщается періодъ, когда верховная власть дѣлилась между правительствомъ, какъ носителемъ государственнаго начала, и политическими учрежденіями, въ коихъ было представлено общество съ его сословными раздѣленіями.

Западно-европейское государство переходитъ изъ среднихъ вѣковъ въ новое время въ формѣ сословной монар-
*1, 61 и слѣд. хіи *: періодъ растворенія государства въ обществѣ уже былъ пережитъ, періодъ поглощенія общества государствомъ былъ еще впереди. Эпоха сословной монархіи—XIV и XV вв.: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ торжествуетъ королевскій абсолютизмъ, XVI вѣкъ является переходнымъ. Передъ этими пятью столѣтіями формируется, торжествуетъ и падаетъ политическій феодализмъ, раздѣлившій верховную власть между аристократическими элементами общества, конецъ же XVIII

вѣка знаменуется переворотомъ, открывающимъ эпоху участія безсословнаго общества въ верховной власти, причемъ соціальное значеніе переходитъ отъ аристократіи къ буржуазіи. Изъ главныхъ странъ Европы одна Англія не знала ни феодальнаго раздробленія съ расхищеніемъ суверенитета сеньёрами *, ни королевскаго абсолютизма съ устраненіемъ общественныхъ силъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ *. Въ Англіи средневѣковая сословная монархія постепенно перешла въ новую монархію конституціонную, сдѣлавшуюся образцомъ, коему стали подражать континентальныя страны послѣ французской революціи. И здѣсь, какъ и вездѣ, обѣ формы общественнаго участія въ государственной власти не только гарантировали участвующимъ элементамъ извѣстную независимость въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ отъ какой бы то ни было неограниченной воли, но и давали имъ возможность осуществлять при помощи государственнаго принужденія ихъ соціальныя стремленія, получавшія прежде чисто сословный характеръ, потомъ начавшія отличаться характеромъ болѣе классовымъ. Въ новѣйшее время стали требовать подобной же гарантіи и подобной же возможности и чисто демократическія стремленія. Всѣ эти отношенія отражались и на новой политической литературѣ — въ развитіи идей ограниченной монархіи и народовластія *.

*ɪ, 78

*ɪɪ, 386 и слѣд.

*ɪ, 102-103; ɪɪ, 245 и слѣд., 280 и слѣд., 461 и слѣд., 606 и слѣд., 613 и слѣд.

Въ періодъ королевскаго абсолютизма, какъ мы уже видѣли, государство нанесло ударъ только политическимъ правамъ сословій, оставивъ за ними всѣ ихъ соціальныя привилегіи. Тѣмъ не менѣе въ народныхъ массахъ всегда была жива вѣра въ королевскую власть, въ силу той идеи, что король является представителемъ общихъ интересовъ, защитникомъ и покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ, — и стоя дѣйствительно выше сословныхъ стремленій, монархія на Западѣ, — когда она не искажалась феодальными симпатіями, когда она видѣла, что народнаго благосостоянія требуютъ ея же собственные интересы, когда, наконецъ, ея представители подпали подъ вліяніе прогрессивныхъ идей, — на самомъ дѣлѣ брала

на себя иниціативу общественныхъ реформъ, что особенно
*ш, 385 и слѣд. характеризуетъ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма *. Съ другой стороны, народныя массы оказывали поддержку королевской власти въ ея борьбѣ съ привилегированными сословіями.

*і, 61 и слѣд. 2. Сословно-представительныя учрежденія * возникли во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Характерными ихъ чертами являются при всѣхъ различіяхъ между ними: участіе общества въ государственныхъ сеймахъ, куда раньше каждый являлся по личному праву, теперь чрезъ представителей, раздѣленіе этихъ сеймовъ на сословныя палаты, изданіе законовъ и установленіе налоговъ съ согласія представителей народа (въ политическомъ смыслѣ слова). Изъ этихъ чертъ представительная система и законодательная власть съ правомъ вотированія налоговъ перешли и въ конституціонную монархію новѣйшаго времени, какъ основныя условія политической свободы, но сословный характеръ старыхъ государственныхъ сеймовъ уступилъ мѣсто въ новыхъ конституціяхъ иному началу. Вездѣ, далѣе, право участія въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ принадлежало не всѣмъ сословіямъ, а лишь духовенству, дворянству и горожанамъ (во Франціи сельскому населенію лишь съ конца XV в., да въ Швеціи еще крестьянамъ, но за
*і, 74, 101 то въ Польшѣ одной только шляхтѣ *, въ лучшемъ же случаѣ,—какъ это было въ Англіи, гдѣ рано стало падать сословное начало,—лишь извѣстному общественному классу,
*і, 97-98, 213-214 обладающему опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ *. Сословность государственныхъ сеймовъ съ устраненіемъ изъ нихъ народной массы дѣлали изъ нихъ орудіе, съ помощью коего высшіе классы общества могли осуществлять свои соціальныя стремленія въ ущербъ народнымъ интересамъ, на что намъ уже приходилось указывать выше. Стоитъ, напр., отмѣтить, что ухудшеніе быта крестьянъ и даже прямое ихъ закрѣпощеніе въ Германіи, въ Венгріи, въ Польшѣ, въ Даніи было дѣломъ мѣстныхъ сословныхъ сеймовъ, и что англійскій пар-

ламентъ принималъ дѣятельное участіе въ обезземеленіи крестьянъ *. Поэтому собранія государственныхъ чиновъ не пользовались довѣріемъ и поддержкою народныхъ массъ, и это было одною изъ причинъ ихъ безсилія въ борьбѣ съ королевскою властью. *I, 196, 198-199, 202-208 и друг.

Другимъ условіемъ ихъ безсилія въ этой борьбѣ былъ междусословный антагонизмъ: существуя въ самой соціальной жизни, онъ переносился и въ собранія сословныхъ представителей. Каждый чинъ отстаивалъ только свои интересы, игнорируя интересы другихъ чиновъ, и въ этомъ отношеніи особенную роль играло своекорыстное и высокомѣрное поведеніе дворянства, которое не хотѣло ничѣмъ жертвовать для государства и смотрѣло съ презрѣніемъ на третье сословіе, т.-е. на горожанъ *. Главное исключеніе изъ общаго правила составляетъ англійскій парламентъ, въ нижней палатѣ котораго слились воедино разные соціальные элементы, въ общемъ весьма солидарно отстаивавшіе свои права и интересы и въ общемъ же проявившіе гораздо больше государственнаго смысла, чѣмъ, напр., французскіе генеральные штаты, такъ какъ послѣдніе не удержали за собою даже права вотировать налоги и не добились участія въ законодательствѣ. *I, 67-69; II, 195, 197, 397-398; III, 35

Всѣмъ сословно-представительнымъ учрежденіямъ съ разнымъ исходомъ приходилось выдерживать борьбу съ королями на почвѣ вопроса о взаимномъ раздѣлѣ между ними власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймы добивались полнаго перевѣса надъ короной,—превращавшейся тогда въ своего рода высшую магистратуру аристократическихъ республикъ, какъ то было въ Польшѣ, а также одно время въ Даніи и Швеціи до монархическихъ переворотовъ, введшихъ въ обѣихъ этихъ странахъ (въ XVII и XVIII вв.) абсолютизмъ *),—и поддерживали принципы избирательной монархіи (что наблюдается еще въ Чехіи и Венгріи). Но это были исключенія, и изъ нихъ одна только Польша удержалась до конца въ положеніи аристократической республики съ пожизненнымъ королемъ во главѣ. Въ другихъ *I, 100-101; III, 34-36, 54, 57

странахъ собранія государственныхъ чиновъ или совсѣмъ прекратились, какъ то было во Франціи, въ Испаніи, въ
*III, 32 и сл. Даніи и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ княжествахъ *, или продолжали существовать (въ габсбургскихъ земляхъ, въ другихъ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Швеціи) безъ дѣйствительнаго значенія въ государствѣ, принявшемъ форму абсолют-
*III, 32 и сл. ной монархіи *). Даже Англія при Тюдорахъ и Стюартахъ переживала тяжелый кризисъ, когда и въ ней рѣшался во-
*II, 417 и слѣд. просъ, чѣмъ быть ея парламенту и даже быть ли ему вообще *. Мы увидимъ, что борьба сословно-представительныхъ учрежденій съ королевскою властью въ XVI и XVII вв. получаетъ особый интересъ по своей связи съ религіозной реформаціей и выработкой новыхъ политическихъ идей.

Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на почвѣ католико-феодальнаго и муниципальнаго быта среднихъ вѣковъ, знаменуетъ собою, конечно, и упадокъ взростившаго его быта, равно какъ нарожденіе новой силы, нашедшей опору въ объединеніи сословій подъ общимъ знаменемъ національности. Переходъ отъ средней исторіи къ новой отмѣченъ именно еще образованіемъ большихъ націй подъ главенствомъ королей. Въ феодальную эпоху король былъ главою феодальной лѣстницы сеньёровъ, первымъ между равными, а его власть опиралась на феодальную присягу вассаловъ и на крупное землевладѣніе (на домены):
*I, 112 и слѣд. такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на короля феодалы *. Въ народѣ сохранялось, однако, иное пониманіе монархической власти, представлялась ли она, какъ продолженіе власти абсо-
*I, 113 лютныхъ римскихъ цезарей, что было, напр., во Франціи *, или какъ наслѣдіе, оставленное прежними германскими королями, вождями народа, что и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто
*I, 77, 112 въ Англіи *. Къ этому присоединялся еще взглядъ церкви на божественное помазанничество. Сами короли, наконецъ, не хотѣли мириться съ тѣмъ положеніемъ въ государствѣ, какое стремились создать для ихъ власти феодальныя силы. Борясь за свое право, монархія опиралась на юристовъ, которые

очень рано (въ XII—XIII вв.) извлекли изъ римскаго права ученіе объ абсолютизмѣ королевской власти: „что благоугодно государю, то имѣетъ силу закона“ *. Въ концѣ среднихъ вѣ- *I, 113, 117, 135
ковъ итальянскіе князья подали на дѣлѣ примѣръ европейскимъ королямъ, чѣмъ они впредь должны были быть. Дѣйствительно, итальянскій „principe“ былъ не феодальный сеньёръ, т.-е. не государь-помѣщикъ, и не феодальный король, т.-е. не всеобщій сюзеренъ и лишь первый между равными. Вотъ въ чемъ было дѣло. Въ городскихъ общинахъ и между прочимъ въ городскихъ общинахъ Италіи вообще впервые появилась верховная власть безъ аграрной основы *, и это была власть *I, 53, 114
республиканская. Но эта власть въ Италіи мало-по-малу перешла къ князьямъ, когда въ тамошнихъ городахъ повторилась исторія античной тиранніи на почвѣ борьбы аристократіи и демократіи: итальянскій принципатъ, опирающійся на народное признаніе и на вооруженную силу, переносилъ на себя неограниченную верховную власть городской республики, не нуждаясь ни въ крупномъ землевладѣніи, ни въ вассалахъ *, *I, 114
а Макіавелли въ началѣ XVI в. въ своемъ трактатѣ „Il principe“,—столь популярномъ у государей эпохи,—создалъ и теоретическое обоснованіе этой власти *. Короли заимство *I, 420 и слѣд.
вали у итальянскихъ князей практику абсолютизма и усвоили его теорію, которую въ иной формѣ повторилъ въ концѣ того же вѣка Боденъ, приглашавшій монарховъ стать выше сословій и партій въ качествѣ представителей государственнаго единства *. Идея абсолютизма была примѣнена къ сословно- *II, 391-393
представительнымъ учрежденіямъ, и имъ предстояло либо исчезнуть, либо сохраниться только подъ условіемъ отказа отъ своихъ традицій, правъ и притязаній *. Мѣстныя и временныя *II, 422, 438, 451; III, 280-281
условія рѣшили ихъ судьбу въ разныхъ случаяхъ разнымъ образомъ, и королевская власть восторжествовала надъ сословіями.

3. Первымъ изъ этихъ сословій было духовенство: въ качествѣ класса крупныхъ землевладѣльцевъ оно занимало одно положеніе съ дворянствомъ, но кромѣ того, оно составляло еще организацію, выходившую за предѣлы отдѣльныхъ

государствъ, охватывавшую весь европейскій Западъ, хорошо сплоченную и дисциплинированную подъ главенствомъ римскаго первосвященника. Все это усложняло положеніе духовенства въ государствѣ, а тутъ еще ставился и различнымъ образомъ рѣшался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ королевской (или императорской) и папской власти, объ отно-
*I, 285 и слѣд., 301 и слѣд. шеніяхъ между государствомъ и церковью *.

Политическимъ идеаломъ средневѣкового папства была теократія: римскіе первосвященники считали себя земными намѣстниками самого Бога и выводили отсюда свои политическія притязанія. Церковь есть, гласила далѣе ихъ
*I, 287 и слѣд. теорія *, божественное установленіе, государство—дѣло рукъ человѣческихъ; духовная власть установлена самимъ Богомъ для управленія душами, мірской власти ввѣрено попеченіе лишь о тѣлахъ: небесное выше земного, духовное выше плотскаго—церковь должна главенствовать надъ государствомъ. Отсюда папѣ принадлежало право возводить на престолъ и низлагать государей, отрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги, издавать законы, обязательные для всѣхъ государствъ, облагать ихъ подданныхъ налогами въ пользу церкви, не спрашивая на это ничьего согласія, свѣтскіе же монархи должны были повиноваться верховному первосвященнику во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не могли дѣлать самостоятельныхъ постановленій, сколько-нибудь касающихся церкви, и не смѣли налагать податей на ея служителей. Понятно, что это должно было ставить и духовенство каждой отдѣльной страны
*I, 289, 305 и сл. въ особо привилегированное положеніе *, давало ему особыя права надъ обществомъ (между прочимъ сборъ десятины, широкая компетенція церковнаго суда), освобождало его отъ подчиненія государственной администраціи, государственнымъ началамъ. Въ лучшемъ случаѣ эта теорія истолковывалась въ смыслѣ строгаго раздѣленія властей духов-
*I, 287, 302 ной и свѣтской *, на основаніи текста: „воздадите Божія Богови, а кесарева кесареви“, текста, понимавшагося въ смыслѣ

взаимной независимости обѣихъ силъ, что оберегало церковь отъ вмѣшательства государства въ ея внутреннія дѣла.

Католической церкви не удалось осуществить свой теократическій идеалъ, но въ общемъ условія средневѣковой жизни весьма благопріятствовали ея стремленіямъ и притязаніямъ *. Духовенство культурно вызвышалось надъ свѣтскимъ обществомъ своимъ образованіемъ, а матеріально было сословіемъ весьма могущественнымъ, что давало ему моральную силу надъ массой и позволяло сопротивляться требованіямъ государства. Церковь притомъ долгое время была единственной прочной организаціей, охватывавшею всѣ страны и централизованною, въ періодъ разложенія государства на феодальныя владѣнія и политической разобщенности націй, и это также давало ей перевѣсъ надъ свѣтскою властью. Послѣдняя не могла примириться съ такимъ положеніемъ, и вотъ между церковью и государствомъ возникла на Западѣ вѣковая борьба *, не окончившаяся въ католическихъ странахъ и по сіе время. Перевѣсъ въ этой борьбѣ былъ сначала на сторонѣ церкви, потомъ склонился на сторону государства, что соотвѣтствовало упадку, въ какомъ находилась церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ *, и тогдашнему усиленію государства, а также и вообще переходу преобладанія въ жизни отъ церковной культуры среднихъ вѣковъ къ свѣтской культурѣ новаго времени. Государство успѣшно отражаетъ притязанія папства и клира * и даже само переходитъ въ наступленіе: въ эпоху реформаціи часть государей западной Европы освобождается отъ папской власти, становится во главѣ мѣстныхъ, уже чисто государственныхъцерквей, превращаетъ духовенство въ зависимое отъ свѣтской власти чиновничество, лишаетъ его основъ матеріальнаго могущества посредствомъ отобранія у церкви ея земель *, и такимъ образомъ прежнее поглощеніе государства церковью смѣняется обратнымъ отношеніемъ; если другая часть государей и осталась въ союзѣ съ католическою церковью и даже стала на защиту ея противъ реформаціи, то это не мѣшало и имъ

*I, 285

*I, 302 и слѣд., 524-525

*I, 453 и слѣд.

*I, 309 и слѣд.

*II, 190, 243 и др.

всячески отстаивать свою власть и права государства отъ
*п, 303- притязаній папства и клира *,—сдѣлавшихся къ тому же болѣе
304, 409- 410, 557- уступчивыми,—и даже расширять эту власть и эти права,
558 превращая духовенство въ орудіе абсолютизма, а въ періодъ
такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма во второй половинѣ XVIII в. католическія правительства прямо уже выступили на путь, на которомъ протестантскіе госу-
*ш, 368 и слѣд. дари находились въ XVI в. * „Гражданское устройство духовенства“ французской революціи было однимъ изъ про-
*ш, 549 и слѣд. явленій того же самаго процесса *, который отразился и въ области политическихъ теорій, сводившихся къ ученію
*i, 423-424; п, 611; ш, 208. 379 о томъ, что религія есть дѣло чисто государственное *.

4. Такимъ образомъ новое государство вышло побѣдителемъ изъ борьбы съ средневѣковыми силами феодализма (съ его отпрыскомъ—муниципальнымъ бытомъ) и католицизма: сначала они справились съ отдѣльными свѣтскими и духовными феодалами, потомъ частью подчинили себѣ, частью совсѣмъ устранили въ своихъ владѣніяхъ независимыя политическія организаціи сословно-представительныхъ учрежденій и католической церкви. Уничтожая право сословій вотировать налоги и дѣлая изъ церкви учрежденіе чисто государственное, короли становились самостоятельными распорядителями по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ общества и верховными руководителями его духовной жизни. Государство возвышалось надъ обществомъ и подчиняло себѣ личность, распоряжаясь ея достояніемъ и совѣстью. Государственный принципъ пересиливалъ начала сословно-
*i, 145; п, 381 и сл.; ш, 42 и сл. сти, церковности, общественности и личности *. Политическія цѣли ставились впереди всѣхъ другихъ.

При такомъ общемъ положеніи дѣлъ въ новыхъ абсолютныхъ монархіяхъ возможны были, однако, и дѣйствительно существовали большія различія—въ отдѣльныхъ странахъ, въ отдѣльныя эпохи и смотря по личностямъ государей.

Королевскія права выводились теоретически изъ божественнаго или изъ естественнаго права, что стояло въ связи съ

различіемъ общихъ міросозерцаній, а на практикѣ разсматривались то какъ существующія во имя общаго блага, то какъ составляющія частную собственность короля. Абсолютизмъ въ пониманіи писателей XVII в. Фильмера и Боссюэта, приписывавшихъ ему божественность происхожденія *, *п, 550, 608 и абсолютизмъ Макіавелли, Бодена, Гоббза, Вольтера, физіократовъ, Фридриха II, выводившихъ его изъ естественной государственной необходимости *, не одно и то же. *і. 420; п, 392, 609; ш, 284, 329 Различны между собою и формулы Людовика XIV, подчинявшаго идею государства идеѣ короля, какъ даннаго лица („государство, это — я“) *, *п, 547 и слѣд. и Гогенцоллерновъ въ Пруссіи, видѣвшихъ въ королѣ лишь перваго слугу государства*. *ш, 309, 329 Своими правами короли пользовались, далѣе, или для органической внутренней работы государственнаго строенія *, *ш, 405 или для возвеличенія себя блескомъ внѣшнихъ завоеваній и въ династическихъ цѣляхъ *. *п, 543 и слѣд. Абсолютизмъ, наконецъ, служилъ также или дѣлу культурной и соціальной реакціи, или, наоборотъ, становился орудіемъ духовнаго и общественнаго прогресса *. *ш, 276 и слѣд. Въ послѣднемъ отношеніи можно различать, напр., вѣроисповѣдный и придворный абсолютизмъ XVI и XVII вв. и „просвѣщенный“ абсолютизмъ XVIII вѣка *. *п. 541 и сл., 552; ш, 278 и сл.

Мы уже не разъ упоминали, что въ общемъ королевская власть послѣ побѣды своей надъ феодализмомъ и католицизмомъ отняла у дворянства и духовенства ихъ политическія права, оставивъ за ними и даже взявъ подъ свою защиту ихъ соціальныя привилегіи и господство надъ духовною жизнью общества. Этимъ вплоть до эпохи просвѣщеннаго абсолютизма опредѣлялась почти вся политика королей по отношенію къ соціальнымъ различіямъ и слѣдовательно по отношенію къ народу *. *і, 146-147; п, 381, 541-542; ш, 12-13, 19 и сл., 278 Государственная идея общаго интереса отступала въ такой политикѣ на задній планъ, и государство превращалось, наоборотъ, въ организацію, которая поддерживала всею своею мощью соціальныя привилегіи католико-феодальнаго происхожденія. Если при такой политикѣ и имѣлось въ виду общее благо, то лишь въ

смыслѣ поддержки внутренняго порядка и внѣшней независимости, какъ это прямо и заявлялось даже политичекими теоретиками *, т.-е. не народное благосостояніе, которое, по циническому заявленію Ришелье, съ государственной точки зрѣнія было даже опасно *. Для поддержки внутренняго порядка и внѣшней безопасности, равно какъ для блеска придворной жизни и для завоевательной политики, когда королевскія стремленія получали исключительно личный характеръ, нужны были матеріальныя средства, а ихъ долженъ былъ доставлять народъ. Щадя соціальныя привилегіи католико-феодальнаго характера, королевская власть всю податную тяжесть налагала на одну народную массу. Но кромѣ того, ради добыванія денегъ, нужныхъ для національнаго и политическаго существованія страны, новое государство прибѣгло къ особой экономической политикѣ меркантилизма *, главную цѣль которой составляли именно фискальные интересы: казнѣ нужны были деньги, и ихъ думали добывать исключительно покровительствуя ввозу ихъ въ страну и вывозу изъ страны товаровъ, т.-е. поощряя оптовую торговлю и крупную промышленность и этимъ содѣйствуя развитію буржуазіи—часто, какъ мы видѣли, въ ущербъ земледѣлію (и слѣдовательно крестьянству) и интересамъ городскихъ рабочихъ *.

*ш, 279

*п, 402

*i, 247; п, 414, 535 и сл.; ш, 115 и сл.; 362 и слѣд.

*п, 536; ш, 122-123

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ западно-европейское государство—и въ формѣ сословной монархіи, и въ формѣ монархіи абсолютной до поворота въ политикѣ послѣдней въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма—игнорировало народные интересы, и тѣмъ рельефнѣе выступаютъ исключенія изъ этого общаго правила въ родѣ заботы Генриха IV о курицѣ въ праздничномъ супѣ крестьянина *.

*п, 407 и слѣд.

6. Выросши въ такую силу, новое государство должно было оказать вліяніе и на судьбу отдѣльной личности, какъ таковой, безотносительно къ ея соціальному положенію. Старая политическая организація не признавала чисто личныхъ правъ, замѣнявшихся въ ней правами сословными *,

*i, 266; ш, 71

новый политическій строй призналъ сословныя права лишь во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными лицами, но не по отношенію къ государственной власти. Послѣдняя и на практикѣ *, и въ теоріи ** отрицала индивидуальную свободу, оставляя за собою безграничныя права, и этотъ принципъ перешелъ даже въ республиканскій идеалъ Руссо *, вдохновлявшій въ эпоху французской революціи чисто-демократическую политическую партію якобинцевъ, которые въ индивидуальной свободѣ видѣли опасный и преступный — съ государственной точки зрѣнія — „инцивизмъ“ *. *ш, 73 и сл. **1, 423; п, 610 *ш, 208-209 *ш, 582 и слѣд.

Между прочими отношеніями этого рода заслуживаютъ особаго вниманія два.

Во-первыхъ, государство новаго времени взяло подъ свою опеку экономическую дѣятельность — и не для регулированія отношеній между капиталомъ и трудомъ во имя народнаго благосостоянія, а въ цѣляхъ послѣднему совершенно постороннихъ: меркантилизмъ (или протекціонизмъ) былъ вмѣшательствомъ государства въ мелочи производства и установленіемъ цѣлаго ряда стѣсненій въ промышленной дѣятельности общества *, противъ чего сталъ раздаваться въ серединѣ XVIII вѣка литературный протестъ экономической школы физіократовъ *. *п, 535 и сл.; ш, 122 *ш, 242 и слѣд.

Во-вторыхъ, — и это въ исторіи XVI—XVIII в. имѣло неизмѣримо бо̀льшее значеніе, — принципы государственности и индивидуализма столкнулись на почвѣ религіи. Мы еще увидимъ, что реформаціонное движеніе XVI в., взятое въ цѣломъ, имѣло причины моральныя, соціальныя и политическія. Оставляя въ сторонѣ соціальную сторону движенія, мы отмѣтимъ здѣсь два противоположные взгляда на религію, образовавшіеся въ эту эпоху: у католической церкви стали оспариваться ея старыя права въ области вѣры какъ отдѣльною личностью, такъ и государствомъ, и послѣ ихъ побѣды надъ старою церковью (конечно, гдѣ эта побѣда имѣла мѣсто) возникъ споръ о томъ, есть ли религія дѣло государственное или внутреннее дѣло индивидуальной совѣсти. Государство

стремилось поглотить въ себѣ церковь съ ея прежними правами надъ индивидуальною совѣстью, послѣдняя же начала отстаивать свое право на свободу. На этой почвѣ и произошло первое принципіальное столкновеніе между принципами абсолютнаго права государства и индивидуальной свободы. Побѣда въ концѣ склонилась на сторону личности, и принципъ свободы совѣсти расширялся вообще въ принципъ индивидуальной свободы отъ всякаго внѣшняго принужденія въ духовной жизни личности.

III. Средневѣковое міросозерцаніе.

1. Общія соображенія. — 2. Общее опредѣленіе средневѣковаго міросозерцанія.—3. Схоластическая философія.—4. Аскетическая мораль.— 5. Реакція католицизма.

---

1. Слѣдя за судьбою личности въ ея зависимости отъ соціальныхъ и политическихъ отношеній съ конца среднихъ вѣковъ, мы выполняли программу, поставленную въ первыхъ строкахъ первой главы настоящаго труда. Соціально-политическими отношеніями еще не вполнѣ опредѣляется вся жизнь личности въ обществѣ и ея историческая судьба. Во-первыхъ, существуетъ еще цѣлый внутренній міръ индивидуальнаго бытія, или міръ идей въ его отличіи отъ міра учрежденій. Идеи могутъ имѣть разное содержаніе, что кладетъ печать на всю духовную жизнь личности. Далѣе, въ культурномъ смыслѣ цѣлое общество можетъ стоять на различныхъ уровняхъ въ разныя эпохи своего историческаго существованія, а среди самихъ членовъ общества въ этомъ отношеніи возможно величайшее несходство въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ разнымъ соціальнымъ классамъ и профессіямъ. Въ обоихъ отношеніяхъ отъ характера и количества культурныхъ идей, доступныхъ

личности и ею усвоенныхъ, зависятъ степень личнаго развитія и направленіе, какое принимаетъ историческая дѣятельность человѣка, что сказывается въ свою очередь на соціально-политическихъ отношеніяхъ, опредѣляющихъ судьбу личностей. Наконецъ, есть прямо идеи, касающіяся именно вопросовъ общественности и государственности и оказывающія вліяніе на реальныя отношенія этихъ сферъ въ настоящемъ и прошломъ.

Изъ совокупности идей, господствующихъ въ духовной жизни отдѣльной личности и цѣлаго общества, поскольку его членовъ объединяютъ общія понятія и воззрѣнія, или въ духовной жизни какого-либо частнаго соціальнаго класса или культурнаго слоя, складывается то, что мы называемъ ихъ міросозерцаніемъ. Эти идеи касаются Божества и природы, человѣка и общества, являясь какъ идеи религіозныя, научныя, моральныя и политическія (въ широкомъ смыслѣ) и объединяясь въ идеяхъ философскихъ, которыя сами могутъ быть или теологическими или свѣтскими. Въ каждомъ обществѣ выдѣляется особый культурный классъ, такъ-сказать, задающій тонъ всей общественной жизни своими идеями: въ средніе вѣка такимъ классомъ было духовенство, въ новое время имъ сдѣлалась свѣтская интеллигенція. Умственные и общественные интересы этого слоя могутъ съуживаться и расширяться, и на его стремленіяхъ могутъ больше или меньше отражаться стремленія и интересы отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Можно поэтому говорить о временахъ культурнаго процвѣтанія и культурнаго упадка, значеніе коихъ для личнаго развитія и соціальнаго прогресса, конечно, не одинаково: высокій культурный уровень для обоихъ благопріятенъ, культурный регрессъ влечетъ за собою, наоборотъ, соціальную и политическую реакцію. Умственные интересы интеллигенціи могутъ быть, далѣе, направлены на предметы чисто отвлеченнаго знанія или и на общественные вопросы, чѣмъ такъ, напр., отличались между собою гуманизмъ XIV—XV столѣтій и просвѣщеніе XVIII вѣка *. Интеллигенція, наконецъ,

*1, 407; ш, 144, 248

можетъ вполнѣ совпадать или совсѣмъ не совпадать съ извѣстнымъ соціальнымъ классомъ, болѣе проникаться его стремле-
*i, 250 и слѣд. ніями и интересами, выражая ихъ и въ литературѣ *, или возвышаться до болѣе общихъ идей и служить вообще чело-
*i, 256 и слѣд. вѣку, защитѣ личности и общественнаго блага *. Отсюда различные оттѣнки міросозерцаній, каковы, напр., клерикальный, господствовавшій въ средніе вѣка, придворно-аристократическій, введенный въ моду итальянскими князьями и просла-
*ii, 562 вившій вѣкъ Людовика XIV *, буржуазный и простонародный или надъ всѣми ими возвышающійся типъ универсальный, общечеловѣческій, начало которому положено въ новой Европѣ лучшими представителями гуманизма.

Культурная исторія новаго времени характеризуется вообще побѣдою свѣтской культуры надъ церковною, въ рамки которой католицизмъ стремился заключить философію, науку, литературу, искусство, заставивъ ихъ служить не духовнымъ потребностямъ человѣческой личности, а интересамъ церкви, добивавшейся культурнаго и политическаго господства надъ обществомъ и государствомъ. Секуляризація культуры составляетъ одно изъ самыхъ блестящихъ успѣховъ индивидуализма. Съ другой стороны, въ этой свѣтской культурѣ общечеловѣческій и общественный принципъ все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ сословностью и соціальнымъ индифферентизмомъ, въ коемъ, хотя бы и на общечеловѣческой подкладкѣ, повинны были въ новое время, напр., итальянскій гуманизмъ и нѣмецкое просвѣщеніе XVIII вѣка въ сравненіи съ передовымъ протестантизмомъ и французской
*i, 407; ii, 235; iii, 145 просвѣтительной литературой прошлаго столѣтія *.

Позволительно даже провести извѣстнаго рода параллелизмъ между политическимъ и литературнымъ развитіемъ новаго времени. Въ обѣихъ сферахъ свѣтское начало одерживаетъ побѣду надъ церковностью католицизма и начало общественности—надъ сословностью, этимъ наслѣдіемъ феодализма. И государство, и литература, однако, принимаютъ на время черезчуръ отвлеченный характеръ, забывая живую личность и

реальныя потребности общества. Какъ это было по отношенію къ государству, мы это уже видѣли выше: въ исторіи литературы мы разумѣемъ здѣсь періодъ оскудѣнія въ ея произведеніяхъ страстнаго и упорнаго исканія правды, выработки личной и соціальной этики, отзывчивости на общественную злобу дня, а этимъ именно характеризуется преимущественно французскій классицизмъ вѣка Людовика XIV, когда государство, какъ въ былыя времена католическая церковь, задумало изъ философіи, науки, литературы и искусства сдѣлать одно изъ орудій безусловнаго своего господства надъ личностью и надъ обществомъ *. *п, 413-414, 562

2. Средневѣковое католическое міросозерцаніе было по характеру своему теологическимъ, по стремленіямъ своихъ главныхъ представителей, т.-е. духовенства и монашества—клерикальнымъ. Духовенство не только занимало въ обществѣ первое мѣсто въ отношеніи политическомъ и соціальномъ, но и господствовало надъ нимъ въ отношеніи культурномъ, какъ единственный образованный классъ общества. Послѣднее жило идеями своего культурнаго класса или вполнѣ ихъ раздѣляя, или въ значительной мѣрѣ имъ подчиняясь, или не выставляя противъ нихъ идей противоположныхъ, протестуя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, безъ большого успѣха, а главное безъ системы и объединяющаго принципа. Католическое міросозерцаніе было сильно между прочимъ своей систематичностью и своимъ внутреннимъ единствомъ *. Мы видѣли требованіе со стороны церкви полнаго подчиненія ей государства, но это было только частнымъ примѣненіемъ принципа, въ силу котораго и духовенство должно было господствовать надъ свѣтскими сословіями, и философія должна была быть лишь служанкой богословія, и вся земная жизнь человѣка—только приготовленіемъ къ жизни въ иномъ мірѣ Господство церкви надъ міромъ и отреченіе личности отъ міра, дабы, находясь въ безусловномъ подчиненіи у церкви, совершать дѣло своего загробнаго спасенія,—вотъ къ чему сводятся всѣ требованія *I, 277 и слѣд.

системы. Система сама вытекала изъ послѣдовательнаго проведенія цѣльнаго взгляда на человѣческую жизнь, основы коего заимствованы были у христіанства, но не составляли его сущности: отечество человѣка не на землѣ; въ своей временной жизни онъ долженъ заботиться лишь объ одномъ загробномъ спасеніи; міръ мѣшаетъ въ этомъ человѣку своими соблазнами, а потому нужно отречься отъ міра и радостей жизни, отъ матеріальнаго благосостоянія, отъ любви и брака, отъ свободы, какъ отъ источниковъ грѣха; по грѣховности природы своей человѣкъ не можетъ спастись безъ помощи церкви, которая и должна господствовать надъ всѣмъ, что есть на землѣ, для успѣшнаго выполненія порученнаго ей дѣла—спасать души людей для вѣчной жизни *. Идея отреченія отъ міра и идея господства надъ міромъ, столь противоположныя, но оказавшіяся столь близкими между собою, нашли свое воплощеніе въ монашествѣ и папствѣ. Учрежденіе, осуществлявшее идею аскетизма, было именно монашество, служившее въ тоже время лучшею опорою учрежденію папства, представлявшему собою принципъ теократическій. Правда, аскетизмъ плохо мирился съ монастырскимъ землевладѣніемъ, а теократія не оправдывалась поведеніемъ порочныхъ папъ, но это относится уже къ области внѣшнихъ фактовъ, а не къ области идей: по идеѣ монахи, удалившіеся отъ міра, чтобы, давъ обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія, удручать свою плоть постомъ, ночными бдѣніями и тяжелымъ трудомъ, а духовно заниматься лишь покаяніемъ и богомысліемъ, должны были быть примѣромъ аскетической жизни, которая одна не была жизнью грѣховною, а папа, поставленный надъ всѣми царями земными и надъ всѣмъ міромъ, долженъ былъ быть намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, дабы освящать земную жизнь отъ грѣха и направлять всѣхъ и вся къ единой небесной цѣли. Аскетизму, бывшему высшимъ принципомъ моральнаго міросозерцанія, и теократіи, являвшейся высшимъ принципомъ міросозерцанія политическаго, въ умственной

* I, 293 и слѣд.

сферѣ соотвѣтствовала схоластическая философія, въ которой проведены были всё тѣ же два принципа отреченія отъ міра и господства надъ міромъ: внѣшній міръ считался предметомъ, недостойнымъ вниманія, да и сама человѣческая природа, испорченная первороднымъ грѣхомъ, казалась достойною изученія только съ точки зрѣнія спасенія человѣка отъ вѣчной смерти воплотившимся Сыномъ Божіимъ, а въ своихъ мысляхъ о томъ, что достойно быть предметомъ вниманія, человѣкъ долженъ былъ безусловно полагаться на ученіе церкви, не отступая отъ него при добываніи новыхъ истинъ и пользуясь своимъ разумомъ лишь для того, чтобы его доводами подкрѣплять догматы вѣры *. *1, 291

Такимъ образомъ, исходя изъ религіознаго міросозерцанія, католическая церковь построила догматическую науку, аскетическую мораль и теоретическую политику, отрицавшія человѣческія начала интереса къ внѣшнему міру и къ своему собственному *я*, пытливости личнаго ума, стремленія къ физическому здоровью и матеріальному благосостоянію половой любви и семейныхъ заботъ и радостей, наконецъ, государственнаго суверенитета, какъ высшаго проявленія общественнаго бытія. Полное осуществленіе такого идеала было немыслимо, и даже въ теоріи лишь немногіе были послѣдовательны, но и того, что приводилось въ исполненіе и заявлялось съ оговорками, съ уступками и даже съ противорѣчіями, было совершенно достаточно, дабы наложить на развитіе и свободу личности крѣпкія и тяжелыя узы.

Оставивъ въ сторонѣ область политики, о которой мы уже говорили, остановимся въ средневѣковомъ католическомъ міросозерцаніи, на догматической наукѣ и аскетической морали церкви, какъ имѣющихъ чисто культурный интересъ и именно по отношенію къ духовной и матеріальной жизни личности, такъ какъ эта жизнь во многомъ опредѣлялась (помимо условій соціальныхъ и политическихъ) именно и разсматриваемымъ міросозерцаніемъ. Это намъ

тѣмъ болѣе необходимо, что прогрессивный индивидуализмъ новаго времени ранѣе всего проявился какъ-разъ въ сферѣ умственной и нравственной жизни, гдѣ культурное направленіе, извѣстное подъ названіемъ гуманизма, было по существу своему возстановленіемъ человѣческихъ началъ въ жизни личности, отрицавшихся средневѣковымъ міросозерцаніемъ.

3. Новая Европа обязана успѣхами своей цивилизаціи, своей богатой духовной культурой, своей высокой техникой, усовершенствованіями своего гражданскаго быта и т. п.—своей наукѣ, получившей въ послѣднія столѣтія небывалое прежде развитіе. Всѣ эти результаты были плодомъ умственнаго движенія, зародившагося въ эпоху Возрожденія, само же движеніе это имѣло непреходящій источникъ въ духовныхъ потребностяхъ развитой личности, въ стремленіяхъ пытливаго ума, въ ищущей удовлетворенія личной способности или склонности къ изслѣдованію, къ творчеству и къ умозрѣнію, въ благородной жаждѣ знанія. Наступленіе эпохи, когда стало возможнымъ блестящее научное и философское развитіе, было важнымъ моментомъ въ жизни Запада прямо съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Культурный уровень общества значительно понизился въ концѣ существованія древняго міра, и примѣръ Византіи, которой въ пору было только „хранить“ сокровища античной цивилизаціи, показываетъ, что совсѣмъ не варвары, разрушившіе западную имперію, были виновниками гибели въ ней развитой умственной жизни. Приходъ германцевъ, дѣйствительно довершилъ начавшійся упадокъ, а времена феодальной анархіи менѣе всего могли способствовать поднятію культурнаго уровня общества. Въ эти эпохи единственнымъ образованнымъ сословіемъ было духовенство, въ рукахъ котораго, однако, вся письменность должна была получить церковный характеръ, да и это сословіе далеко не всегда и еще больше не въ полномъ составѣ своемъ стояло на высотѣ своего призванія быть просвѣтителемъ общества: въ исторіи образованности можно отмѣтить сплошныя эпохи невѣжества

всего клира, а въ лучшія времена католической цивилизаціи – многочисленные примѣры, доказывающіе, что духовные пастыри были почти столь же необразованны, какъ и ихъ паства. Военный бытъ феодальнаго сословія съ его замками, усобицами, турнирами и охотами совсѣмъ не былъ приспособленъ къ пробужденію умственныхъ интересовъ. Первую свѣтскую интеллигенцію составили поэтому люди, которыхъ можно назвать разночинцами и которые вышли изъ городскихъ классовъ общества, но это могло случиться только въ сравнительно позднюю эпоху исхода среднихъ вѣковъ.

„Философія есть служанка богословія“, вотъ какъ формулировалъ значеніе научнаго изслѣдованія Ѳома Аквинскій: дѣятельность разума сводилась на то, чтобы его доводами подкрѣплять извѣстныя незыблемыя положенія, и напр., возстановитель философскаго элемента въ теологіи Ансельмъ Кентерберійскій прямо находилъ нужнымъ, чтобы къ пониманію вела вѣра (credo, ut intelligam) *. Свѣтскому лицу *1, 290-291
совсѣмъ запрещалось разсуждать, дабы не впасть въ ересь, и въ этомъ смыслѣ на человѣческую мысль наложена была церковью самая строгая опека: занятіе наукой и ея преподаваніемъ поручалось поэтому только церковникамъ, за которыми, однако, власти бдительно слѣдили, ибо и они не считались — да и въ дѣйствительности не были — гарантированными отъ ереси*. *1, 297
Несогласный въ чемъ-либо съ оффиціальной философіей подвергался осужденію и запрещенію, нерѣдко даже гоненію, преслѣдованіямъ, обвиненію въ ереси, церковному суду: церковь считала себя въ правѣ силою приводить человѣка къ истинѣ и предавать его свѣтской власти для казни „безъ пролитія крови“, если онъ упорствовалъ *. Крайній *1, 298
аскетическій взглядъ на знаніе приводилъ даже къ отрицанію какой бы то ни было науки, какъ суетнаго занятія, ведущаго къ гибели *, но эта точка зрѣнія, конечно, не *1, 292
могла сдѣлаться общепринятой. Представители средневѣковаго міросозерцанія учились, думали и писали и ради служенія интересамъ церкви, и ради удовлетворенія собствен-

ной умственной потребности, что приводило ихъ нерѣдко въ столкновенiе съ авторитетами. Схоластическая философiя, характеризующая средневѣковую образованность, отражала на себѣ всѣ указанныя отношенiя: человѣческой мысли отводилось весьма ограниченное поле вопросовъ метафизики и логики, наиболѣе отрѣшенныхъ отъ изученiя реальнаго мiра природы и человѣка, и въ этихъ вопросахъ нужно было согласоваться съ признанными авторитетами, причемъ главную роль въ данномъ случаѣ игралъ Аристотель. Въ какомъ исключительно отвлеченномъ направленiи работала тогда мысль, видно изъ знаменитаго спора между номинализмомъ и реализмомъ о томъ, суть ли общiя понятiя—простыя слова или же они суть реальности, причемъ церковь взяла подъ свое покровительство вторую точку зрѣнiя, въ сущности еще больше отвлекавшую схоластиковъ отъ занятiя дѣйствительными, а не мнимыми реальностями. Въ этомъ духѣ стали передѣлывать самого Аристотеля, не особенно подходившаго къ
*1, 322 схоластическому „реализму" *. Въ то время какъ схоластика не видѣла за отвлеченностями мiра настоящей жизни человѣческой личности среди природы и въ обществѣ, другая, болѣе наивная часть церковной письменности, воплощала духовныя представленiя религiи въ грубые чувственные образы, перенося на небесное черты земного быта и въ этомъ отношенiи даже въ самой религiи не возвышаясь надъ
*1, 467 и слѣд. самыми суевѣрными взглядами *.

Только гуманизмъ положилъ начало самостоятельной дѣятельности разума и интересу къ реальному мiру.

4. Человѣческая личность ищетъ высшей правды и находитъ ее въ своемъ моральномъ мiросозерцанiи, которое либо получаетъ готовымъ отъ окружающей среды, либо вырабатываетъ себѣ сама, прислушиваясь къ голосу собственной совѣсти и руководясь собственнымъ разумомъ. Средневѣковой человѣкъ получалъ готовое моральное мiросозерцанiе, отождествлявшее само христiанство, религiю любви къ ближнему, съ аскетизмомъ во имя чисто эгоистической заботы о

личномъ загробномъ спасенiи. Въ обществѣ есть всегда люди съ болѣе чуткою совѣстью, съ болѣе сильнымъ характеромъ и болѣе способные жертвовать благами жизни во имя сознаннаго долга, и смотря по тому, въ чемъ заключалось пониманiе долга, эти люди становились тѣмъ или другимъ. Средневѣковое мiросозерцанiе дѣлало изъ такихъ людей—аскетовъ, оставлявшихъ общество и убивавшихъ въ себѣ инстинкты природы, хотя, конечно, вмѣстѣ съ ними въ монастыри шли и другiе люди, да и не всѣ тѣ, которые способны были на подвигъ, превращались въ эгоистическихъ и равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ отшельниковъ. Во всякомъ случаѣ требованiе аскетическою моралью отъ всѣхъ полнаго отреченiя отъ мiра и подавленiя въ себѣ своего *я* ставило передъ совѣстью дилемму или жить такъ, какъ того требуетъ этическiй долгъ, но отказаться отъ всего, чѣмъ по природѣ своей дорожитъ человѣкъ, или не отказываться отъ благъ жизни, но всегда сознавать при этомъ, что поступаешь грѣховно и готовишь себѣ вѣчную гибель: крайнiе представители аскетической этики прямо заявляли, что всѣ должны слѣдовать монашескимъ принципамъ *. Такимъ образомъ высшимъ моральнымъ идеаломъ средневѣковое мiросозерцанiе объявляло презрѣнiе къ чувственному мiру, подавленiе въ себѣ своей воли и отрѣшенiе отъ узъ общественной жизни. Въ послѣднемъ отношенiи индивидуализмъ получалъ характеръ эгоизма, но въ сущности только это одно, да мысль о загробномъ спасенiи сохраняли признаки индивидуализма: земная жизнь личности разрушалась, и удовлетворенiе самыхъ законныхъ требованiй человѣческой природы признавалось въ корнѣ своемъ вещью безнравственною, т.-е. грѣховною.

* I, 293 и слѣд.

Конечно, такое извращенiе моральнаго идеала не убивало христiанскаго милосердiя къ страждущимъ и требуемой Евангелiемъ любви къ ближнему, но заявленiе о томъ, что благосостоянiе тѣла и матерiальный достатокъ не только не имѣютъ никакой цѣны, но даже прямо вредны для дѣла души, получало и въ соцiальномъ отношенiи отрица-

тельный смыслъ. Земля объявлялась юдолью печали и страданій, и въ настоящей жизни спастись изъ этой юдоли казалось возможнымъ только въ монастырѣ: міру съ его несовершенствами не противополагался иной соціальный идеалъ, кромѣ тихого пристанища монашеской обители, да и зачѣмъ было стремиться къ тому, чтобы лучше устроить матеріальную жизнь людей, когда она-то, жизнь эта, и есть источникъ нравственной гибели? Мало того: крайніе аскеты не довольствовались требованіемъ простого личнаго нестяжанія при существованіи общей монастырской собственности (состоявшей между прочимъ и изъ населенныхъ имѣній), не довольствовались даже учрежденіемъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, но требовали еще отказа отъ труда, которымъ создается-де грѣховная собственность, и ради личнаго совершенства совѣтовали жить
*1, 295, 319-320 на счетъ тѣхъ, кто трудится, пропитываясь ихъ подаяніемъ *.

5. Таковы были основныя черты средневѣкового міросозерцанія. Оно имѣло свою эпоху полнаго господства и свою эпоху упадка. Съ аскетизмомъ были въ вѣчномъ антагонизмѣ инстинкты природы и требованія общежитія, и сами монахи являлись первыми нарушителями обѣтовъ, дававшихся при вступленіи въ монастырь,—что сдѣлалось даже лю-
*1, 479 и слѣд. бимой темой сатирическихъ произведеній *. Противъ догматическаго порабощенія мысли возставала сама мысль, и между самими схоластиками было немало такихъ, которыхъ католическая церковь съ полнымъ правомъ обвиняла въ раціона-
*1, 322-323 лизмѣ *. Теократическая политика на практикѣ сталкивалась съ строеніями государей, а кромѣ того встрѣчала и теоретическую оппозицію въ лицѣ цѣлаго рода писателей, выводившихъ между прочимъ верховную власть изъ человѣческаго начала установленія ея самимъ народомъ, какъ это дѣлали юристы, изучавшіе римское право, и знаменитый Марсилій Падуан-
*1, 318 скій *. Моральный упадокъ папства и монашества въ XIV и XV вв. содѣйствовалъ внутреннему разложенію католической культурной системы, которая и извнѣ стала подкапываться но-

вымъ умственнымъ движеніемъ. Но система эта не умерла и участвовала еще въ разныхъ реакціяхъ противъ развитія новыхъ началъ исторической жизни.

Религіозная реформація XVI в. вызвала католическую реакцію, предводимую іезуитами *. Несправедливо думать, *п, 248
что она была направлена только противъ реформаціи: она столь же касалась и гуманизма. Несправедливо думать также, будто она была только культурной, ибо она служила и цѣлямъ реакціи соціально-политической. Наконецъ, нельзя говорить объ одной только реакціи католицизма, такъ какъ ихъ было нѣсколько: напр., другою крупною реакціею католицизма, хотя уже болѣе слабою, чѣмъ первая, была та, которая произошла въ эпоху реставраціи. Въ этихъ реакціяхъ католицизмъ возстановлялъ догматическіе принципы своей философіи и свои теократическія притязанія. Іезуиты были главными реставраторами схоластики послѣ блестящаго періода гуманизма и передъ зарожденіемъ самостоятельной философіи новаго времени: въ качествѣ ученыхъ, профессоровъ, преподавателей, воспитателей они сдѣлались главными наставниками католическаго общества, уча его въ духѣ умственной зависимости отъ церковныхъ авторитетовъ и принижая личность искусною ея дрессировкой *. Въ *п, 277-278
политикѣ они возобновили старыя теократическія традиціи *. *п, 279-281
Католико-реакціонное государство усвоило тѣ же культурныя начала, взявъ на себя подавленіе свободной мысли и перенесши на королевскую власть теократическое ученіе о божественности ея происхожденія *. *п, 401, 548, 550, 608

Реакціямъ католицизма не удалось только возстановить аскетическаго міросозерцанія, которое было безповоротно осуждено, хотя и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія *, *п, 232 и слѣд.
и гуманизмомъ, и протестантизмомъ, этими двумя проявленіями новаго индивидуализма: и тотъ и другой искали основъ морали не тамъ, гдѣ полагалъ ихъ аскетизмъ, — первый именно въ человѣческой природѣ, второй—въ спасающей личной вѣрѣ. Іезуитская реакція не сдѣлала даже попытки

возстановить аскетическій принципъ: члены самого ордена
*п, 270, 274 перестали быть настоящими монахами *, а въ морали своей они установили оппортунистическій принципъ нравственнаго безразличія, убивъ элементъ личной совѣсти, распространивъ требованіе послушанія на ту даже сферу, гдѣ прежде никто не рѣшался его примѣнять, такъ какъ по іезуитской этикѣ старшій могъ брать грѣхъ на себя, а младшій долженъ былъ повиноваться начальству до совершенія смертнаго
*п, 274-275, 277 и слѣд. грѣха включительно *.

Средневѣковой католицизмъ и католическія реакціи новаго времени относились одинаково враждебно къ индивидуальной свободѣ. Средневѣковой католицизмъ ставилъ своею задачею не допустить личность до того, чтобы она могла выйти изъ повиновенія, а новымъ реакціямъ предстояла уже задача возвращенія мятежнаго человѣка въ лоно единой спасающей церкви. Въ старыхъ церковныхъ ученіяхъ стали видѣть и вообще средство противодѣйствія новымъ культурнымъ и общественнымъ стремленіямъ, задѣвавшимъ консервативные интересы, а это способствовало искусственной поддержкѣ государствомъ общей умственной атмосферы, созданной средневѣковой католической системой, хотя государство, конечно, не могло и не должно было допускать теократи-
*п, 280 ческихъ тенденцій въ политическихъ ученіяхъ *, пользуясь только тѣмъ, что было выработано теологическою мыслью для приданія королевской власти божественнаго характера. Что касается до аскетической этики, то вѣра въ нее стала падать, хотя монашество продолжало существовать и даже нѣсколько усилилось въ эпоху обновленія католицизма въ
*п, 625 XVI вѣкѣ *, и никто уже не имѣлъ большого интереса искусственно поддерживать отождествленіе морали и аскетизма. Сильный ударъ послѣднему, какъ основѣ средневѣкового міросозерцанія, былъ нанесенъ еще гуманизмомъ.

IV. Сущность гуманистическаго движенія.

1. Общее опредѣленіе гуманизма. — 2. Роль классической древности въ новой культурной исторіи. - 3. Значеніе гуманизма въ умственной исторіи Европы.—4. Перерывъ въ развитіи свѣтской культуры.

1. Въ настоящее время предпочитаютъ обозначать именемъ гуманизма то, что носитъ названіе Ренессанса, или Возрожденія: первое обозначеніе и древнѣе, и—что особенно важно—опредѣленнѣе, причемъ и главный смыслъ всего культурнаго движенія, извѣстнаго подъ обоими названіями, въ словѣ „гуманизмъ" выступаетъ яснѣе. Прежде и не такъ еще давно въ Ренессансѣ видѣли преимущественно возстановленіе классическихъ занятій, коему приписывали умственный переворотъ въ Европѣ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ; потомъ сущность переворота была понята, какъ секуляризація культуры, т.-е. какъ освобожденіе ея изъ-подъ церковной опеки, что совершенно вѣрно, но только послѣ всего былъ указанъ общій источникъ и этой секуляризаціи, и всего интереса къ отличающейся свѣтскимъ же характеромъ античной литературѣ, источникъ въ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ запросахъ самой личности *. Дѣло въ томъ, что личность доразвилась къ XIV в. до такой ступени, на которой не могла болѣе удовлетворяться ни схоластической философіей, ни аскетической моралью: ея стремленію къ самопознанію уже не соотвѣтствовали номиналистическія и реалистическія отвлеченности, ея жизненные инстинкты были въ полномъ противорѣчіи съ принципами монашеской этики, такъ какъ личность стала интересоваться и дорожить всѣмъ человѣческимъ. Такое духовное содержаніе, которое наиболѣе отвѣчало ея запросамъ, содержаніе чисто человѣческое, она и нашла въ полупозабытой античной литературѣ: это были для нея humana studia въ отличіе отъ прежнихъ богословскихъ divina studia. Средневѣковой взглядъ на при-

*1, 327 и слѣд.

роду человѣка и на внѣшній міръ былъ пессимистическій: первая грѣховна, второй—юдоль печали и страданій. Развитая личность вступаетъ въ новую исторію прямо съ болѣе оптимистическимъ взглядомъ, и какъ внутренній ея голосъ, такъ и величіе человѣка, проявившееся въ чудныхъ произведеніяхъ древней мысли и древняго искусства, говорили ей о благородствѣ человѣческой природы, о законности ея стремленій, о возможности устроить на землѣ свою жизнь хорошо. Культурный человѣкъ измѣнялъ взглядъ на самого себя и на себѣ подобныхъ самымъ радикальнымъ образомъ, и это имѣло,
*i, 395 и сл., 413 и сл., 427 и слѣд. разумѣется, очень важныя культурныя послѣдствія *.

Новая свѣтская цивилизація ведетъ свое начало изъ гуманизма, проявившагося ранѣе всего въ Италіи (XIV в.) и оттуда распространившагося по другимъ странамъ западной
*i, 336, 380 и сл. Европы *. Человѣкъ живетъ, мыслитъ, стремится, дѣйствуетъ, устраиваетъ свои отношенія къ другимъ людямъ какъ моральныя, такъ и соціальныя—сообразно съ своимъ пониманіемъ жизни, границъ своего ума, своихъ способностей, своихъ и чужихъ правъ: средневѣковое міросозерцаніе было отрицаніемъ жизни, соединеннымъ съ подавленіемъ въ личности сознанія ея умственной силы, ея способности къ разнообразному проявленію себя во внѣшнемъ мірѣ, ея правъ, отрицаніемъ законности ея естественныхъ стремленій, а гуманизмъ былъ именно духовной эманципаціей личности. Начавшись въ XIV в., отчасти поддержанное, отчасти, наоборотъ, затертое религіозной ре-
*i, 441 и слѣд. формаціей XVI в. *, безусловно подавленное на нѣкоторое
ii, 290 время католической реакціей, это культурное движеніе возродилось съ новою силою и для болѣе значительной исторической роли въ „просвѣщеніи“ XVIII вѣка, которое само опи-
*iii, 142 и слѣд. рается на гуманизмъ, являясь даже лишь его видоизмѣненіемъ. Условія мѣста (напр., итальянскія для гуманизма и французскія для „просвѣщенія“), и времени (напр., особое вліяніе классической литературы въ первомъ случаѣ и естествознанія во второмъ, такъ какъ въ XIV в. древняя литература была единственнымъ средствомъ умственной

эманципаціи, а въ XVII в. началось блестящее развитіе естественныхъ наукъ) сообщили этому движенію тотъ или другой характеръ, сдѣлали его въ томъ или другомъ отношеніи одностороннимъ, не позволяли ему оказать всего своего дѣйствія на общее измѣненіе жизни, но подъ тѣмъ, что было въ этомъ движеніи мѣстнаго и временнаго, мы должны всегда усматривать нѣчто, имѣющее болѣе универсальный и непреходящій характеръ. Гуманизмъ и „просвѣщеніе" XVIII в. сами по себѣ лишь два особенно замѣтные момента въ исторіи личнаго развитія на западѣ Европы: свободное изслѣдованіе и протестъ противъ аскетической морали роднилъ между собою гуманистовъ и философовъ XVIII в., но у тѣхъ и у другихъ были болѣе ранніе предшественники, напр., въ лицѣ раціоналистовъ-схоластиковъ и аверроистовъ или въ лицѣ свѣтскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ радости жизни *, а вся современная философія и современная наука сами суть дальнѣйшія измѣненія того же основного движенія, вызваннаго развитіемъ личности. И здѣсь, какъ и всегда, при опредѣленіи историческаго значенія культурныхъ эпохъ нужно различать мѣстное и преходящее отъ основного и постояннаго. Съ наибольшею силою гуманизмъ проявился въ Италіи, но въ исторіи самой Италіи его роль не можетъ быть названа благотворной, что нерѣдко ставится ему въ упрекъ національными историками, хотя въ этомъ виноваты были общія условія страны и эпохи *. Для Германіи реформація, которая въ ней получила свое начало, принесла не мало бѣдствій, и это постоянно служитъ католическимъ историкамъ изъ нѣмцевъ средствомъ подкрѣпить свое общее осужденіе протестантизма, но опятьтаки не послѣдній самъ по себѣ былъ виновенъ въ бѣдствіяхъ Германіи, а общія условія нѣмецкой жизни въ XVI в. были таковы, что лучшихъ результатовъ реформація въ Германіи и не могла дать *. Наконецъ, философія XVIII в. съ наибольшимъ блескомъ развилась во Франціи, и многія слабыя (и даже мрачныя стороны) французской революціи стоятъ въ связи съ недостатками этой философіи, но и эти послѣд-

*I, 321-323

*I, 428

*II, 148-149, 352-353

нія, и тѣ дурныя слѣдствія, которыя имъ исключительно приписываются, опять-таки созданы были условіями мѣста и
*ш, 152 и слѣд. времени *. При общей оцѣнкѣ гуманизма, протестантизма и философіи XVIII в. нужно вообще отрѣшаться отъ частныхъ точекъ зрѣнія той или другой національности или эпохи (точекъ зрѣнія, имѣющихъ свое примѣненіе въ исторіи отдѣльныхъ странъ), дабы возвыситься до всемірно-историческаго пониманія. Философская оцѣнка всѣхъ этихъ движеній должна совершаться двоякимъ образомъ: нужно рѣшить, насколько вѣренъ принципъ, лежащій въ основѣ явленія, и затѣмъ насколько полно, всесторонне и послѣдовательно онъ воплощался въ отдѣльныхъ моментахъ эволюціи этого явленія.

Гуманизмъ былъ реабилитаціей человѣческой природы и принципіальнымъ обоснованіемъ ея правъ въ области духовной и матеріальной жизни. Каждое новое явленіе на первыхъ ступеняхъ своего развитія отличается многими несовершенствами. Основными недостатками итальянскаго гуманизма нужно считать эгоистическій оттѣнокъ индивидуализма, нерѣдко граничившаго съ полнымъ отсутствіемъ альтруистическихъ чувствъ и съ общественнымъ индифферентизмомъ, и чисто аристократическій (хотя и не въ сословномъ смыслѣ) характеръ гуманистической образован-
*і, 399, 405, 408, 418, 423 ности *. Личность, освобождающаяся отъ всего, что стѣсняло ея развитіе, прежде всего ищетъ основъ чисто индивидуальнаго благополучія и индивидуальной морали, противополагая эгоистическому аскетизму не менѣе эгоистическія этическія системы древнихъ стоиковъ и эпикурей-
*і, 400 цевъ *, и устремляетъ всѣ свои силы на удовлетвореніе умственныхъ потребностей, создавая философію и науку, но ничего не дѣлая для соціальной этики съ точки зрѣнія равнаго права всѣхъ на духовное развитіе и личное благополучіе, создавая политику, какъ искусство, но не внося въ свое объективное пониманіе государственной жизни той истины, что не личность существуетъ для государства, а государство для личности. Такимъ образомъ, въ итальянскомъ гу-

манизмѣ принципъ индивидуализма былъ проведенъ неполно, односторонне и непослѣдовательно, но въ немъ же самомъ, въ его основномъ принципѣ заключалось и то, что должно было развить его самого, устранить эти недостатки, особенно при помощи культурныхъ началъ реформаціи *. *II, 234 и сл., III, 145-148

2. Смотря на гуманизмъ, какъ на проявленіе индивидуализма новаго времени и какъ на секуляризацію культуры, и объясняя предпочтительный интересъ гуманистовъ къ классической древности необходимостью на что-либо опереться въ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ *, *I, 329 мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ то значеніе, какое „возрожденная" древность получила для культурной исторіи Европы. Цивилизація новыхъ народовъ имѣетъ свои источники въ христіанствѣ и въ классическомъ мірѣ, и обновленіе этой цивилизаціи началось съ соприкосновенія европейскаго ума съ наслѣдіемъ духовной дѣятельности грековъ и римлянъ. Классическую и новую европейскую культуру отъ восточныхъ цивилизацій и отъ средневѣкового міросозерцанія отличаетъ свѣтскій характеръ первыхъ въ противоположность къ теократическимъ началамъ послѣднихъ *. *I, 276 и слѣд. Понятно, почему гуманисты сдѣлались поклонниками античнаго міра, но было бы несправедливо обвинять ихъ въ слѣпомъ увлеченіи древностью и въ фантастическомъ желаніи возстановить древнія культурныя и соціальныя формы. Вообще древность была не источникомъ движенія, а лишь его опорой *, *I, 343-344 да и византійскіе греки, умѣвшіе только „хранить" античную образованность, могли быть учителями гуманистовъ лишь въ формальномъ изученіи языка и литературы *. *I, 337 и слѣд. Гуманисты брали изъ классической древности вообще одно то, что соотвѣтствовало ихъ собственнымъ стремленіямъ *, *I, 349, 354 и др. хотя, конечно, постоянное общеніе ихъ съ авторами философскихъ, научныхъ, историческихъ, политическихъ и художественныхъ произведеній древности до извѣстной степени пропитывало и ихъ самихъ воззрѣніями классическаго міра. Сначала господствующимъ стремленіемъ итальянскихъ гуманистовъ, которое перешло въ другія

страны и въ нихъ утвердилось, было желаніе примирить
*I, 338 и слѣд., 350, 383, 444 классическую древность съ христіанствомъ *, но позднѣе гуманистическое міросозерцаніе стало откровенно принимать болѣе языческій характеръ, хотя въ этомъ напрасно обвиняли гуманизмъ вообще, бывшій яко-бы возстановленіемъ
*I, 375, 378 языческаго нравственнаго матеріализма *.

Если гуманисты предпочтительнѣе передъ всѣмъ обращались къ классической древности, то это весьма естественно въ виду того, что иной умственной опоры они и не могли найти для своихъ стремленій. Это фактъ не единичный. Въ борьбѣ съ феодализмомъ и папствомъ законники, находившіеся на службѣ у средневѣковыхъ королей (а съ ними и Данте въ „De monarchia“) опирались на принципы римскаго государствен-
*I, 117, 317-318 наго права *. Схоластическая философія сдѣлала изъ Ари-
*I, 322 стотеля свой главный человѣческій авторитетъ *. Демократическое движеніе въ римскомъ населеніи середины XIV в. приняло подъ внушеніемъ Кола-ди-Ріенци характеръ воз-
*I, 348-349 становленія римской республики *. Когда стремившаяся къ абсолютизму королевская власть стала покровительствовать литературѣ безъ средневѣковыхъ политическихъ традицій и безъ общественнаго содержанія, она прямо, такъ сказать, имѣла въ виду золотой вѣкъ римской поэзіи и
*I, 254 прозы при Августѣ *. Общественное сознаніе французовъ XVIII вѣка питалось изображеніемъ гражданскихъ доблестей и героическаго республиканизма античнаго міра, что сказалось и въ тогдашней литературѣ, и на многихъ фактахъ
*III, 241-242 революціи *. Нельзя же, однако, говорить, чтобы борьба королевской власти съ католико-феодальнымъ строемъ вызвана была изученіемъ римскаго права, чтобы безъ латинскаго перевода Аристотеля не было схоластики, чтобы классическое увлеченіе знаменитаго римскаго „трибуна“ было причиною народнаго недовольства знатью въ оставленной папской столицѣ, чтобы только одно подражаніе классикамъ придало литературѣ XVII в. придворный характеръ, чтобы безъ знакомства съ древними политическими формами во Фран-

ціи не произошло республиканскаго переворота и т. п. Гуманистическое увлеченіе древностью подходитъ подъ ту же категорію фактовъ.

Вліяніе возрожденной классической древности или вѣрнѣе возобновленіе занятій греческой и римской литературой на культурную исторію новаго времени весьма понятно. Во-первыхъ, долгое время литература эта была почти единственнымъ образовательнымъ средствомъ, и по многимъ вопросамъ и во многихъ областяхъ новые мыслители и писатели долгое время не могли дать ничего, что пошло бы въ сравненіе съ древними произведеніями, а во-вторыхъ, въ античной философіи, наукѣ, поэзіи, въ античной исторіографіи, правѣ и политикѣ такъ много общечеловѣческаго, не могущаго быть чуждымъ каждому человѣку, что они никогда не утратятъ своего значенія для культурныхъ народовъ. Нужно только прибавить, что въ первомъ смыслѣ значеніе классической древности дѣлается все меньшимъ и меньшимъ, и если., напр., еще въ XVIII в. продолжалось то, что было начато гуманистами XIV столѣтія, то сами послѣдніе вѣка для наступающаго XX столѣтія приготовили такое духовное наслѣдіе, которое въ одномъ не уступаетъ классическому, а въ другомъ прямо его превосходитъ.

Какъ гуманистическое обращеніе къ древности, такъ и постепенный выходъ изъ-подъ исключительно отъ нея идущихъ вліяній суть факты прогрессивнаго характера: личность доразвилась сначала до пониманія высокой духовной культуры античнаго міра, а потомъ выработала свою духовную культуру, сдѣлавшую излишними постоянныя обращенія къ чужому уму. Конечно, въ періодъ ученическихъ своихъ годовъ западно-европейская мысль часто прямо подчинялась античнымъ міровоззрѣніямъ, а въ нихъ было много такого, въ чемъ христіанство указало человѣку на болѣе высокіе и на болѣе согласные съ его духовной природой принципы. Въ морали мы имѣемъ въ виду альтруистическій принципъ любви, ложащійся въ основу соціальнаго принципа

людской солидарности, въ политикѣ—принципъ внутренней свободы убѣжденія отъ принудительной власти государства. Средніе вѣка, конечно, не осуществляли этихъ принциповъ, и это было условіемъ для того, чтобы первыя проявленія
*I, 399 **I, 423 гуманистической этики ** и политики * были болѣе согласны съ языческимъ, чѣмъ съ христіанскимъ воззрѣніемъ на обязанности и права человѣка. Государство, пожелавшее въ эпоху реформаціи стать само церковью и сдѣлать изъ религіи политическое орудіе, лишая человѣка свободы въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія, не только подражало католической церкви, но и проникалось античнымъ политическимъ идеаломъ, теоретическое выраженіе коего дали въ
*I 423; II, 609; III, 208 XVI в. Макіавелли, въ XVII—Гоббзъ, въ XVIII—Руссо *.

3. Главная заслуга гуманизма—въ умственной эманци-
*I, 429 паціи новой Европы *. Гуманисты, какъ выразители новаго настроенія и новыхъ потребностей, народившихся въ
*I, 347 обществѣ *, сдѣлались весьма популярными и вліятельными дѣятелями просвѣщенія, — благодаря чему они составили рядомъ съ старымъ интеллигентнымъ слоемъ новый интеллигентный классъ, во-первыхъ, чисто свѣтскій, во-вторыхъ основывавшійся на одномъ умственномъ превосходствѣ, безъ землевладѣнія, привилегій и церковной органи- заціи, на коихъ, кромѣ образованности, покоилась сила
*I, 365, 366 и сл., 381, 435 духовенства *. Гуманисты были людьми широкаго общаго образованія, что отличало ихъ отъ средневѣковыхъ ученыхъ, замыкавшихся въ узкіе предѣлы одной какой-либо спе-
*I, 430 ціальности *. Въ основу своихъ интересовъ они положили изученіе человѣческой природы (личности и общества), каковою она является въ дѣйствительности, примѣняя къ
*I, 432 и слѣд. этому дѣлу впервые научные методы *. Въ качествѣ знатоковъ дѣлъ человѣческихъ они сдѣлались руководителями общественнаго мнѣнія и, можно даже сказать, своею публицистическою дѣятельностью впервые создали эту духовную силу, играющую столь важную роль въ новой политической исто-
*I, 434 ріи *. Положивъ начало разнымъ гуманитарнымъ наукамъ,

они особенно двинули впередъ политику и исторіографію, основавъ еще тѣмъ самымъ соціологическое мышленіе новаго времени *. Не внесши на первыхъ порахъ никакихъ *I, 414 и слѣд.
нравственныхъ началъ въ политическую науку *, гуманисты *I, 418
тѣмъ не менѣе оказали большую услугу, эманципировавъ ее отъ теократическихъ и сословныхъ началъ *, ибо, даже *I, 407, 423-425
оставаясь соціальными индифферентистами, но въ то же время не являясь выразителями соціальныхъ стремленій какого-либо сословія, они во имя прирожденнаго личности человѣческаго достоинства протестуютъ противъ родовой знати и наслѣдственныхъ привилегій *, какъ во имя ин- *I, 360, 407-408
стинктовъ человѣческой природы протестуютъ въ то же время противъ аскетизма и монашества *. *I, 400 и слѣд.

Гуманизмъ разрушилъ средневѣковую схоластику. Ея содержаніе и методъ были глубоко антипатичны гуманистамъ. Первые изъ нихъ возставали противъ средневѣковой философіи по той же причинѣ, по какой не интересовались античной метафизикой: ихъ вниманіе поглощала живая человѣческая личность, и потому сначала ихъ философія имѣла исключительно этическій характеръ, причемъ они изъ древнихъ школъ изучали стоиковъ и эпикурейцевъ *. *I, 353, 369, 371, 375
Лишь позднѣе (въ XV в.) метафизическіе вопросы начинаютъ занимать умъ гуманистовъ, и прежде чѣмъ съ Бэкономъ и Декартомъ (въ XVII в.) начинается исторія самостоятельной европейской философіи, гуманисты подготовляютъ возможность ея возникновенія изученіемъ Платона и Аристотеля *. Съ другой стороны, гуманисты не прощали схо- *I, 369, 376 и сл.
ластикамъ той несвободы, въ какой послѣдніе держали умъ, и раціоналистическая струя вообще сильно выбивается на поверхность гуманистическаго движенія. Вся старая школа, далѣе, нашла въ гуманистахъ страстныхъ противниковъ, и уже Леонардо Бруни (въ первой половинѣ XV в.) пустилъ въ ходъ идею чисто свѣтскаго образованія, въ которое религія входитъ лишь въ качествѣ важнаго ингредіента, не поглощая собою всей школы *. На почвѣ новой концепціи жизни стали соз- *I, 371

даваться и новые ея идеалы—начало тѣхъ общественныхъ
утопій, коимъ также пришлось играть роль въ историче-
*i, 403- скомъ развитіи Запада *. Наконецъ, если сами гуманисты
404, 425- 427; ii, 528; и не обнаруживали большой склонности къ естествознанію,
iii, 246-247 то они подготовили путь, по которому пошло и изученіе
внѣшней природы, сдѣлавшее столь большіе успѣхи за по-
слѣдніе четыре вѣка (XVI—XIX).

4. Гуманистическое движеніе, начавшееся въ XIV в.,
достигшее наибольшей силы въ XV, наибольшаго распро-
страненія къ началу XVI, падаетъ къ серединѣ этого по-
слѣдняго столѣтія. Религіозная реформація, съ коей Ренес-
*i, 439 и сансъ становился въ весьма разнообразныя отношенія *, во-
сл.; ii, 232 и слѣд. обще отвлекла вниманіе общества въ другую сторону, а ка-
толическая реакція содѣйствовала еще болѣе прекращенію
этого движенія. Въ эпоху столкновенія между протестантиз-
момъ и католицизмомъ, въ эпоху двухъ фанатизмовъ умственное
движеніе было обречено на прозябаніе, хотя въ это же самое
время (XVI—XVII вв.) зарождаются естествознаніе и само-
стоятельная философія, не оказывавшія, впрочемъ, такого не-
посредственнаго вліянія на общественную культуру, какъ гу-
манизмъ въ XV в. и какъ „просвѣщеніе“ XVIII столѣтія,
*iii, 143 столь несамостоятельное * въ научномъ и философскомъ
смыслѣ, въ культурномъ же бывшее лишь возобновленіемъ гу-
*ii, 597; манизма *. Этотъ перерывъ въ начатомъ гуманистами культур-
iii, 142 и сл., 215 и номъ движеніи объясняется не только религіозной реформа-
слѣд. ціей и католической реакціей, наполняющими собою исторію
XVI и XVII вѣковъ, но и политическими условіями эпохи.
Итальянскіе династы, поощряя гуманистическія занятія ради
*i, 270, личныхъ выгодъ *, не стѣсняли ихъ свободы, тѣмъ болѣе,
353, 413 что въ политическомъ отношеніи гуманисты отличались
*i, 410- даже раболѣпіемъ *. XVI и XVII вѣка были въ другихъ го-
412, 417- 418, 428 сударствахъ временемъ политической борьбы, и короли, по-
давляя всякую оппозицію, стѣсняли и развитіе политической
мысли, покровительствуя развѣ одному естествознанію, за-
нятіе которымъ, съ ихъ точки зрѣнія, не представляло та-

кихъ опасностей *. Вотъ почему, когда въ XVII в., съ *II, 562, 598; III, 75-76
разложеніемъ системы, созданной религіозной и политической реакціей, снова началось освободительное движеніе, оно между прочимъ стало и въ оппозиціонное отношеніе къ государству.

Противоположность между гуманизмомъ и католической реакціей понятны сами собою. Между гуманизмомъ и реформаціей также долженъ былъ возникнуть антагонизмъ, и дѣйствительно факты показываютъ, что оба движенія въ одной и той же странѣ были какъ бы несовмѣстимы: одно должно было уступать мѣсто другому *. Гуманизмъ въ принципѣ ста- *I, 443
вилъ человѣку цѣль жизни на землѣ, протестантизмъ исходилъ изъ идеи загробного спасенія, хотя и дѣлалъ изъ нея иные выводы, чѣмъ аскетизмъ; гуманисты интересовались вопросами знанія, реформаторы—вопросами вѣры; одно направленіе требовало развитія разума, другое подчиняло разумъ авторитету вѣры или выдвигало на первый планъ элементъ чувства, откуда различіе между раціонализмомъ и мистицизмомъ (хотя и первый былъ въ реформаціи, да и второй наблюдается въ пантеистическихъ натурфилософіяхъ итальянцевъ XVI в. *); одно стремилось къ возстановленію антич- *I, 378
ной образованности, другое мечтало возродить первобытное христіанство; здѣсь мысль и чувство ищутъ опоры въ древней литературѣ, тамъ—въ Библіи *. Въ дѣйствительности *I, 442
могли быть въ этихъ отношеніяхъ и непослѣдовательности, и отступленія, и, напр., умственное движеніе, вызванное гуманизмомъ, даже содѣйствовало реформаціи своими образовательными средствами *, но сущность дѣла отъ этого не *I, 444 и слѣд.
измѣняется нисколько: свѣтское движеніе должно было уступить мѣсто религіозному *. Гуманизмъ затронулъ лишь *I, 447 и слѣд.
верхи общества, не проникши въ массы, къ просвѣщенію коихъ гуманисты остались равнодушны *, а моральные и со- *I, 408-409
ціальные недостатки гуманизма не могли позволить ему стать во главѣ того великаго историческаго переворота, который начинался въ началѣ XVI в., подобно тому, какъ другой

подобный историческій переворотъ, начавшійся въ концѣ XVIII в., сталъ совершаться, наоборотъ, какъ разъ подъ знаменемъ свѣтскаго Просвѣщенія.

V. Культурное значеніе религіозной реформаціи.

1. Опредѣленіе реформаціоннаго періода новой исторіи.—2. Анализъ реформаціоннаго періода.—3. Политическая, соціальная и національная оппозиція церкви.—4. Внутреннее разложеніе католицизма и новыя религіозныя стремленія.—5. Протестантизмъ, сектантство и новый католицизмъ.—6. Принципы протестантизма и сектантства.

*ш, 1 и слѣд.

1. Въ новой западно-европейской исторіи нужно выдвинуть впередъ * два крупныхъ переворота, изъ коихъ каждый произвелъ большія измѣненія въ культурныхъ и общественныхъ отношеніяхъ и оба являются потому центральными событіями двухъ историческихъ эпохъ: этими событіями были реформація, подготовлявшаяся въ XIV и XV вв., разразившаяся въ XVI в., наложившая свою печать и на XVII вѣкъ, и революція на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій.

Отъ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ XVI в. въ западной Европѣ совершается, дѣйствительно, крупный переворотъ: съ двадцатыхъ годовъ одно нѣмецкое княжество за другимъ отторгается отъ католицизма, и цѣлая половина Германіи дѣлается протестантской; то же самое происходитъ одновременно съ швейцарскими кантонами; тогда же новое религіозное ученіе принимается Пруссіей, Даніей, Швеціей; въ слѣдующемъ десятилѣтіи къ отдѣлившимся отъ католицизма странамъ присоединяется Англія; въ сороковыхъ годахъ центромъ воинствующаго протестантизма становится Женева, откуда онъ въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ дѣлаетъ побѣдоносное вторженіе въ Шотландію, немедленно тоже отдѣлившуюся отъ Рима, а также проникаетъ еще во Францію и Польшу, чтобы съ шестидесятыхъ годовъ отторгнуть

отъ Рима и часть Нидерландовъ; успѣхи протестантизмъ сдѣлалъ, кромѣ того, въ Чехіи, Венгріи и другихъ странахъ австрійскихъ Гасбурговъ, пріобрѣлъ около середины XVI в. единичныхъ послѣдователей даже въ Испаніи и, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ коснулся и Италіи. Между 1520 и 1560 гг. половина европейскихъ странъ порвала свои связи съ католическою церковью, въ серединѣ же этого періода сама эта церковь обновляется, благодаря основанію ордена іезуитовъ, и на тридентскомъ соборѣ къ началу шестидесятыхъ годовъ производитъ починку своего расшатавшагося зданія.

У всего этого движенія были свои „предшественники“:
Виклифъ въ Англіи и его послѣдователи лолларды *, Гусъ въ *I, 510-511
Чехіи и гуситы *, разные еретики и сектанты **, да и три- *I, 512-
дентскій соборъ, созванный для реформы церкви, имѣлъ пре- 516, 539 и слѣд.
цеденты въ соборахъ пизанскомъ, констанцкомъ и базель- **I, 518 и слѣд.
скомъ въ первой половинѣ XV в. *, такъ что реформа церкви *I, 498 и слѣд.
была въ XVI вѣкѣ уже давно назрѣвшимъ вопросомъ, и если считать „предшественниками“, начиная хотя бы съ Виклифа, и докторовъ парижскаго университета, составив-
шихъ планъ соборной реформы *, т.-е. включить въ исторію *I, 495 и слѣд.
реформаціоннаго періода и первыя требованія, и первыя попытки улучшеній въ церкви, то придется начало этого періода отодвинуть еще лѣтъ на полтораста назадъ, къ послѣдней трети XIV вѣка. Съ другой стороны, въ серединѣ XVI вѣка только-что сформировались двѣ враждебныя религіозно-политическія партіи, охватившія всю Европу и вступившія между собою въ борьбу: именно въ серединѣ XVI вѣка началось вооруженное столкновеніе между католицизмомъ и протестантизмомъ, тянувшееся цѣлое столѣтіе, и оно
кончается только къ серединѣ XVII вѣка *, въ то самое *II, 377
время, когда въ Англіи происходитъ новая реформація,
народная, послѣ правительственной реформаціи XVI в. *. *II, 437 и слѣд.
Религіозныя преслѣдованія протестантовъ во Франціи около *II, 559 и слѣд.
1685 г. и одновременно съ этимъ предпринятая реставрація католицизма въ Англіи * были послѣдними крупными *II, 585 и слѣд.

фактами католической реакціи противъ реформаціи. Отъ эпохи Виклифа до второй революціи въ Англіи, отъ эпохи докторовъ парижскаго университета, предлагавшихъ соборную реформу церкви до уничтоженія нантскаго эдикта, коимъ обезпечивались религіозныя права протестантовъ, во Франціи протекло триста лѣтъ, въ теченіе коихъ назрѣлъ, разрѣшился и наконецъ сданъ былъ въ архивъ вопросъ о реформѣ католической церкви. 1520-мъ годомъ эти три вѣка дѣлятся на двѣ половины—на подготовленіе реформаціи и на ея исполненіе, и реформаціоннымъ періодомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слѣдуетъ считать поэтому XVI и первую половину XVII вѣка: подготовительный періодъ былъ, наоборотъ, временемъ, когда на первомъ планѣ съ всемірно-исторической точки зрѣнія стояло все-таки гуманистическое движеніе, а съ середины XVII в. церковные вопросы самымъ видимымъ образомъ отходятъ уже назадъ передъ вопросами политическими, и развитіе государственности дѣлается глав-
II, 531 и слѣд. нымъ явленіемъ слѣдующей эпохи, т.-е. „вѣка Людовика XIV“*. Наконецъ и здѣсь, въ этомъ полутора-вѣковомъ періодѣ,—если исключить только сороковые и пятидесятые годы англійской исторіи, повторившіе собою только то, что ранѣе
*II, 459 происходило на материкѣ *,—весь интересъ реформаціонной исторіи сосредоточивается на времени между двадцатыми и шестидесятыми годами XVI в., ибо въ эту эпоху не только произошло отторженіе отъ Рима цѣлой половины западной Европы, но и были поставлены и рѣшены въ
*II, 230 и слѣд. принципѣ * всѣ важные культурные вопросы новаго религіознаго движенія и вызванной имъ католической реакціи, именно въ періодъ отъ сожженія папской буллы Лютеромъ (1520) до смерти Кальвина (1564).

2. Реформаціонное движеніе, происходившее въ первый разъ еще въ Чехіи въ эпоху гуситскихъ войнъ первой
I, 539 и слѣд. половины XV в., еще болѣе сильное движеніе въ Германіи, Швейцаріи, Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ, гдѣ, какъ раньше въ Чехіи, оно сопровождалось политиче-

скими и соціальными революціями въ отмѣченный нами періодъ XVI в., наконецъ совершенно аналогичное движеніе въ Англіи въ серединѣ XVII в., извѣстное подъ названіемъ первой революціи,—все это вмѣстѣ взятое представляетъ собою явленіе очень сложное, вытекавшее изъ массы причинъ, которыя комбинировались въ разныхъ странахъ различнымъ образомъ. Научный анализъ этого историческаго явленія приводитъ насъ * къ тому выводу, что въ реформаціонномъ движеніи нужно различать три стороны: во-первыхъ, это было движеніе чисто религіозное, касавшееся предметовъ человѣческой вѣры и совѣсти, и источникъ его былъ въ протестѣ болѣе развитого ума и нравственнаго чувства противъ „порчи церкви" и въ исканіи религіозной истины на новыхъ путяхъ; во вторыхъ, это было и чисто свѣтское движеніе съ оппозиціоннымъ характеромъ по отношенію къ католической церкви, но вытекавшее не изъ религіозныхъ побужденій, а изъ политическаго и соціальнаго недовольства папствомъ и духовенствомъ, стремившимися къ господству надъ государствомъ и обществомъ, и изъ національнаго недовольства космополитизмомъ церкви, не дававшей народамъ ни св. писанія, ни богослуженія на родномъ языкѣ, т.-е. коротко говоря, изъ протеста не во имя началъ религіозныхъ, а во имя началъ человѣческихъ, находившихся въ антагонизмѣ съ теократическими и клерикальными тенденціями, равно какъ съ космополитизмомъ церкви; въ третьихъ, наконецъ, къ связи со всѣмъ этимъ и подъ знаменемъ религіозныхъ идей, но совершенно самостоятельно происходили еще разныя политическія и соціальныя революціи, имѣвшія причины уже прямо въ свѣтскихъ стремленіяхъ и интересахъ и могшія возникать и помимо какихъ бы то ни было новыхъ религіозныхъ стремленій или помимо защиты политическихъ, соціальныхъ и національныхъ интересовъ отъ притязаній, посягательствъ и злоупотребленій куріи и клира. Въ настоящей главѣ мы будемъ имѣть въ виду только двѣ первыя стороны движенія и начнемъ ихъ

*п, 3-6

разсмотрѣніе съ той оппозиціи—политической, соціальной и національной, которая могла бы съ успѣхомъ идти—и дѣйствительно шла иногда—подъ знаменемъ секуляризаціонныхъ стремленій, столь сильно сказавшихся въ гуманизмѣ, но имѣвшихъ свои причины въ общихъ отношеніяхъ между церковью, съ одной стороны, и государствами, свѣтскими классами общества и націями, съ другой.

3. Мы уже говорили выше объ антагонизмѣ, существовавшемъ между государствомъ и церковью, между свѣтскими сословіями и духовенствомъ, вліятельному положенію и богатствамъ котораго завидовало дворянство и отъ корыстолюбія и алчности котораго терпѣла народная масса. Враждебныя чувства, вѣками накопившіяся противъ куріи и клира въ представителяхъ государственной власти и въ свѣтскомъ обществѣ *, прорвались наружу: уже гуманизмъ защищалъ права государства и свѣтскаго общества противъ теократіи и клерикализма, а новыя религіозныя идеи прямо санкціонировали и освобожденіе королей отъ папской власти, и подчиненіе имъ духовенства, и отобраніе въ казну церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, и уничтоженіе монашества, и отмѣну десятины и другихъ поборовъ, и лишеніе духовенства тягостныхъ для общества привилегій (въ родѣ церковнаго суда надъ свѣтскими людьми, изъятія изъ налоговъ) и т. п. Все это и совершилось тамъ, гдѣ у свѣтской власти былъ интересъ порвать связь съ куріей *, а у свѣтскихъ сословій—у правящихъ классовъ и у народа—были особенно сильные счеты съ клиромъ *, что не вездѣ было одинаково, какъ не вездѣ было одинаково и религіозное настроеніе народа въ смыслѣ его удовлетворенности существующею формою религіи или исканія новыхъ формъ *. Замѣтимъ, что въ иныхъ случаяхъ иниціатива реформы шла прямо отъ государственной власти безъ особаго предрасположенія въ данный моментъ подданныхъ къ перемѣнѣ, какъ это было въ Даніи, Швеціи, Англіи *, тогда какъ въ иныхъ реформація начиналась снизу противъ желанія правительствъ,

*I, 300 и слѣд., 478 и слѣд., 522 и слѣд.; II, 190, 208 и др.

*II, 190

*II, 21, 198, 208, 209

*II, 7-8

*II, 194 и слѣд.

что наблюдается въ Шотландіи, Франціи, Польшѣ, Нидерландахъ, Чехіи, Венгріи *, въ Германіи же, напротивъ, она одновременно совершалась и сверху, и снизу * (какъ впослѣдствіи и въ Англіи *): все зависѣло здѣсь отъ того, въ какихъ отношеніяхъ короли и народы находились къ куріи и клиру, и напр., одинъ и тотъ же Генрихъ VIII былъ въ началѣ своего царствованія папистомъ, а въ концѣ врагомъ папства *. Изъ реформаціи государи прямо извлекали для себя выгоду, становясь въ независимыя отношенія извнѣ, подчиняя себѣ церковь внутри и секуляризируя духовныя имѣнія, коими имъ, впрочемъ, большею частью приходилось дѣлиться съ дворянствомъ *. Иногда соціальная оппозиція,— что и было въ Германіи, Швейцаріи, Шотландіи, Голландіи и др.,—получала общесословный, прямо національный характеръ, и тогда реформаціонное движеніе вытекало еще изъ одной причины, на которой мы остановимся здѣсь подробнѣе, такъ какъ этого предмета мы до сихъ поръ пока не касались, а онъ имѣетъ весьма немаловажное значеніе.

*п, 209 и слѣд.
*п, 123
*п, 216 и слѣд., 458 и слѣд., 473 и слѣд.
*п, 199 и слѣд.
*п, 131, 196, 197, 203, 215, и др.

Къ числу духовныхъ началъ, объединяющихъ общество, раздѣленное на сословія или соціальные и культурные классы и какую обширную территорію это общество ни занимало бы, относится, какъ извѣстно, и національное чувство. Каждая національность представляетъ изъ себя собирательную нравственную личность, обладающую также самосознаніемъ, которое есть, конечно, самосознаніе отдѣльныхъ составляющихъ ее единицъ, поскольку послѣднія считаютъ себя принадлежащими къ той или другой народности. Національное самосознаніе имѣетъ разныя степени развитія и, такъ сказать, разную напряженность въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, но это - начало непреходящее и универсальное, ибо коренится въ жизни личности. Личность не можетъ сознавать себя во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, какъ отвлеченное *я* безъ тѣхъ опредѣленій, которыя на нее налагаются принадлежностью къ извѣстной народности, и прежде всего по языку, на которомъ она выражаетъ свои мысли. Чѣмъ развитѣе

личность, тѣмъ болѣе она сознаетъ свои индивидуальныя права, а къ числу этихъ правъ должно быть, конечно, отнесено и свободное пользованіе своимъ языкомъ, безпрепятственное его развитіе для высшихъ и повседневныхъ потребностей жизни, независимость общественнаго положенія личности отъ того, на какомъ языкѣ она выражаетъ свои мысли. Когда въ народѣ пробуждается сознаніе личностью своего достоинства, это-то и есть пробужденіе національнаго самосознанія, которое такимъ образомъ имѣетъ свой корень въ индивидуализмѣ. Но подобно тому, какъ личное самосознаніе нерѣдко принимаетъ эгоистическій характеръ, такъ и самосознаніе національное можетъ сдѣлаться вполнѣ эгоистичнымъ. Одно дѣло, когда напряженное національное чувство выражается въ отстаиваніи правъ народности, т.-е. правъ отдѣльныхъ личностей извѣстной націи — отъ притѣсненій и посягательствъ со стороны другихъ народовъ, и совсѣмъ другое дѣло, если то же чувство само вызываетъ покушеніе на чужія права. Равнымъ образомъ одно дѣло, когда собирательная личность народа во имя высшихъ интересовъ національнаго начала стремится возвысить себя посредствомъ культурнаго общенія съ другими націями, и опять-таки совсѣмъ иное дѣло — національное самосознаніе, выражающееся въ узкой исключительности: въ первомъ случаѣ оно основывается на стремленіи отдѣльныхъ личностей къ общечеловѣческому и всемірно-историческому, во второмъ — на узкомъ и тѣсномъ кругозорѣ отдѣльныхъ членовъ даннаго народа.

Въ новой исторіи дважды національный вопросъ получалъ особое историческое значеніе. Въ первый разъ это было въ эпоху религіозной реформаціи, когда права національности стали требовать своего признанія въ церковной жизни, второй разъ — въ XIX в., когда то же самое произошло и по отношенію къ жизни государственной. Аналогія полная: космополитическая римская церковь не признавала національныхъ правъ въ проявленіяхъ религіозной
*I, 280 и слѣд. жизни *, отвлеченная государственность XVIII в. пошла

по стопамъ средневѣковой церковности, и въ обоихъ случаяхъ играло видную роль пренебреженіе къ человѣческой личности въ ея національныхъ правахъ.

Въ XIV и XV вв. западно-европейскіе народы сложились въ національныя государства подъ главенствомъ національныхъ королей, и соціально-политическая оппозиція куріи и клиру приняла въ культурномъ отношеніи національный характеръ. Это была эпоха зарожденія идеи національныхъ церквей. Планъ соборной реформы католической церкви, выработанный парижскимъ университетомъ, заключался въ томъ между прочимъ, чтобы въ лонѣ католицизма возвратить отдѣльнымъ національнымъ церквамъ право на автономію съ національными соборами во главѣ *. На все- *I, 495 и слѣд.
общемъ констанцкомъ соборѣ голоса подавались не поголовно, а по націямъ *, и въ XV же в. само папство признало на- *I, 499-502
ціональныя различія, заключивъ особые конкордаты съ отдѣльными народами *. Ученіе о вольностяхъ галликанской *I, 502, 524
церкви сдѣлалось господствующимъ во французскомъ духовенствѣ и торжественно было провозглашено черезъ четыре вѣка послѣ своего возникновенія, именно во время ссоры Людовика XIV съ папствомъ *. Идея „народоваго костёла“ была *II, 557-558
весьма популярна также среди польскихъ католиковъ и даже среди прелатовъ въ XVI вѣкѣ *. Реформація въ Англіи на- *II, 208
чалась съ національнаго отдѣленія отъ Рима *, и сама англи- *II, 201
канская церковь основана была на той теоріи, что, составляя церковь національную, она не перестаетъ быть вселенской *. *II, 224
Протестантское движеніе, наконецъ, по существу своему было національнымъ, ибо первое, что дѣлалось вообще при церковной реформѣ, заключалось въ замѣнѣ латинской мессы богослуженіемъ на родномъ языкѣ и въ переводѣ на родной языкъ св. писанія.

Таковы были политическія, соціальныя и національныя причины реформаціи. Церковь нуждалась въ преобразованіяхъ, и такъ какъ она сама оказалась неспособною къ этому, то въ дѣлѣ реформы приняли участіе свѣтскія силы,

т.-е. правительства, отдѣльныя сословія, цѣлыя націи и разрѣшили вопросъ въ свою пользу путемъ основанія государственно-національныхъ церквей, которыя, впрочемъ, не хотѣли признать индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры и, конечно, придали національному чувству вѣроисповѣдный оттѣнокъ, что сильно отразилось на международныхъ отношеніяхъ XVI и XVII вв., раздѣливъ Западную Европу на два враждебныхъ конфессіонально-политическихъ лагеря.

4. У реформаціи были и иныя причины, которыя для нея, какъ движенія прежде всего религіознаго, были даже основными. Католическая церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ находилась въ разложеніи, которое на языкѣ времени получило характерное названіе „порчи церкви въ главѣ и членахъ“ *. Великій расколъ католической церкви, продолжавшійся цѣлыя десятилѣтія и производившій страшный соблазнъ для вѣрующей совѣсти *, былъ въ сущности лишь симптомомъ этой порчи, обратившимъ на себя особое вниманіе всего католическаго міра. Въ связи съ расколомъ возникала мысль о реформѣ церкви посредствомъ превращенія ея изъ абсолютной монархіи папства, въ коемъ видѣли главную причину зла, въ монархію конституціонно-аристократическую, которая управлялась бы высшимъ клиромъ на вселенскихъ и національныхъ соборахъ *. Но такая реформа могла быть только палліативной, ибо зло заключалось не въ томъ только, что папа сталъ выше соборовъ и отмѣнилъ права національныхъ епископатовъ. Главнымъ зломъ было омірщеніе церкви *, преобладаніе въ ней матеріальныхъ стремленій надъ духовными интересами: учрежденіе, призванное служить высшимъ нравственнымъ цѣлямъ, погрязало само въ грубомъ матеріализмѣ, ибо политическія стремленія папства къ всемірному господству и соціальные интересы духовенства, какъ наиболѣе богатаго и вліятельнаго класса общества, выдвинулись впередъ, и церковь уже не соотвѣтствовала своему назначенію, особенно передъ болѣе развитымъ общественнымъ сознаніемъ, которое само было

*1, 453 и слѣд., 466 и слѣд.

*1, 455, 498 и слѣд.

*1, 495 и слѣд.

*1, 464

результатомъ интеллектуальнаго и моральнаго роста личности. Идеалу церкви, все болѣе и болѣе подымавшемуся въ этомъ сознаніи, дѣйствительность между тѣмъ далеко не соотвѣтствовала: скандальная хроника папства (авиньонскаго и римскаго), превратившагося въ свѣтскую курію, нравственная испорченность духовенства и монашества, ихъ корыстолюбіе, праздность, невѣжество, сдѣлались главнымъ предметомъ публицистическаго обличенія въ литературѣ и общественной сатиры *. Тѣ даже люди, которые по религіозному *і, 478 и слѣд. своему міросозерцанію оставались добрыми католиками, скандализировались этою „порчею церкви въ главѣ и членахъ" и во имя высшихъ моральныхъ началъ возставали противъ свѣтскаго могущества папы, противъ церковнаго землевладѣнія и т. п., какъ главныхъ источниковъ порчи, отзывавшейся и на матеріальномъ быту народовъ.

Съ другой стороны, порча церкви выразилась и въ томъ искаженіи, коимъ подверглись въ ней сами религіозные принципы *. Невѣжественное духовенство раздѣляло суе- і, 468 и слѣд. вѣрныя представленія грубой толпы или эксплуатировало народное суевѣріе съ цѣлью наживы. Особенно много искаженій было связано съ почитаніемъ святыхъ, разнаго рода реликвій и священныхъ изображеній, въ чемъ обличителямъ этой порчи изъ гуманистовъ и реформаторовъ видѣлось возвращеніе къ многобожію и идолопоклонству. Требованіе суевѣрнаго почитанія папы, какъ своего рода земного бога *, равнымъ образомъ также должно было возмущать *і, 459 болѣе развитую религіозную совѣсть. Обрядность, кромѣ того, вытѣсняла собою духовную сторону религіи. Грѣхъ разсматривался, какъ формальный проступокъ, искупаемый формальнымъ же образомъ безъ внутренняго покаянія, и на этомъ было основано ученіе объ индульгенціяхъ *, особенно соблаз- *і, 472-475 нявшее вѣрующую совѣсть, которая не могла примириться съ теоріей отпущенія грѣховъ за деньги, вслѣдствіе чего индульгенціи и сдѣлались однимъ изъ главныхъ предметовъ *і, 515, 517; іі, 52, 158 нападенія со стороны реформаторовъ *. Сами богословскія

знанія сводились главнымъ образомъ къ схоластическимъ толкованіямъ, причемъ источники вѣры, т.-е. св. писаніе и творенія отцовъ церкви, какъ его первыхъ комментаторовъ,
*I, 531 отступали на задній планъ *. Немудрено, что возмущенной совѣсти „предшественниковъ" реформаціи Римъ представлялся Вавилономъ, папа — антихристомъ, самъ католицизмъ— суевѣріемъ и идолопоклонствомъ: для нихъ всѣ эти искаженія были человѣческими выдумками, противными слову Божію, заключенному въ св. писаніи, и Библія стала служить главною опорою въ религіозномъ протестѣ.

На Библію же стали опираться и новыя религіозно-нравственныя стремленія, какъ новыя стремленія въ области умственной опирались на классическую литературу. Индивидуализмъ, эта душа новой исторіи, проявился именно и въ религіозной сферѣ. Право личности на непосредственное знакомство со словомъ Божіимъ, на свободное его толкованіе, сообразное съ общимъ духомъ св. писанія, на отстаиваніе своихъ убѣжденій, если эти убѣжденія не будутъ опровергнуты самимъ словомъ Божіемъ,—вотъ что индивидуализмъ противопоставлялъ той религіозной опекѣ, какой личность подвергалась въ католицизмѣ. Начало личности есть начало духовное: для него въ религіи все внутреннее имѣетъ не измѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ все внѣшнее, и вотъ индивидуализмъ въ области вѣры намѣтилъ новые догматы. Въ дѣлѣ спасенія души католическая церковь слишкомъ напирала на внѣшнія средства, на подвиги аскетизма, на дѣла благочестія, даже на денежные взносы въ пользу церкви, а реформація выставила принципъ діатетрально противоположный—оправданія исключительно посредствомъ личной вѣры въ искупительную силу жертвы,
*I, 517: II, 51, 73 и др. принесенной Сыномъ Божіимъ за весь родъ человѣческій *. Краткимъ проявленіемъ того же религіознаго индивидуализма явилось мистическое сектантство съ его вѣрою въ лич-
*II, 73, 478-479, 601 ныя откровенія, совершающіяся въ духѣ отдѣльныхъ, свыше отмѣченныхъ лицъ *.

Сопоставивъ, съ одной стороны, слишкомъ рѣзкое несоотвѣтствіе церковной дѣйствительности ея собственному идеалу, а съ другой, новыя индивидуалистическія стремленія въ области религіи, мы и найдемъ главную причину религіознаго движенія XVI в. Въ этомъ движеніи, ограниченномъ временемъ и мѣстомъ, проявилось опять нѣчто непреходящее и универсальное—требованіе отъ дѣйствительности соотвѣтствія съ идеаломъ и творчество идеаловъ въ личномъ духѣ. Рѣзкое несоотвѣтствіе соціально-политической дѣйствительности XVIII в. съ принципами, коими сами себя оправдывали старые порядки, и особенно съ новыми идеалами, вырабатывавшимися личнымъ развитіемъ эпохи *, было вѣдь *ш, 27-28
и основною причиною переворота, совершившагося во Франціи въ концѣ XVIII в.

5. Реформаціонное движеніе пошло по разнымъ направленіямъ: въ результатѣ получились новыя церкви и секты. Всѣ онѣ, однако, подводятся подъ два типа—евангельскаго (или библейскаго) и мистическаго христіанства *, *i, 507
иными словами—протестантизма и сектанства. Первый представленъ въ религіозной исторіи Запада, съ первыхъ признаковъ недовольства католицизмомъ, цѣлымъ рядомъ формъ: сюда относятся вальденство на югѣ Франціи въ XII—XIII в., виклифизмъ въ Англіи XIV в., утраквизмъ въ Чехіи XV в., а въ XVI в. лютеранизмъ, цвингліанство, кальвинизмъ съ ихъ оттѣнками, равно какъ и англиканизмъ *. *i, 507-516; п, 65 и слѣд., 149 и слѣд., 177 и слѣд., 216 и слѣд.
Всѣ эти формы обобщаются слѣдующими признаками: въ основу вѣры кладется св. писаніе, согласно съ коимъ и производится реформа церкви, и сохраняется понятіе церкви, какъ внѣшней организаціи. Затѣмъ идутъ уже различія въ болѣе и менѣе свободномъ толкованіи св. писанія, въ уничтоженіи лишь того, что только прямо противорѣчитъ св. писаніе, или и того еще, на что нѣтъ буквальныхъ въ немъ предписаній *, въ болѣе мистическомъ или болѣе раціоналистическомъ общемъ духѣ реформы, въ болѣе или менѣе *i, 516; п, 67, 159
значительномъ упрощеніи культа, въ различныхъ взглядахъ

на священство (съ безусловнымъ повсюду уничтоженіемъ
монашества), въ монархическомъ или республиканскомъ
*п, 124, устройствѣ церковнаго управленія *, въ несходствѣ отноше-
163, 174 ній между церковью, съ одной стороны, и государствомъ и
обществомъ, съ другой (съ общей секуляризаціей церковныхъ
земель, кромѣ Англіи, гдѣ была секуляризована только мона-
*п, 203, стырская собственность *). Вальденсамъ, виклифитамъ и утра-
529 квилистамъ не удалось только создать государственныхъ и на-
ціональныхъ церквей, какія создалъ протестантизмъ XVI вѣка,
но при благопріятныхъ обстоятельствахъ и они могли бы осу-
ществить, собственно говоря, лишь тѣ-же самые принципы.

Другую категорію составляетъ сектантство. Оно рядомъ
съ св. писаніемъ, какъ откровеніемъ внѣшнимъ, и даже
иногда выше его ставитъ откровеніе внутреннее и утрачи-
ваетъ понятіе церкви, чтобы организовать религіозную
жизнь на основаніи автономіи отдѣльныхъ общинъ и сво-
бодной принадлежности къ нимъ отдѣльныхъ лицъ. Такой
характеръ имѣли разныя средневѣковыя секты, о которыхъ
*і, 518 и мы, къ сожалѣнію, однако, иногда очень мало знаемъ *;
слѣд. таково было, между прочимъ, крайнее гуситство въ Чехіи
XV в., нѣмецкій анабаптизмъ XVI в., англійское инде-
*і, 537, пендентство XVII в. *, во многихъ отношеніяхъ сходныя
542 и слѣд.; между собою крайнія проявленія религіознаго индивиду-
п, 72 и сл., 109 и слѣд., алиэма. Особо нужно поставить еще религіозное вольнодум-
229, 472 и слѣд. ство, зародившееся въ мистическомъ сектантствѣ или имѣвшее
раціоналистическое происхожденіе. Среди анабаптистовъ
Германіи и Швейцаріи въ двадцатыхъ годахъ XVI в. были
уже первые антитринитаріи, получившіе свое имя отъ
*п, 76-77 отрицанія догматовъ троичности и богочеловѣчества *, и
изъ нихъ особенно въ серединѣ столѣтія выдвинулся Сер
ветъ, систематизаторъ антитринитарской доктрины, сожжен
ный на кострѣ женевскимъ протестантскимъ реформато-
*п, 184- ромъ *. Во второй половинѣ XVI в. организаторомъ анти-
187 тринитаризма въ цѣлую церковь въ Польшѣ явился Социнъ,
отразившій на себѣ уже и итальянское гуманистическое

вольномыслiе съ откровенно-рацiоналистическимъ отношенiемъ къ христiанству *. Наконецъ, въ Англiи конца XVII вѣка возникаетъ ученiе „свободныхъ мыслителей“, или христiанскихъ деистовъ, бывшее въ сущности тоже одною изъ формъ антитринитаризма и выросшее опять-таки изъ мистическихъ сектъ той эпохи *. *п, 237-242 *п, 600 и слѣд.

Протестантская и сектантская реформацiи оживили падавшую церковь, и въ серединѣ XVI в. началась реформацiя католическая *, состоявшая, однако, только въ приведенiи дѣйствительности въ большее соотвѣтствiе съ старымъ идеаломъ, но выступившая крайне враждебно ко всѣмъ требованiямъ индивидуализма, нацiонализма и свѣтскаго соцiально-политическаго принципа. Эта реформацiя, совершенная главнымъ образомъ на тридентскомъ соборѣ, была между прочимъ однимъ изъ средствъ общей реакцiи противъ новыхъ началъ жизни со стороны католической церкви. *п, 255

6. Протестантскiя церкви и секты отличались между собою въ отношенiяхъ богословскомъ и богослужебномъ и по внутренней своей организацiи и дисциплинѣ до того, что во всѣхъ этихъ отношенiяхъ онѣ нерѣдко самымъ враждебнымъ образомъ сталкивались между собою, что̀ сразу повело къ теологическимъ спорамъ, къ вѣроисповѣднымъ раздорамъ, къ религiознымъ войнамъ *, гибельно отзывавшимся на культурной и политической жизни, какъ это хорошо уже понимали лучшiе люди эпохи, умѣвшiе возвыситься по степени своего образованiя, по истинно христiанскому уваженiю къ чужой совѣсти и по политическому пониманiю до великой идеи вѣротерпимости *. Съ точки зрѣнiя общей культурно-соцiальной исторiи вѣроисповѣдныя отличiя протестантскихъ церквей и сектъ отступаютъ на заднiй планъ, чтобы очистить первое мѣсто отличiямъ чисто культурнаго и политическаго свойства *. *п, 237, 355 и мн. др. *п, 336, 348, 410, 510 и др. *п, 230 и слѣд.

Въ общемъ реформацiя и католицизмъ заключали въ себѣ противоположные принципы индивидуальной свободы

и принудительной власти, внутренней религіозности и внѣшней набожности, прогрессивнаго движенія и историческаго застоя, хотя въ частностяхъ, когда протестантизмъ измѣнялъ, напр , своему собственному происхожденію въ возстаніи противъ церкви во имя духовнаго принципа и ради обновленія религіозной жизни, онъ самъ нерѣдко являлся только наслѣдникомъ средневѣковыхъ стремленій католицизма. Отсюда,
* II, 132, 354 и слѣд. напр., формализмъ, въ который впало лютеранство *, отсюда
* II, 179 подчиненіе государства церкви, коимъ отличался кальвинизмъ *, отсюда же и всѣ регрессивныя теченія, какія вообще наблюдаются въ реформаціи. Все это было, однако, скорѣе измѣной принципу, а не самимъ принципомъ, какъ то же самое можно сказать объ отмѣченныхъ уже недостаткахъ итальянскаго гуманизма. Не смотря на равнымъ образомъ уже указанную противоположность реформаціи и гуманизма, ихъ сближала между собою общая индивидуалистическая основа: общимъ у нихъ было стремленіе личности къ выработкѣ собственнаго міросозерцанія религіознаго, философскаго и моральнаго, проявленіе личной мысли и личнаго чувства въ раціонализмѣ и мистицизмѣ, критическое отношеніе къ несовершеннымъ формамъ окружающей культурно-соціальной дѣйствительности, реабилитація человѣческой природы, выразившаяся въ устраненіи аскетической этики, въ отмѣнѣ монашества, безбрачія духовенства и т. п., секуляризація государства и общества, произведенная путемъ отмѣны духовенства, какъ особаго сословія, отобранія у него собственности и т. п., хотя въ общемъ реформація, какъ было сказано, и задержала развитіе свѣтской культуры.

Гуманистическое движеніе дало начало свободѣ мысли въ новой Европѣ, но гуманизмъ съ его индифферентизмомъ въ
* I, 374, 378 религіозныхъ вопросахъ * не могъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія породить принципа свободы совѣсти. Впервые его выставилъ протестантизмъ, хотя реформація и не осуществила этой свободы, выставивъ одновременно и принципъ религіознаго единовѣрія, церковнаго однообразія подъ высшимъ

авторитетомъ государства *, а сами протестанты изъ при- *п, 235 и др.
вилегированныхъ классовъ нерѣдко свободѣ совѣсти, коей
они добивались съ оружіемъ въ рукахъ, давали характеръ
не личнаго, а сословного права *: нужно замѣтить, что и ре- *п, 236.
форматоры не умѣли понять того, что свобода совѣсти безъ
свободы изслѣдованія немыслима, а они все-таки удержали ка-
толическое пониманіе ереси, подъ которою можно было пони-
мать все что угодно, и признали за государствомъ право каз-
нить еретиковъ *. Бо̀льшую терпимость проявляло сектантство, *п, 236-237
въ основѣ коего былъ индивидуалистическій принципъ *, и въ *п, 110-111
этомъ отношеніи особенно замѣчательна историческая роль
англійскаго индепендентства *. Въ общемъ реформація отнес- *п, 229, 478 и сл.
лась враждебно къ свободѣ мысли, поскольку боялась, что дѣя-
тельность разума будетъ грозить опасностью чистотѣ вѣры *, *п,67,173, и др.
но, выставивъ принципъ личнаго толкованія св. писанія, она
тѣмъ не менѣе открывала путь свободному изслѣдованію, хотя
и считала нужнымъ наказывать за результаты этого изслѣ-
дованія, если оно не согласовалось съ оффиціальнымъ вѣро-
исповѣданіемъ *. Самое занятіе теологіей отрѣшилось у *п, 238
протестантовъ отъ схоластическихъ авторитетовъ: истиннымъ
родоначальникомъ протестантскаго богословія былъ Эразмъ
Роттердамскій, который, хотя и не примкнувъ къ реформа-
ціи, имѣлъ въ ея исторіи большое значеніе, примѣнивъ къ
изученію св. писанія научные пріемы, выработанные гума-
низмомъ *. Социніанизмъ и христіанскій деизмъ уже прямо *і, 531 и слѣд.
признавали свободу мысли *, какъ неотъемлемое ея право. *п, 242, 602

Изъ всего этого можно видѣть, что въ протестантизмѣ была нѣкоторая двойственность, но ту же самую двойственность мы наблюдаемъ и въ гуманизмѣ съ отмѣченными въ немъ недостатками. Непослѣдовательности и противорѣчія въ новыхъ культурныхъ началахъ объясняются вообще новостью дѣла, вліяніемъ на него условій мѣста и времени и наконецъ тѣмъ, что новое никогда не порываетъ сразу связей съ прошлымъ, которое его породило, чѣмъ объясняются непо-

слѣдовательности и противорѣчія, напр., и въ принципахъ французской революціи.

VI. Соціальная и политическая сторона реформаціи.

1. Общественное значеніе религіозныхъ движеній.—2. Свобода совѣсти и государственная церковь въ XVI—XVII вв.—3. Соціальныя движенія подъ знаменіемъ религіозныхъ идей.—4. Политическія столкновенія между высшими классами и королевскою властью въ реформаціонную эпоху.—5. Политическія идеи протестантизма.

---

1. Религіозная реформація XVI в., кромѣ важнаго значенія въ культурной исторіи западной Европы, имѣетъ важное значеніе и въ исторіи соціально-политической, ибо помимо всѣхъ тѣхъ причинъ, которыми, какъ мы видѣли, она была вызвана, въ качествѣ движенія чисто религіознаго или движенія, имѣвшаго то или другое отношеніе къ церкви, къ папству, къ духовенству, къ монашеству, къ церковному землевладѣнію,—въ образованіи всего разсматриваемаго во всей совокупности историческаго движенія участвовали еще причины соціально-политическаго характера. Послѣднія могутъ быть вообще троякаго рода: или общество добивается бо̀льшей свободы отъ государственнаго всевластія, ополчаясь въ сущности на защиту личныхъ правъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, или отдѣльные общественные классы стремятся къ измѣненію существующаго соціальнаго строя, или же ихъ стремленіе направляется къ тому, чтобы принимать участіе въ государственной жизни въ качествѣ самостоятельныхъ факторовъ. Всѣ виды соціально-политическихъ движеній мы наблюдаемъ на Западѣ и въ реформаціонную эпоху, но они лишь въ исклю-
*), 141 чительныхъ случаяхъ * совершались независимо отъ движенія, вызваннаго религіозными и церковными причинами. Во-первыхъ, многіе соціальные и политическіе вопросы столь тѣсно были сплетены съ церковными, что движеніе,

начавшееся въ одной сферѣ, естественно и необходимо должно было перейти и въ другую. Во-вторыхъ, большое значенiе имѣла одновременность дѣйствiя причинъ, создавшихъ новыя богословскiя ученiя, и всѣ новыя церкви и секты, съ причинами, которыя независимо отъ какого бы то ни было желанiя реформировать вѣру или измѣнить отношенiя государства и общества къ церкви и духовенству должны были также привести къ соцiальнымъ и политическимъ столкновенiямъ: совпаденiе религiозно-церковнаго движенiя съ соцiально-политическимъ усложнило каждое изъ этихъ послѣднихъ, или вѣрнѣе создало движенiе, въ которомъ слѣдуетъ различать двѣ стороны — чисто церковную и чисто свѣтскую. Въ-третьихъ, вытекая изъ прямо фактическихъ отношенiй, соцiально-политическiя движенiя совершаются тѣмъ не менѣе во имя извѣстныхъ отвлеченныхъ принциповъ, дающихъ имъ моральную санкцiю, а такими принципами въ извѣстныхъ слояхъ общества, при извѣстномъ уровнѣ культуры при извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ часто идеи религiозныя. Народныя массы вообще наиболѣе склонны воспринимать отвлеченныя истины преимущественно въ религiозной оболочкѣ, да и вѣкъ былъ вообще еще вполнѣ религiозный, такъ какъ гуманизмъ только-что начиналъ секуляризацiю культуры, а то обстоятельство, что одновременно съ соцiальными и политическими столкновенiями, нуждавшимися въ принципiальной обосновкѣ новыхъ требованiй, покрайней мѣрѣ, съ одной стороны, какъ нельзя болѣе содѣйствовало тому, чтобы идеи протестантизма и сектантства съиграли большую роль и въ соцiально-политическомъ движенiи, вытекавшемъ изъ своихъ самостоятельныхъ причинъ *. Въ XV— *1, 534 и слѣд.
XVII вв. происходятъ на западѣ Европы революцiи, имѣющiя весьма много общаго между собою, то исключительно политическiя, то съ соцiальнымъ характеромъ, и всѣ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ религiознымъ движенiемъ: это были революцiи чешская, политическая, соцiальная и церковная, въ XV вѣкѣ, революцiя нѣмецкая, тоже поли-

тическая, соціальная и церковная, въ XVI в., и вскорѣ за нею послѣдовавшія революціи въ Шотландіи и Нидерландахъ, равно какъ религіозныя войны въ Швейцаріи и Франціи, имѣвшія въ политическомъ отношеніи тоже революціонный характеръ, а въ XVII в. новая чешская революція, изъ-за которой разгорѣлась тридцатилѣтняя война, первая революція въ Англіи, бывшая и второй религіозной реформаціей для этой страны, наконецъ, пожалуй, и
*I, 539 и сл.; II, 77 и сл., 160-161, 212 и сл., 315 и сл., 332 и сл., 360-361, 437 и сл.; III, 41
венгерское возстаніе конца XVII вѣка *. Исключеніями изъ этого общаго правила связи политическихъ и религіозныхъ движеній могутъ считаться лишь революціонное возстаніе въ Испаніи въ началѣ царствованія Карла V, бывшій при немъ же бунтъ Гента, отложеніе Португаліи отъ Испаніи въ серединѣ XVII в. и почти одновременное съ нимъ возстаніе Мазаньелло въ Неаполѣ, да смуты фронды
*I, 141; II, 41, 402 и слѣд.
во Франціи *, но Испанія, Португалія и Италія вообще почти совсѣмъ не были затронуты религіозной реформаціей, во время гентскаго мятежа Нидерланды тоже еще не находились подъ ея вліяніемъ, а Франція въ эпоху фронды вышла уже изъ періода религіозныхъ войнъ.

Связь реформаціи съ политическими движеніями была такъ сильна, что сдѣлалась одною изъ причинъ реакціи
*II, 126, 139, 192 и др.
противъ реформаціи *, и послужила поводомъ къ тому, чтобы церковная и государственная репрессіи пошли вмѣстѣ, рука объ руку. Въ соціальномъ смыслѣ, реформація немало помогла дѣлу общественной и политической свободы, хотя не вездѣ имѣла успѣхъ, и во всякомъ случаѣ сдѣлала въ этой области гораздо болѣе, нежели гуманизмъ, который на родинѣ
*I, 428
своей, въ Италіи, даже прямо служилъ княжеской тиранніи *. Между прочимъ религіозное движеніе, воспитавши въ личности сильное убѣжденіе, доходившее до фанатизма, дало политическимъ столкновеніямъ эпохи непоколебимыхъ бойцовъ, которые, защищая тѣ или другіе соціальные и политическіе интересы, искренне были увѣрены въ томъ, что исполняютъ дѣло Божіе, будучи къ тому призваны свыше: такіе

характеры встрѣчаются, напр., во время гуситскихъ войнъ и нѣмецкой крестьянской войны въ Германіи, равно какъ въ исторіи мюнстерской коммуны *; съ середины XVI в. Женева сдѣлалась главною школою, изъ которой выходили убѣжденные, страстные, непоколебимые бойцы за дѣло протестантизма и политической свободы въ разныхъ странахъ Европы *; первая англійская революція также совершалась республиканцами и радикалами, считавшими себя избраннымъ народомъ Божіимъ *, подобно крайнимъ гуситамъ, анабаптистамъ и кальвинистамъ. И одною изъ причинъ убѣжденной страстности въ этой политической борьбѣ было то, что политическимъ борцамъ въ большинствѣ случаевъ приходилось отстаивать свободу своей совѣсти, что прямо вызывало цѣлыя массы на героизмъ мученичества и героизмъ подвиговъ.

*п, 118-120

*п, 165 и сл., 187

*п, 478

2. Защищая свободу своего вѣроисповѣданія, протестанты сами въ большинствѣ случаевъ являлись, однако, въ роли гонителей иновѣрія, разъ сами были у власти *. Принципъ свободы совѣсти съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь въ общественное сознаніе, въ право и государственное законодательство, хотя формулированъ былъ на первыхъ же порахъ движенія, еще самимъ Лютеромъ * и хотя политическій интересъ, правильно понимавшійся такими дѣятелями,— хотя бы въ одной только Франціи,—какъ Лопиталь, Генрихъ IV, Ришелье *, приводилъ многихъ къ идеѣ вѣротерпимости. Сами реформаторы отступали отъ принципа, громко провозглашеннаго въ началѣ реформаціи, когда начали проповѣдоваться ученія, казавшіяся имъ богохульными и еретическими, и Лютеръ же первый ввелъ въ основанную имъ церковь подчиненіе индивидуальной совѣсти буквѣ оффиціально принятой догмы, поставивъ послѣднюю подъ охрану государства *.

*п, 237

*п, 56, 63

*п, 336, 349, 409-410

*п, 68, 131

Государственная власть приняла сама дѣятельное участіе въ реформаціи. Мы видѣли уже, что короли и князья стремились къ освобожденію своему отъ куріи и къ подчиненію себѣ духовенства, равно какъ къ секуляризаціи церковныхъ

имуществъ, къ чему религіозная реформа давала удобный поводъ. Такъ какъ церковь сама оказалась неспособной произвести реформу своего быта, за дѣло преобразованія взя-
*I, 522 и слѣд. лись внѣ-церковныя силы * и между ними государство. Право послѣдняго вмѣшиваться въ религіозныя дѣла въ исключительныхъ случаяхъ не отрицалось и въ средніе вѣка, и уже въ эпоху, предшествовавшую началу реформаціи XVI в., были случаи, когда правительства брали на себя иниціативу
*II, 194 и слѣд. въ религіозномъ вопросѣ, всѣхъ тогда интересовавшемъ *. Во время самой реформаціи католическій императоръ Карлъ V, бывшій всю жизнь противникомъ протестантизма, считалъ своимъ правомъ взять лично на себя установленіе временной религіозной формулы (аугсбургскій интеримъ), которой
*II, 146 должны были повиноваться его подданные *. Въ государствахъ, отдѣлившихся отъ католицизма въ XVI в., правительственная власть стала прямо опредѣлять, чему и какъ должны были вѣровать подданные, и исторія Англіи при Генрихѣ VIII,
*II, 204 мѣнявшемъ свои собственные церковные законы *, показываетъ, до чего въ этомъ отношеніи могло доходить вмѣшательство свѣтской власти въ вопросы вѣры. Въ Германіи аугсбургскій религіозный миръ 1555 г. установилъ правило, по которому подданные должны были слѣдовать религіи своего государя (cujus regio, ejus religio), что давало возможность имперскимъ князьямъ свободно мѣнять одно исповѣданіе на другое и требовать того же отъ своихъ
*II, 148 подданныхъ *. У протестантскихъ государей это право могло оспариваться развѣ одними только государственными сеймами: въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Даніи и въ Швеціи реформація принята была съ согласія со-
*II, 130, 144, 195, 197 словныхъ представительствъ *; въ Англіи церковныя преобразованія совершались путемъ парламентскаго законодательства, и на почвѣ религіознаго вопроса между королев-
*II, 201 и слѣд., 226 429, 440, 473 скою властью и палатами возникали пререканія о взаимныхъ правахъ въ этой области *, а когда въ XVII в. парламентъ одержалъ побѣду надъ королевскою властью въ

лицѣ Карла I, то задумалъ также ввести свой актъ едино-
образія въ религіозную жизнь Англіи *; шотландская рефор- *п, 474
мація прямо была введена мѣстнымъ парламентомъ *; на *п, 214-215
ту же дорогу толкалъ польскій сеймъ Сигизмунда-Августа *. *п, 211
Не иначе дѣло шло и въ республиканскихъ государствахъ, какими были швейцарскіе кантоны, нѣмецкіе имперскіе города и отдѣльные нидерландскіе штаты: здѣсь религіозный вопросъ рѣшался или выборными властями, или на народныхъ собраніяхъ, причемъ меньшинство должно было
подчиниться большинству *. Нѣмецкіе князья на сеймѣ *п, 160-161
1529 г. превосходно говорили, что вопросы вѣры не такіе,
которые разрѣшаются большинствомъ голосовъ *, но выте- *п, 139
кающее отсюда право личности на религіозное самоопредѣленіе они оставляли лишь за собою, когда установляли правило: „чья страна, того и вѣра“. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ церковнаго единообразія съ правомъ государства установлять это единообразіе. Реформаціонный вопросъ разрѣшался здѣсь въ пользу государства, и послѣднее въ протестантскихъ странахъ прямо заступило старую церковь съ ея неограниченными правами надъ личностью. Религіозныя преслѣдованія, производившіяся протестантскими правительствами, оправдывались или съ той точки зрѣнія, что ересь должна быть
наказуема *, или съ той, что люди, не признающіе уста- *п, 236-237
новленной церкви, являются ослушниками государственной
власти и бунтовщиками *, или же съ той, наконецъ, что содер- *п, 164, 227-228, 440
жаніе ученія религіозныхъ отщепенцевъ опасно въ политиче-
скомъ отношеніи *. Первый же реформаторъ, самъ Лютеръ, *п, 76
показавшій на вормскомъ сеймѣ примѣръ мужественной за-
щиты индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры *, пока- *п, 63
залъ и примѣръ полнаго подчиненія церкви государству *, *п, 67-68, 131
за что подвергался осужденію еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности со стороны главарей сектантства.

Между тѣмъ, та же реформація, тѣ же Лютеръ и Кальвинъ наставляли въ духѣ свободы совѣсти, уча, что хри-

стіанинъ не долженъ повиноваться законамъ, противнымъ заповѣдямъ Божіимъ и нечестивымъ требованіямъ властей, причемъ Кальвинъ въ подобныхъ случаяхъ допускалъ со стороны сословно-представительныхъ учрежденій даже актив-
*п, 244-245 ное сопротивленіе *. Шла ли реформація сверху или снизу, разрѣшался ли религіозный вопросъ однимъ княземъ или и сеймомъ, получала ли церковь сама монархическую или республиканскую организацію,—разъ личность должна была подчиниться государственной церкви или меньшинство принять вѣру большинства, особенно же въ католическихъ странахъ, гдѣ правительства жестоко гнали нововѣріе, единица или меньшинство всегда могли видѣть въ требованіяхъ власти, несогласныхъ съ ихъ совѣстью, нечестивыя велѣнія, которымъ слѣдовало сопротивляться по долгу передъ Богомъ. Отсюда и возникала борьба подданныхъ противъ правительствъ за свободу совѣсти, когда протестанты съ оружіемъ въ рукахъ брались отстаивать права своего вѣроисповѣданія. Это и была первая борьба личности противъ всепоглощающей государственности новаго времени, въ чемъ, между прочимъ, заключалась весьма важная политическая сторона реформаціи. Между личною свободою и государственнымъ принужденіемъ начиналась такимъ образомъ длинная историческая тяжба, и впервые личность защищала тутъ свои права подъ знаменемъ религіозной идеи, той самой идеи свободы совѣсти, которую защищали и христіанскіе мученики, когда не хотѣли подчиняться велѣніямъ языческихъ императоровъ въ ихъ качествѣ верховныхъ жрецовъ. Правда, у протестантовъ этотъ принципъ сначала искажался, ибо они распространяли свою защиту только на извѣстное исповѣданіе, отка-
*п. 132-133, 140, 237, 355-356 зывая въ такомъ же правѣ другимъ ученіямъ, хотя и вполнѣ христіанскимъ же *, но позднѣе среди протестантовъ стала
*п, 503 и слѣд. утверждаться и иная точка зрѣнія *. Съ другой стороны, въ извѣстныхъ случаяхъ свобода богослуженія разсматривалась иногда, какъ чисто сословная привилегія, именно дворянская по преимуществу, какъ это было во Франціи, австрій-

скихъ наслѣдственныхъ земляхъ и въ Польшѣ: въ послѣдней свобода совѣсти выводилась прямо изъ „шляхетской вольности“ *. *п, 210-212, 236, 338, 349, 360

Въ этой борьбѣ личнаго и государственнаго принциповъ въ области вѣры правительства иногда вынуждались дѣлать уступки, которыя разсматривались, однако, не какъ признаніе извѣстнаго права, а какъ милостивая привилегія, данная извѣстной части подданныхъ *. Настоящее конфессіональное государство и на это никогда не соглашалось: стоитъ только вспомнить Филлипа II Испанскаго или Людовика XIV *,—и въ этомъ отношеніи государство все еще продолжало быть простымъ орудіемъ извѣстной церковности. Сравнительно съ этимъ — большимъ шагомъ была вѣротерпимость, указывавшая на то, что государство начинало освобождаться отъ конфессіональной исключительности: идея терпимости сдѣлалась одной изъ культурныхъ и политическихъ идей XVIII в. Но наиболѣе полно выразилась идея свободы совѣсти въ стремленіяхъ и начинаніяхъ англійскаго передового протестантизма XVII в., однимъ изъ представителей коего былъ Кромвель *. *п, 350 *п, 304 и сл., 559 и слѣд. *1, 503 и слѣд.

3. Соціальныя движенія, коими богата реформаціонная эпоха, совершались также подъ знаменемъ идей религіозныхъ. Протестантскіе реформаторы были или, какъ Лютеръ, исключительно церковными*, или какъ Цвингли и Кальвинъ, кромѣ того, и политическими *, не затрогивавшими, однако, никакихъ соціальныхъ вопросовъ. Поэтому протестантская реформація только въ одномъ отношеніи играла соціальную роль, именно, въ вопросѣ объ уничтоженіи церковнаго землевладѣнія, разрѣшившемся въ смыслѣ благопріятномъ исключительно для дворянскаго сословія, какъ мы это уже видѣли выше. Другое дѣло—сектантство: оно имѣло прямо соціальный характеръ, и съ этой стороны на него особенно интересно взглянуть. *п, 47 *п, 160-161, 181

Основныя причины движеній съ соціальнымъ характеромъ, происходящихъ въ народныхъ массахъ, бываютъ всегда

свойства экономическаго, матеріальнаго. Тяжелыя или ухудшающіяся условія народнаго быта порождаютъ вспышки неудовольствія, получающія видъ совершенно стихійныхъ потрясеній общества: люди, дотолѣ мирные и разрозненные, ожесточаются и соединяются для общаго дѣйствія, во время котораго растетъ психическое возбужденіе, разнуздываются страсти, затемняется разсудокъ, и масса, состоящая изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, превращается въ какую-то объединенную стихійную силу, увлекающую за собою новыя и новыя толпы и дѣйствующую, уже автоматически. Весьма часто дѣятельность толпы-автомата объединяется какой-либо легендой, находящей особенную вѣру въ минуты подобнаго возбужденія, напр., легендой о грамотѣ, принесенной съ неба ангеломъ, или указѣ, присланномъ изъ столицы, гдѣ требуется или обѣщается то-то и то-то. Часто такое движеніе превращается въ настоящую психическую эпидемію, какъ это было съ нѣкоторыми средневѣковыми народными
*I, 519 движеніями въ родѣ бичующихся, или флагеллантовъ *. Такая почва особенно удобна бываетъ для распространенія мистическаго сектантства съ его видѣніями, пророчествами и т. п. Такъ это было и въ реформаціонную эпоху, когда подъ вліяніемъ общаго религіознаго броженія возникли новыя ученія въ этой области, отличавшіяся индивидуализмомъ, доведеннымъ до анархической своей крайности по отношенію къ государству и обществу, и эгалитарными стремленіями въ соціальныхъ отношеніяхъ, ясно выражен-
*II, 109 и слѣд. ными въ коммунистическихъ требованіяхъ *. Отдѣльныя личности, между прочимъ изъ людей образованныхъ и ученыхъ, какимъ былъ, напр., одинъ изъ сектантскихъ пред-
*II, 73-74, 113, 114 и слѣд. водителей крестьянской войны, Ѳома Мюнцеръ *, поняли реформу религіи въ смыслѣ полнаго обновленія не только вѣры, но и всей жизни посредствомъ соціальнаго переворота, и ихъ проповѣдь имѣла большой успѣхъ въ народныхъ мас-
*II, 72, 113 и слѣд. сахъ, коимъ она обѣщала выходъ изъ ихъ печальнаго состоянія *. Общественный идеалъ сектантовъ получалъ религіозный

характеръ: одна секта въ средніе вѣка вѣрила въ наступленіе временъ вѣчнаго евангелія, яко-бы пришедшаго на смѣну ветхому и новому завѣту *; другія установляли у себя коммунистическіе порядки, ссылаясь на общеніе имущимъ первыхъ христіанъ по Дѣяніямъ Апостоловъ *; третьи ожидали второго пришествія Христа (хиліасты, миллепаріи, люди пятой монархіи), послѣ чего начнется царство святыхъ на землѣ *; четвертые думали возстановить царство Сіона, какъ это было сдѣлано во времена мюнстерской коммуны тридцатыхъ годовъ XVI в. * и т. п. Сектанты вообще охотно выдѣляли себя, какъ новый Израиль, избранный народъ Божій, какъ святыхъ, и примѣняли къ себѣ ветхозавѣтныя пророчества * и повелѣнія. Къ числу послѣднихъ нужно отнести завѣтъ безпощаднаго истребленія язычниковъ, нечестивыхъ и т. п., подъ коими разумѣлись всѣ, не пристававшіе къ движенію и ему противящіеся *.

*I, 518

*II, 119

*I, 542; II, 113, 118, 478

*II, 118 и слѣд.

*II, 73

*II, 114 и сл., 484

Сначала сектанты выступаютъ съ бурнымъ, агрессивнымъ, революціоннымъ характеромъ. Преслѣдованія, коимъ ихъ подвергаютъ по мотивамъ религіознымъ и политическимъ, еще болѣе ихъ ожесточаютъ *, но мало-по-малу они развиваютъ въ своемъ сознаніи и осуществляютъ въ своей жизни противуположный принципъ непротивленія злу, вооружаются принципіально противъ войны и т. п. и превращаются въ мирныя общины, въ коихъ господствуетъ суровая нравственность и серьезная трудовая жизнь *. Вообще сектантство реформаціонной эпохи было движеніемъ чисто демократическимъ, происходившимъ среди крестьянъ и низшихъ классовъ городского населенія *. Въ умственномъ отношеніи это движеніе нерѣдко принимало характеръ реакціонный, сопровождаясь враждебнымъ отношеніемъ къ наукѣ, къ свѣтской литературѣ и т. п. Бо̀льшею культурностью отличался только польскій антитринитаризмъ (социніанизмъ), содѣйствовавшій развитію образованія въ странѣ *, но за то онъ отличался аристократическимъ ха-

*II, 117

*II, 121, 528

*II, 72, 113, 478, 527 и слѣд.

*II, 240

рактеромъ и обходилъ молчаніемъ щекотливый для польской
*п, 243 шляхты вопросъ о правѣ христіанъ владѣть рабами *.

Первымъ большимъ народнымъ движеніемъ соціально-сектантскаго характера было то, которое въ эпоху гусит-
*1, 545 скихъ войнъ происходило среди чешскаго крестьянства *. Еще бо̀льшіе размѣры получило подобное же движеніе среди нѣмецкихъ крестьянъ. Они начали еще волноваться съ конца XV в., жалуясь на ухудшеніе своего быта, и всѣ первые годы
*1, 195 и XVI столѣтія прошли въ крестьянскихъ заговорахъ и бун-
и сл.; п, 91 и слѣд. тахъ *, во время которыхъ крестьяне ссылались на св. пи-
*п, 94, 97 саніе въ видѣ доказательства своей правоты *. Когда началась реформація, крестьяне стали возлагать на нее большія надежды, и часть крестьянъ, возставшихъ въ 1524—1525 гг. противъ своихъ господъ и властей, въ религіозномъ отношеніи не пошла далѣе общихъ религіозныхъ принциповъ протестантизма, въ соціальномъ отношеніи требуя лишь облегченія своей участи, въ чемъ и заключа-
*п, 102 и слѣд. лось содержаніе знаменитыхъ „12 статей“ *, тогда какъ другая часть возставшихъ пошла въ движеніе подъ знаменемъ
*п, 114 и слѣд. коммунистическаго анабаптизма Ѳомы Мюнцера *, а третьею частью задумали воспользоваться образованные люди для осуществленія посредствомъ народной революціи извѣстныхъ
*п, 106 и слѣд. политическихъ реформъ *; послѣднее явленіе напоминаетъ намъ французскую революцію, когда крестьянское движеніе совпало по временисъ политическимъ и совершалось въ связи съ нимъ. Извѣстенъ печальный исходъ нѣмецкой крестьянской войны XVI в.: съ 1525 г. все болѣе и болѣе ухудшается до самаго XVIII в. экономическое и юридическое положеніе германскаго сельскаго населенія, благодаря еще бо̀льшему расширенію дворянскихъ правъ послѣ побѣды
*п, 102 надъ крестьянами *. Анабаптизмъ, разбитый при Франкегаузенѣ, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Мюнцеръ, еще разъ собралъ свои силы, чтобы въ слѣдующемъ десятилѣтіи организоваться въ мюнстерское „царство новаго Сіона“, ознаме-
*п, 118 и слѣд. вавшее себя изувѣрствомъ, но и его постигла та же судьба *.

Демократическія соціальныя движенія, хотя и не въ такомъ объемѣ, происходили и въ другихъ мѣстахъ, возбуждая опасенія дворянства *, и бывали случаи, что крестьяне заступались за старую вѣру, возставая противъ секуляризаціи церковной собственности, сопровождавшейся невыгодными для крестьянъ перемѣнами въ аграрномъ строѣ, какъ это было въ Англіи XVI в. *. Не такое сильное, какъ въ Германіи, соціальное движеніе сопровождало и политическую революцію XVII в. въ Англіи, гдѣ, однако, все-таки проявились и анархическое, и коммунистическое направленія, выразившіяся больше, впрочемъ, въ публицистикѣ, чѣмъ на дѣлѣ *, ибо знаменитые левеллеры (уравнители) были, подобно якобинцамъ въ эпоху французской революціи, только политическими радикалами и демократами, не имѣвшими въ виду соціальнаго переворота *.

*п, 196

*п, 425

*п, 488, 527-528

*п, 517, 527; ш, 584 и слѣд.

Сословное начало западно-европейскаго общества нашло свое примѣненіе въ религіозной реформаціи въ томъ отношеніи, что, напр., въ Германіи лютеранизмъ принимался охотнѣе всего дворянствомъ и бюргерствомъ, а анабаптизмъ — крестьянствомъ и городскими рабочими, въ Нидерландахъ лютеранизмъ — дворянствомъ, кальвинизмъ — народомъ *, а въ нѣкоторыхъ странахъ, каковы Польша, Франція, Чехія, Венгрія протестантизмъ равнымъ образомъ или принимался только дворянствомъ, отчасти зажиточными горожанами, или отличался сословной организаціей своихъ силъ *. Причинами такого явленія были неразвитость или прямо забитость народныхъ массъ (напр., въ Польшѣ, гдѣ крестьяне не ополчались на защиту старой вѣры, когда паны превращали католическія приходскія церкви въ протестантскія, заставляли народъ въ нихъ ходить и отбирали церковную десятину въ свою пользу *), особые счеты высшихъ сословій съ духовенствомъ (напр., какъ въ той же Польшѣ, гдѣ споръ шляхты съ клиромъ изъ-за десятины и церковныхъ судовъ тянулся цѣлые вѣка) и наконецъ политическія движенія, совершавшіяся въ высшихъ сословіяхъ.

*п, 326

*п, 210-212, 236, 338, 349, 360

*п, 236

4. Религіозная реформація происходила въ эпоху почти повсемѣстнаго усиленія королевской власти и обостренія борьбы съ нею сословно-представительныхъ учрежденій. Это была эпоха, когда государственныя начала брали перевѣсъ надъ феодальными и муниципальными формами прежняго политическаго быта, и когда, съ другой стороны, въ самомъ государственномъ быту королевскій абсолютизмъ вытѣснялъ сословно-представительныя учрежденія. Противъ усиленія королевской власти возставали вообще тѣ сословія, политическія права коихъ при этомъ терпѣли наибольшій ущербъ, и особенно дворянство. Въ самомъ дѣлѣ, духовенство или было соціально унижено реформаціей и обобрано союзомъ королевской власти съ дворянствомъ, гдѣ послѣдній имѣлъ мѣсто, или было вынуждено искать опоры у королей, когда они оставались католиками, а городское сословіе всетаки не могло еще соперничать съ дворянствомъ, и вотъ поэтому политическія движенія XVI в. имѣютъ иногда характеръ прямо феодальной реакціи *. Это можно сказать о многихъ странахъ, но особенно о Франціи, гдѣ въ эпоху религіозныхъ войнъ среди протестантскаго и католическаго дворянства обнаружилось сильное стремленіе къ возстановленію феодальнаго быта, такъ что губернаторы провинцій мечтали сдѣлаться наслѣдственными вассальными правителями своихъ областей, а мелкіе сеньеры возобновили времена феодальной анархіи *. Рядомъ съ феодальной реакціей происходила реакція и муниципальная въ той же Франціи *. Вмѣстѣ съ этимъ, понятное дѣло, должны были отстаивать свои права и государственные сеймы, въ которыхъ дворянство также играло первенствующую роль, и вотъ въ защиту ихъ правъ выдвинута была протестантская (кальвинистическая) теорія народовластія. Любопытно, что на новые политическіе принципы стали ссылаться даже реакціонные соціальные элементы *, хотя въ общемъ политическомъ движеніи сословно-представительныя учрежденія

*I, 49

*II, 334, 341, 343, 394 и сл.

*II, 334, 344, 395

*II, 87, 343

играли не реакціонную роль, что особенно, конечно, должно сказать объ англійскомъ парламентѣ.

Первымъ такимъ политическимъ движеніемъ реформаціонной эпохи было возстаніе нѣмецкаго имперскаго рыцарства въ 1522—23 гг. *, направленное противъ духовныхъ и князей. Это сословіе было сильно стѣснено князьями и желало вернуть себѣ былую свободу, несовмѣстимую съ правильнымъ государственнымъ строемъ, ибо это была не свобода, а произволъ сильнаго надъ слабымъ, но кромѣ того, у рыцарства было еще и стремленіе поживиться на счетъ церковныхъ владѣній. Вожаки движенія мечтали превратить Германію въ единое государство съ императоромъ во главѣ, окруженнымъ рыцарствомъ; но рыцари были побиты князьями и оставили свои политическія мечтанія. Нужно замѣтить, что предлогомъ для своего возстанія они выставили религіозную реформацію, которой-де мѣшали духовные князья. Съ этимъ движеніемъ, какъ и съ крестьянскимъ, были соединены нѣкоторыя, болѣе широкія надежды на обновленіе германскаго политическаго быта, но онѣ предполагали солидарное дѣйствіе сословій, котораго не могло быть въ феодальной Германіи того времени. Возстаніе рыцарей было „возстаніемъ офицеровъ безъ солдатъ", побитыхъ вскорѣ послѣ этого въ крестьянской войнѣ, въ которой у солдатъ, наоборотъ, не было офицеровъ. Это разъединеніе сословій въ другихъ странахъ и было причиной того, что, какъ мы видѣли, сословно-представительныя учрежденія не вышли съ побѣдою изъ борьбы съ королевскою властью.

*I, 42 и сл.

Эта борьба въ XVI и XVII вв. состояла изъ ряда религіозно-политическихъ революцій. Примѣръ показала Шотландія, гдѣ въ 1559 г. одновременно низвергнута была регентша королевства, и произведена была реформація, такъ какъ регентша стремилась усилить королевскую власть и права церкви надъ свѣтскимъ обществомъ *, а вскорѣ затѣмъ послѣдовала и другая революція, низвергшая съ престола католичку Марію Стюартъ *: оба раза дѣйствовало

*II, 214-215

*II, 310

главнымъ образомъ дворянство. Аналогичными были причины одновременнаго возстанія Нидерландовъ противъ фанатическаго и деспотическаго Филиппа II Испанскаго и введенія въ нихъ протестантизма, причемъ нидерландская революція кончилась отдѣленіемъ части соединенныхъ про-
*п, 315 и слѣд. винцій въ самостоятельную республику *. Тогда же происходило и во Франціи реформаціонное и политическое дви-
п, 332 и слѣд. женіе противъ католической церкви и королевской власти, въ государственномъ смыслѣ ни къ чему не приведшее, хотя и сопровождавшееся попытками генеральныхъ штатовъ
*п, 336, 342-343, 344, 346 ограничить королевскую власть *. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государственные сеймы (шотландскій парламентъ и генеральные штаты въ Нидерландахъ и Франціи) становились подъ знамя кальвинистическаго принципа народовластія, выработавшагося подъ вліяніемъ республиканскихъ порядковъ Женевы, и, кромѣ того, защита свободы политической сопровождалась защитою свободы религіозной, что́ наблюдается нами еще и въ исторіи столкновенія сеймовъ съ монархическою властью въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ: тутъ особенно важна дворянская организація чешскаго протестантизма и чешская революція въ защиту политической и религіозной свободы, сдѣлавшаяся исходнымъ пунктомъ тридцатилѣтней войны, которая въ свою очередь на-
*п, 366-367; ш, 354 несла ударъ сословно-представительнымъ учрежденіямъ и
**ш, 33 и въ самой Чехіи *, и въ нѣмецкихъ княжествахъ **.

Самымъ замѣчательнымъ историческимъ фактомъ разсматриваемой категоріи была, конечно, борьба королевской власти съ парламентомъ въ Англіи, приведшая страну къ
*п, 432 и слѣд. двумъ революціямъ *. И здѣсь политическое столкновеніе (съ коимъ соединилось и новое столкновеніе въ Шотлан-
*п, 456 діи *) было вмѣстѣ съ тѣмъ столкновеніемъ религіознымъ: въ борьбѣ находились, съ одной стороны, королевская власть, опиравшаяся на государственную аристократиче-
*п, 433-434, 438, 585 скую церковь и на ученіе о божественномъ правѣ своего абсолютизма *, а подъ конецъ склонившаяся на сторону

католической реакціи *, а съ другой парламентъ, отстаивавшій права народа и стремившійся къ болѣе демократической реформѣ церкви, причемъ на время въ Англіи установлялась республика * индепендентовъ, **, въ религіозно-политическомъ ученіи коихъ на первыхъ мѣстахъ стояли принципы свободы совѣсти и народовластія *. Вторая англійская революція окончила эту борьбу въ пользу парламента и протестантизма, въ пользу политической и религіозной свободы *, и въ XVIII столѣтіе Англія перешла съ упроченными началами своего государственнаго быта *, чтобы оказать затѣмъ сильное вліяніе и на другія страны западной Европы.

*п, 585-586

*п, 486 и слѣд.

**п, 472 и слѣд.

*п, 477, 496 и др.

*п, 594 и слѣд.

*ш, 57 и сл., 77 и сл.

5. Политическое міросозерцаніе реформаціи не было одинаковымъ во всѣхъ странахъ. Лютеранство, возникшее въ монархической Германіи, поддержанное княжескою властью, введенное въ Пруссіи, Даніи и Швеціи государями, и англиканство, обязанное происхожденіемъ своимъ также королевской иниціативѣ, отличались характеромъ монархическимъ, уча о божественномъ происхожденіи королевской власти и о незаконности активнаго сопротивленія, тогда какъ цвингліанство и кальвинизмъ возникли въ республиканскихъ общинахъ Швейцаріи, и второй изъ нихъ былъ принятъ подданными католическихъ королей, находившимися въ оппозиціи съ своими правительствами, откуда болѣе свободное отношеніе реформатства къ политикѣ и развитіе въ немъ идеи народовластія, опредѣляющее собою роль кальвинизма въ политической исторіи новаго времени *.

*п, 177 и слѣд.

Легисты, отстаивавшіе въ средніе вѣка свѣтскую власть отъ папскихъ притязаній, первые стали учить объ ея происхожденіи путемъ перенесенія на государей верховнаго права, принадлежащаго народу *, и на ту-же точку зрѣнія сталъ въ XIV в. Марсилій Падуанскій *. Ученіе это было усвоено кальвинистами, перенесшими въ политическую сферу тѣ принципы общественнаго самоуправленія, которые лежали въ основѣ ихъ церковной организаціи * и осо-

*ı, 317

*ı, 318

*п, 150, 163, 167

бенно ясно выразились въ устройствѣ шотландской пре-
*п, 215 свитеріанской церкви *. Если Лютеръ допускалъ лишь
пассивное сопротивленіе власти, требующей противнаго
закону Божію, то Кальвинъ разрѣшалъ и активное сопро-
п, 188, 245 тивленіе, разъ оно исходило бы отъ государственныхъ чиновъ.
Понятно, какъ это было на руку сословно-представитель-
нымъ учрежденіямъ, находившимся въ оппозиціи къ королев-
ской власти, и вотъ въ эпоху политической борьбы во Франціи,
въ Нидерландахъ, въ Шотландіи развивается у кальвини-
стовъ цѣлая политическая литература, исходящая изъ идеи
передачи народомъ власти королямъ подъ извѣстными усло-
віями, въ случаѣ несоблюденія коихъ правители могутъ быть
*п, 245-248 и низложены *. Это ученіе о договорѣ между государемъ и
народомъ и о расторжимости договора представителями
народа (т.-е. высшихъ сословій), будучи по существу своему
ученіемъ новымъ, соотвѣтствовало договорнымъ началамъ
средневѣковыхъ конституцій, въ коихъ мы встрѣчаемся съ пра-
*1, 66 вомъ сопротивленія въ случаѣ нарушенія хартіи *. Тѣ-же идеи
были усвоены англійскими пуританами (пресвитеріанами-
кальвинистами и индепендентами) во время борьбы парла-
мента съ королевскою властью въ XVII в.: и въ Англіи
эта борьба вызвала политическую литературу, въ которой
защищались идея народовластія и идея индивидуальной
свободы въ областяхъ вѣры и мысли, поставленной даже
*п, 461-462, 606 и слѣд. выше верховныхъ правъ народа *. Весь духъ политическаго
протестантизма, развившагося на англійской почвѣ, выра-
зился въ крайне индивидуалистическомъ политическомъ
*п, 613 и слѣд. трактатѣ Локка *, написаннаго въ оправданіе передачи на-
родомъ власти Вильгельму III, вмѣсто Іакова II, нарушив-
шаго права націи (какъ весь духъ безусловной государ-
ственности, отрицавшей личное начало, воплотился около
*п, 610 и слѣд. того же времени въ ученіи Гоббза *), а идея политической
и религіозной свободы сдѣлалась одною изъ главныхъ идей
просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

VII. Культурная и политическая реакція.

1. Историческія движенія и реакціи. — 2. Происхожденіе католической реакціи. — 3. Ея характеръ. — 4. Ея культурныя и политическія слѣдствія.—5. Ея связь съ реакціей политическою.

1. Историческое развитіе никогда не совершается съ правильностью, возможною лишь при равномѣрномъ и постоянномъ взаимодѣйствіи немногихъ силъ и всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: историческія условія въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время не одни и тѣ же; силъ, участвующихъ въ исторіи,—разлагая притомъ культурно-соціальныя силы на индивидуальныя, а индивидуальныя на единичныя мысли и единичные мотивы поступковъ,—несчетное множество, и между ними возможно безконечное количество комбинацій; дѣйствіе этихъ силъ неравномѣрно, а ихъ комбинаціи весьма измѣнчивы,—и вотъ поэтому историческое движеніе никогда не можетъ происходить съ правильностью, какую мы наблюдаемъ, напр., въ движеніи планетъ и ихъ спутниковъ. По той же причинѣ нельзя формулировать общіе для всѣхъ странъ и народовъ законы хода исторіи, хотя порожденіе одного факта другимъ, какъ слѣдствія своею причиною, и переходъ одной формы въ другую, какъ двухъ разныхъ стадій въ развитіи одной и той же вещи, совершаются закономѣрно, причемъ дѣйствующіе здѣсь законы, поддающіеся формулировкѣ, будутъ законами психологіи и соціологіи. Психологически и соціологически мы можемъ себѣ объяснить, почему въ исторической жизни за эпохами движенія впередъ начинаются такъ называемыя реакціи, но еслибы мы даже формулировали эти объясненія въ видѣ опредѣленныхъ и точныхъ законовъ, послѣдніе были бы законами психологическими и соціологическими, а не историческими, въ качествѣ способовъ объяснять всѣ факты данной категоріи, а въ смыслѣ не выводовъ изъ опредѣленныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстной странѣ и въ извѣстное время.

Психологически и соціологически мы въ правѣ объяснять возможность и необходимость движеній впередъ и реакцій, разъ будутъ даны такія-то и такія-то условія, но вывести опредѣленное движеніе или опредѣленную реакцію, бывшія только одинъ разъ, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, изъ данныхъ уже условій, тоже разъ только существовавшихъ въ извѣстной комбинаціи, возможно лишь исторически и такъ еще, что формула, которая получится, будетъ не общимъ закономъ, имѣющимъ раціональныя основанія, какъ причины въ логикѣ, математикѣ, механикѣ, и т. п., а потому всюду и всегда приложимымъ, а единичнымъ эмпирическимъ обобщеніемъ, относящимся только къ извѣстной совокупности фактовъ. Но и для такихъ эмпирическихъ обобщеній нужны общія теоріи. Къ сожалѣнію, научной теоріи историческихъ движеній и реакцій еще нѣтъ въ историко-философской литературѣ.

Между тѣмъ отправныя точки зрѣнія возможной теоріи просты. Точка зрѣнія психологическая: реакція можетъ произойти въ духовной жизни одной личности, разъ данный индивидуумъ, подчинившійся какому-либо направленію, или разочаровывается въ надеждахъ, какія на него возлагалъ, и потому отворачивается отъ этого направленія и даже ему измѣняетъ, или замѣчаетъ, что изъ направленія происходятъ непредвидѣнныя послѣдствія, для него, этого лица, непріятныя и нежелательныя, и потому становится прямо во враждебное отношеніе къ тому, что раньше самъ защищалъ. Для объясненія реакцій первый случай имѣетъ свое значеніе, являясь основаніемъ для того, чтобы движеніе потеряло прежнюю силу, второй же является лишь частнымъ случаемъ болѣе общаго правила, а именно того, что въ жизни вообще, т.-е. въ индивидуальной ли жизни, или въ жизни общественной существуютъ противоположные стремленія и интересы, приходящіе въ столкновеніе между собою: въ индивидуальной жизни одинъ мотивъ можетъ заставить человѣка идти по извѣстной дорогѣ впередъ, но

едва онъ замѣчаетъ, что новая дорога приводитъ его туда, куда онъ вовсе не желалъ бы попасть по другому мотиву, и разъ этотъ другой мотивъ окажется болѣе сильнымъ, человѣкъ повернетъ назадъ. Соціологическая точка зрѣнія: когда цѣлыя общественныя группы вступаютъ на извѣстную историческую дорогу, онѣ имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль, и всякій неуспѣхъ на пути ея достиженія ослабляетъ движеніе, дѣлая его участниковъ менѣе увѣренными и энергичными, заставляя многихъ изъ нихъ отставать и т. п., а съ другой стороны, и цѣлыя группы могутъ отступать назадъ, замѣчая, что движеніе, казавшееся имъ совершенно безопаснымъ *, клонится къ нарушенію ихъ интересовъ. Особенно *ш, 152
же съ соціологической точки зрѣнія важно то, что отдѣльныя группы лицъ въ обществѣ и сами отдѣльныя лица имѣютъ разные традиціи и интересы, и всякое новое движеніе задѣваетъ чьи-либо традиціи и интересы, вызывая тѣмъ самымъ съ ихъ стороны оппозицію консервативнаго свойства: консервативные элементы общества могутъ быть застигнуты врасплохъ новымъ движеніемъ, а потому имъ приходится ждать, пока движеніе не ослабѣетъ вслѣдствіе частныхъ неудачъ или общаго разочарованія, пока отъ него не отстанутъ и не примкнутъ къ консервативнымъ элементамъ люди, сами попятившіеся назадъ, пока сами они, эти элементы, не оправятся отъ пораженія, не соберутъ своихъ силъ и не организуются для борьбы за возстановленіе старины,—и такіе для нихъ благопріятные моменты рано или поздно наступаютъ, тѣмъ болѣе, что во всякой борьбѣ побѣда и пораженіе зависятъ иногда и отъ второстепенныхъ причинъ. Еще одинъ психологическій и соціологическій законъ: полнаго разрыва съ прошлымъ никогда не бываетъ ни въ индивидуальной, ни въ общественной жизни: черты и признаки стараго всегда будутъ внесены въ то новое, которое создаютъ люди, и эти черты и признаки, помимо воли и сознанія этихъ людей, приведутъ ихъ самихъ какъ-разъ къ тому, противъ чего они протестовали. Особенно это случается съ людьми отъ гоненій и

угнетенія переходящихъ къ власти, какъ это случалось нерѣдко и съ религіозными реформаторами, и съ политическими революціонерами.

Съ объективной точки зрѣнія всѣ движенія впередъ прогрессивны, всѣ реакціи — регрессивны, и въ общемъ это вѣрно относительно всего историческаго прогресса, ибо историческія движенія стремятся осуществить лучшія культурно-соціальныя формы, а идеаломъ реакцій является возвращеніе къ формамъ менѣе совершеннымъ, но въ частности развитіе совсѣмъ новыхъ явленій, неблагопріятныхъ для личнаго и общественнаго благополучія, можетъ имѣть регрессивный характеръ, и тогда реакція лучшаго стараго получаетъ благодѣтельное значеніе, — случаи рѣдкіе, частные и второстепенные. Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и къ прогрессу всегда, какъ его спутники, присоединяются явленія, въ той или другой мѣрѣ оказывающіяся вредными для самого прогресса, но очень часто мѣстныя и временныя явленія подобнаго рода заслоняютъ отъ взоровъ людей то благое и къ благу ведущее, универсальное и непреходящее начало жизни, отрицаемое реакціей, когда послѣдняя не только вытекаетъ изъ извѣстныхъ условій мѣста и времени или оправдывается необходимостью данной минуты и даннаго положенія (какъ это было, напр., въ дѣятельности
*п, 497 и слѣд. Кромвеля *), но возводитъ себя въ принципъ мысли и жизни. Такая именно реакція и началась въ серединѣ XVI в., чтобы поставить на карту все, что было достигнуто предыдущимъ культурнымъ развитіемъ, и вмѣстѣ съ нимъ все историческое будущее западной Европы.

2. Двумя силами, которыя начали дѣйствовать въ этомъ направленіи, были католическая церковь (отъ которой нерѣдко не отставали и реакціонные элементы протестантизма) и королевскій абсолютизмъ, когда послѣдній, какъ то было при Филиппѣ II Испанскомъ, императорахъ Фердинандѣ II и Фердинандѣ III или Людовикѣ XIV, искажалъ самую идею государства, пока въ серединѣ XVIII вѣка абсолютизмъ не

подчиняется новому культурному и прогрессивному началу „просвѣщенія“, тѣмъ самымъ порывая свои связи съ реакціей XVI и XVII вѣковъ. Въ настоящей главѣ мы остановимся главнымъ образомъ на культурной сторонѣ реакціи и ея значеніи для реакціи политической, чтобы разсмотрѣть послѣднюю самоё по себѣ въ иной связи.

Задержкѣ реформаціоннаго движенія въ Германіи весьма много содѣйствовало не только разочарованіе однихъ послѣ того, какъ реформація не оправдала всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ, но и опасенія другихъ, когда движеніе стало выходить за тѣ границы, которыя ему хотѣли поставить самъ реформаторъ или свѣтскія власти и высшіе классы общества сначала безусловно съ сочувствіемъ относившіеся къ дѣлу Лютера. Можно прослѣдить на исторіи двадцатыхъ годовъ XVI в., какъ народные безпорядки въ Виттенбергѣ, появленіе анабаптистовъ, зарожденіе антитринитаризма, рыцарское возстаніе и крестьянская война возбудили въ самомъ Лютерѣ реакціонныя стремленія по отношенію къ собственному своему дѣлу * и заставили многихъ князей съ недовѣріемъ отнестись къ той самой реформаціи, на которую они смотрѣли сначала благосклонно *. Политическая опасность, боязнь смутъ въ государствѣ являлась вообще для нѣкоторыхъ государей первой половины XVI в. главнымъ аргументомъ противъ протестантизма, и вотъ они на первыхъ же порахъ реформаціи преслѣдовали „еретиковъ“ *. Въ данномъ отношеніи не было разницы между отношеніемъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ протестантскихъ правительствъ къ анабаптистамъ, и католическихъ князей и кантоновъ къ самимъ протестантамъ: реакціонныя стремленія обнаружились и въ самомъ протестантскомъ лагерѣ, среди богослововъ, боявшихся, что свобода изслѣдованія приведетъ къ ереси, среди государей и имущихъ классовъ, опасавшихся политическихъ смутъ и демократическихъ движеній. Богословскими спорами, своею неопредѣленностью, появленіемъ сектантства и т. п. реформація оттолкнула отъ себя многіе

*п, 57, 67-69

*п, 126-127, 139

*п, 192

умы и удержала ихъ за католицизмомъ, гдѣ все было ясно и опредѣленно, и въ этомъ отношеніи тридентскій соборъ, окончательно уложившій католическія богословскія ученія въ стройную систему, особенно сильно содѣйствовалъ тому, чтобы удержать въ лонѣ старой церкви всѣхъ искавшихъ чего-либо прочнаго и незыблемаго въ дѣлахъ вѣры, а вѣроисповѣдныя распри протестантовъ (лютеранъ, цвингліанъ, кальвинистовъ, а въ Польшѣ и антитринитаріевъ), кромѣ того, что дискредитировали новое религіозное ученіе, ослабляли его еще передъ общимъ врагомъ, какимъ для нихъ всѣхъ былъ католицизмъ. Все это подготовляло почву для реакціи. Паденіе политическихъ и соціальныхъ движеній въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи,—движеній, связанныхъ съ лютеран-
*п, 160-161 ствомъ, цвингліанствомъ * и анабаптизмомъ,—сильно ослабляло только-что организовавшійся протестантизмъ, и онъ прямо не могъ бы получить особенно большого общеевропейскаго значенія, еслибы въ то самое время, какъ организовалась католическая реакція, дѣло новаго религіознаго ученія не было спасено кальвинизмомъ съ его болѣе космополитическимъ характеромъ, чѣмъ нѣмецкое лютеранство или цвингліанство, съ его суровымъ и воинственнымъ
*п. 166-167 фанатизмомъ, съ его политическими стремленіями *.

Католицизмъ, до того расшатавшійся къ началу XVI в., что, застигнутый въ расплохъ, на первыхъ порахъ оказался безсильнымъ потушить пожаръ религіознаго движенія въ самомъ его зародышѣ, обладалъ еще большими силами для
*п, 521 и слѣд. борьбы *. У него была вѣковая организація, которую можно было направить къ единой цѣли, и эта организація требовала только того, чтобы папство поняло свои настоящіе интересы, чтобы духовенство и монашество морализировались и дисциплинировались, и чтобы для новыхъ задачъ созданы были новыя средства, какъ это уже неразъ дѣлалось католическою церковью: вся ея бѣда была именно въ томъ, что высшія духовныя лица мало заботились о традиціонныхъ интересахъ церкви въ погонѣ за властью,

наживой и удовольствіями, а старые органы, коими церковь прежде держала свѣтское общество въ умственной и нравственной зависимости, стояли ниже своей задачи и по духу времени, и въ виду новыхъ обстоятельствъ *. За католическою церковью оставались еще цѣлыя націи, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не были затронуты движеніемъ, народныя массы въ странахъ, гдѣ движеніе коснулось только верховъ общества, наконецъ правительства этихъ націй и странъ, видѣвшія въ союзѣ съ католицизмомъ лучшую гарантію прочности и незыблемости общественнаго порядка. Пока собственныя силы церкви дѣйствовали вяло, нерѣшительно, безъ ясно сознанной цѣли, для католицизма, какъ общеевропейской организаціи, не приносили никакой пользы ни вѣрность ему народныхъ массъ въ цѣлой половинѣ Европы, впослѣдствіи обнаружившихъ въ борьбѣ за старую церковь безграничный фанатизмъ, ни реакціонное настроеніе правительствъ, которыя, однако, потомъ соединились въ одинъ большой международный союзъ * для борьбы съ врагами церкви.

*п, 264

*п, 298 и слѣд.

3. Чтобы начать съ успѣхомъ противодѣйствіе протестантизму, католическая церковь сама должна была реформироваться, и это дѣло было сдѣлано тридентскимъ соборомъ *, такъ что за реформаціями протестантской и сектантской послѣдовала третья церковная реформація XVI в. — католическая *. Оставаясь вполнѣ вѣрною основнымъ догматамъ католицизма, легальная реформа церкви, произведенная соборомъ, могла осуществить идею либеральнаго католицизма эпохи великихъ соборовъ XV в. * и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ, гдѣ было можно, сдѣлать уступки духу времени, что сблизило бы оба исповѣданія, и могла, наоборотъ, какъ идеѣ соборной реформы предыдущаго столѣтія, и современнымъ стремленіямъ, выразившимся въ протестантизмѣ, противопоставить нѣчто діаметрально противоположное: соборъ выбралъ второй путь, т.-е. прямо путь крайне реакціонный *, и въ этомъ отношеніи на его постановленія оказалъ вліяніе

*п, 256-258

*ı, 493; п, 71, 248

*ı, 495 и слѣд.

*п, 257

вновь основанный орденъ іезуитовъ. Возстановленный католицизмъ уже не былъ ни католицизмомъ средневѣковымъ, ни католицизмомъ временъ „порчи" церкви: отъ послѣдняго онъ отличался своей жизненностью, а отъ перваго—новымъ политическимъ пріемомъ. Старые церковные громы, посредствомъ которыхъ средневѣковое папство приводило въ трепетъ народы, стали выходить изъ употребленія, и вмѣсто того, чтобы господствовать, властно повелѣвая, новая католическая церковь избрала иной путь—господствовать посредствомъ педагогіи и дипломатіи, дрессируя изъ свѣтскаго юношества людей, какіе ей были нужны; потакая даже ихъ слабостямъ, если изъ послѣднихъ или изъ снисходительнаго къ нимъ отношенія можно было извлечь пользу для церкви; вступая въ сдѣлки съ сильными міра, хотя бы при этомъ кое-чѣмъ нужно было поступаться; подлаживаясь подъ мѣстные или сословные традиціи, стрем-
*п, 255-256, 276 и слѣд. ленія, вкусы и предразсудки *, причемъ,—гдѣ было нужно, конечно,—пускались въ ходъ и чисто репрессивныя мѣры въ родѣ истребленія опасныхъ книгъ и людей посред-
*п, 259 ствомъ цензуры и инквизиціи *, послужившихъ прототипами для аналогичныхъ свѣтскихъ учрежденій во многихъ государствахъ, въ коихъ репрессивныя мѣры были въ большомъ ходу (не исключая Англіи XVII в., гдѣ звѣздная палата и верховная коммиссія служили тиранническимъ стремленіямъ
*п, 436. Стюартовъ *).

Новый духъ, коимъ отличался реакціонный католицизмъ, возрожденный тридентскимъ соборомъ, вполнѣ выразился
*п, 265 и слѣд. въ іезуитизмѣ *. Іезуитизмъ—синонимъ реакціи, которая, не пренебрегая репрессіей, дѣйствовала главнымъ образомъ на умъ, на сердце, на волю людей, искусно воспитывая ихъ и направляя туда, куда это было нужно для интересовъ церкви, какъ организаціи, безусловно призванной господствовать надъ личностью, обществомъ и государствомъ. Знаменитый орденъ былъ громадною международною организаціею, поставившею своею цѣлью укрѣпить католиче-

скую церковь внутри, подчинить свѣтскую власть духовной, а общество клиру, объединить всѣ католическія націи и государства для борьбы съ общимъ врагомъ, ослабить протестантизмъ, сѣя раздоры между его представителями, возвратить по возможности побольше отпавшихъ въ лоно римской церкви, пріобрѣсти для нея и новыхъ чадъ внѣ стараго католическаго міра и т. п. Въ умственной сферѣ іезуиты содѣйствовали возрожденію средневѣковой схоластики *, *п. 277
заимствовавъ у гуманистическаго классицизма только чисто формальныя его стороны и превративъ логическую и познавательную дѣятельность ума въ софистику и казуистику, которыя не въ состояніи дать мысли способность самостоятельнаго сужденія, въ сферѣ же политической * они явились *п, 278 и слѣд.
защитниками теократическихъ началъ, ради чего, когда нужно было, становились на точку зрѣнія народовластія, оправдывая ею даже цареубійство, если его требовалъ интересъ вѣры *,—и вмѣстѣ съ этимъ переносили въ поли- *п, 280-281, 343
тику принципы маккіавелизма, разъ всѣ средства были одинаково пригодны, лишь бы достигнута была главная цѣль— величіе католической церкви *. Основателями и организа- *п, 266
торами ордена были испанцы и португальцы. Въ Испаніи, гдѣ только въ концѣ XV в. прекратилась національно-религіозная борьба съ мусульманами-маврами, католицизмъ еще не утратилъ старой своей силы надъ умами и всей мощи воинствующей церкви *, не заразившись еще поро- *п, 7, 304
ками, которые въ другихъ мѣстахъ привели старую церковь къ паденію, но Испанія могла поставить только цѣль для начавшейся реакціи, требовавшей для своего успѣха новыхъ средствъ: послѣдними церковь была обязана главнымъ образомъ Италіи съ ея умственнымъ превосходствомъ, но моральнымъ и политическимъ упадкомъ, ибо отсюда іезуитизмъ заимствовалъ пріемы педагогической дрессировки, индифферентной къ истинѣ софистики, безнравственной казуистики, оппортунистической политики и беззастѣнчивой въ выборѣ средствъ дипломатіи. Благодаря дѣятельности іезуитовъ, культурная

и политическая реакція соединилась съ общественной деморализаціей. Въ качествѣ воспитателей, преподавателей, проповѣдниковъ, публицистовъ и особенно въ качествѣ духовниковъ они пріобрѣли большое вліяніе надъ совѣстью и всѣмъ моральнымъ міросозерцаніемъ отдѣльныхъ лицъ (особенно правителей и государственныхъ дѣятелей), цѣлыхъ общественныхъ классовъ (преимущественно высшихъ сословій) и даже большихъ націй. Въ морали они отказались отъ аске-
*п, 270, 274, 282-283 тическихъ требованій *, признавъ, что противъ человѣческой природы идти трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывъ, что и слабости человѣческія—отъ самыхъ невинныхъ стремленій до крайнихъ пороковъ—могутъ быть полезны для церкви. Мораль іезуитскаго духовника была самая легкая, самая удобная и привлекала людей, боявшихся кары за грѣхъ, но не имѣвшихъ силы отстать отъ грѣха, ибо тутъ всегда являлся на помощь покладистый духовникъ съ своей со-
*п, 478 фистикой и казуистикой *. Потакая эгоизму и принаровляясь къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго, іезуитизмъ тѣмъ не менѣе былъ далекъ отъ того, чтобы развивать въ человѣкѣ личность, хотя бы себялюбивую и дурно приспособленную къ требованіямъ общежитія: напротивъ, ихъ мораль, какъ ихъ педагогика и дипломатія, ставила своею цѣлью убить въ человѣкѣ высшія проявленія личнаго начала, а для этого лучшимъ средствомъ было, конечно, заглу-
*п, 477 и слѣд. шить въ личности голосъ совѣсти *, подчинивъ ее руководительству ордена, опутавъ ее хитросплетеніями казуистики, обезсиливъ ее постоянными потаканіями дурнымъ наклонностямъ, мелкимъ порокамъ и слабоволію. Вся моральная „порча“ католической церкви, противъ которой раздавался протестъ лучшихъ людей XIV—XVI вв., можно сказать, была систематизирована и какъ бы возведена въ принципъ іезуитизмомъ. Если одною изъ сторонъ гуманизма было
*i, 349, 350, 353, 361, 371, 404 и т. п. исканіе новой морали *, которая не была бы необходимо аскетической, какъ того требовали средніе вѣка, а напр., соотвѣтствовала бы древнему стоицизму, и если исход-

нымъ пунктомъ религіознаго движенія XVI в. былъ прямо моральный протестъ, и въ самомъ этомъ движеніи чувствуется элементъ этическаго ригоризма, родственнаго именно стоицизму, то это свидѣтельствуетъ намъ, что въ обществѣ было извѣстное стремленіе къ моральному возрожденію, а іезуитизмъ дѣйствовалъ какъ разъ въ направленіи діаметрально-противоположномъ *, ибо моральное возрожденіе *п, 283
общества возможно бываетъ лишь тогда, когда личная мысль и личная совѣсть, хотя бы временно заблуждаясь и сразу не находя искомаго, вступаютъ на новые пути, а это, съ точки зрѣнія католической реакціи, было опасно и для интересовъ церкви, и для самихъ людей.

Слѣдствіями католической реакціи * не нужно считать *п, 282 и слѣд.
только тѣ, которыя она имѣла по отношенію къ реформаціи. Пора совсѣмъ оставить этотъ взглядъ, который прежде всего былъ подсказанъ протестантскими историками реформаціи, смотрѣвшими на всю новую исторію съ своей конфессіональной точки зрѣнія: весь духъ новаго времени, поскольку онъ воплощался въ стремленіяхъ личности, общества и государства къ самоопредѣленію, поскольку одни и тѣ же начала дѣйствовали и въ протестантизмѣ, и въ гуманизмѣ, поскольку совершившееся личное развитіе ставило передъ индивидуализмомъ новыя задачи въ области научнаго, нравственнаго и общественнаго міросозерцанія,—все это встрѣтило помѣху и противодѣйствіе въ католической реакціи и въ іезуитизмѣ, возведшемъ ее въ принципъ *. Реакція *п, 285
эта имѣла не одно культурное, но и соціально-политическое значеніе, ибо пошла на помощь ко всѣмъ реакціоннымъ стремленіямъ въ обществѣ и государствѣ, вступила въ союзъ со всѣми реакціонными въ нихъ элементами и заставила ихъ служить своимъ цѣлямъ посредствомъ подавленія религіозной, умственной, общественной и политической свободы *. Торжество новыхъ культурныхъ и поли- *п, 262
тическихъ принциповъ въ XVIII в. ранѣе всего выразилось въ уничтоженіи ордена іезуитовъ *, но едва только во *ш, 370 и слѣд.

второмъ десятилѣтіи XIX в. началась реакція противъ имперіи Наполеона I, противъ французской революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма, противъ философіи XVIII в., противъ всего духа новаго времени для возстановленія средневѣковыхъ формъ мысли и жизни, орденъ іезуитовъ опять былъ призванъ къ жизни. Хотя реакціонныя явленія происходили и въ самомъ протестантизмѣ, въ которомъ возрождались схоластика, формализмъ, нетерпимость, клерикализмъ и др. подобнаго рода унаслѣдованныя
*II, 286, 354 и сл. отъ католицизма явленія *,—культурная реакція въ протестантскихъ странахъ не заходила такъ далеко, какъ въ католическихъ, что очевидно при самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію католическихъ и протестантскихъ народовъ въ
*II, 286 и сл.; III, 289 и слѣд. XVI—XVIII вѣкахъ *. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны факты, представляемые исторіей такихъ странъ, какъ католическія земли Германіи, Италія, Испанія съ
*II, 289-290, 291 и сл., 302, 357, 359, 362-363 367, 378-379; III, 289 и сл., 376 и друг. Португаліей и Польша *. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ вполнѣ развились протестантскія культурныя и политическія начала,—а это произошло въ XVII в. въ Голландіи и въ Англіи,—сдѣланы были особые успѣхи на пути прогресса, и если въ XVII столѣтіи Голландія и Англія уже представляли собою противоположность странамъ, гдѣ востор-
*II, 385 и слѣд. жествовали принципы католической реакціи *, то въ XVIII в. остальная Европа была многимъ обязана этимъ двумъ странамъ, какъ сохранившимъ отъ гибели прогрессивныя теченія новой исторіи и развившія ихъ далѣе. Въ эпоху, когда умственная дѣятельность научнаго характера была еще
*I, 437-438; II, 16-17 такъ слаба *, въ этомъ заключалось все спасеніе европейской цивилизаціи.

Наконецъ, говоря о католической реакціи, нельзя не напомнить о цѣломъ столѣтіи внутреннихъ и международ-
*II, 298 и слѣд. ныхъ войнъ *, вызванныхъ стремленіемъ подавить новое религіозное движеніе и уничтожить его результаты, т.-е. весь протестантизмъ и отдѣльныя церкви, на которыя онъ раздѣлился. Эти войны сильно повредили духовной и мате-

ріальной * культурѣ тѣми разореніями, коимъ подвергались отдѣльныя области и страны. На службѣ у католической реакціи обезсилили себя политически и цѣлыя большія государства *. Политическое ничтожество, въ какое впали когда-то могущественная Испанія и Польша, объясняется тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ подъ вліяніемъ іезуитовъ и вообще вслѣдствіе реакціи заглохла культурная жизнь, и какъ въ одной деспотизмъ, такъ въ другой шляхетская анархія находили поддержку со стороны духовенства, поскольку съ этимъ деспотизмомъ и съ этой анархіей были связаны интересы католицизма. Каковы бы ни были недостатки протестантизма, онъ не требовалъ у народовъ и государствъ пожертвованія національными и политическими интересами интересамъ церкви, противопоставившей себя, какъ самодовлѣющее цѣлое живымъ силамъ народовъ и отдѣльныхъ личностей.

*п, 314-315, 367, 378, 406 и др.

*п, 302

5. Общимъ слѣдствіемъ реакціи было временное торжество въ жизни западной Европы нѣкотораго отвлеченнаго начала, которое должно было безусловно господствовать надъ личностью и обществомъ въ ихъ религіозныхъ, умственныхъ, моральныхъ, соціальныхъ и національныхъ стремленіяхъ и интересахъ и которому поэтому все должно было повиноваться, служить, приносить себя въ жертву, отдавая себя всецѣло во власть тѣхъ, которые представляли собою это начало, т.-е. отказываясь отъ всѣхъ своихъ правъ и всѣ права надъ собою отдавая представителямъ единаго всепоглощающаго цѣлаго. Цѣлью католической реакціи было воплотить эту идею въ римской церкви, сдѣлавъ изъ папства, какъ верховнаго представителя католицизма, высшую силу на землѣ, передъ которою всѣ безправны, но которая сама не должна знать никакихъ предѣловъ и ограниченій власти, и въ этомъ-то заключалась величайшая реакція всего того, что было въ старомъ быту враждебнаго личному, соціальному, политическому и національному самоопредѣленію, и именно противъ всего того, что создавалъ индивидуализмъ новаго времени. Но не въ одномъ

реакціонномъ католицизмѣ находило свое воплощеніе это начало: право быть такимъ цѣлымъ оспаривалось у церкви государствомъ, такъ сказать, пожелавшимъ—въ лицѣ тогдашнихъ монарховъ, министровъ, нарождавшейся бюрократіи и нѣкоторыхъ публицистовъ - сдѣлаться на землѣ всѣмъ и для отдѣльныхъ лицъ, и для всѣхъ классовъ общества, и для цѣлыхъ націй, поглотивъ въ себѣ или подчинивъ себѣ даже самую церковь. Политическая реакція противъ всего, что въ личной, общественной и національной жизни казалось нарушеніемъ правъ и интересовъ государства, шла рука объ руку съ реакціей религіозной. Въ протестантскихъ странахъ, гдѣ церковь была чисто государственнымъ учрежденіемъ, обѣ реакціи обыкновенно сливались воедино, что
ii, 433 и слѣд. особенно характеризуетъ политику Стюартовъ въ Англіи, потому, быть можетъ, и тяготѣвшую въ концѣ концовъ къ католицизму; въ странахъ же католическихъ устана-
ii, 127, 191, 255, 303 вливалась извѣстная солидарность алтаря и трона, въ силу которой споры между духовною и свѣтскою властями
ii, 303, 557 сдѣлались явленіями рѣдкими и исключительными, вплоть до разрыва государства съ католической реакціей въ эпоху
iii, 368 и слѣд. просвѣщеннаго абсолютизма. Если когда и осуществлялась средневѣковая теорія о томъ, что церковь призвана властвовать надъ душами, а государство—управлять тѣлами
i, 302-303 людей, то это было именно въ эпоху наибольшаго торжества католической реакціи, т.-е. съ середины XVI по середину XVIII вѣка: общая реакціонная идея объединяла церковную и государственную политику въ одно цѣлое съ полюбовнымъ раздѣленіемъ сферъ вѣдѣнія между церковью и государствомъ.

Государство новаго времени, если можно такъ выразиться, копировало заразъ и средневѣковую католическую церковь, въ свою очередь многое унаслѣдовавшую изъ древней римской имперіи, и античное государство, возрождавшееся въ теоріяхъ легистовъ и гуманистовъ въ лицѣ Мак-
i, 420 кіавелли, учениками коего были болѣе или менѣе всѣ го-

сударственные дѣятели XVI вѣка, а противниками защитники политической свободы *. Въ числѣ усердныхъ читателей Макіавелли былъ и Карлъ V, первый крупный государь новаго времени, всю жизнь свою посвятившій служенію отвлеченной государственной идеѣ *, подававшій примѣръ другимъ монархамъ и завѣщавшій свою политику * Филиппу II, который сдѣлался главнымъ представителемъ католицизма и абсолютизма во второй половинѣ XVI вѣка. Въ большей части случаевъ съ окраскою вѣроисповѣдною, хотя мѣстами отъ нея и отрѣшаясь, но лишь на время (напр. при Ришелье во Франціи *) новая политика въ XVII вѣкѣ нашла немало представителей. Имъ былъ, напр., одинъ изъ героевъ тридцатилѣтней войны, Максимиліанъ Баварскій, подчинившій свое княжество вмѣстѣ съ іезуитской реакціей порядкамъ полицейскаго государства съ вмѣшательствомъ въ частную жизнь *; имъ былъ кардиналъ Ришелье *, „Политическое завѣщаніе“ ** и вся политика коего даютъ право называть его величайшимъ государственникомъ своей эпохи; тѣмъ же былъ и младшій его современникъ Гоббзъ, развившій идею неограниченной государственности въ цѣлую политическую теорію *. Идея и практика абсолютнаго государства не были ни исключительно монархическими, ни исключительно католическими (вспомнимъ женевскіе порядки при Кальвинѣ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ полицейскаго государства *) но соединялись онѣ обыкновенно — до начала эпохи просвѣщеннаго абсолютизма — съ католическимъ ученіемъ о божественности королевской власти. Вся вторая половина XVII и начало XVIII в. носятъ въ исторіи названіе „вѣка Людовика XIV“ * по имени самаго замѣчательнаго представителя этого соединенія религіозной реакціи * съ политическою: послѣднюю онъ довелъ до того, что превратилъ Францію изъ европейской монархіи, въ подобіе азіатской деспотіи, полная теорія коей заключалась въ собственныхъ заявленіяхъ этого французскаго короля *. Международная политика Людовика

*п, 245
*п, 40-41, 45-46
*п, 307
*п, 410
*п, 363
*п, 399 и слѣд.
**п, 401-402
*п, 610 и слѣд.
*п, 179 и слѣд.
*п, 531 и слѣд.
*п, 558 и слѣд.
*п, 547 и слѣд.

*п, 564 и слѣд. **п, 308 и слѣд. *п, 314, 316, 385, и сл., 566 и сл., 587 *п, 568, 591 и сл.

XIV *, какъ и политика Филиппа II въ XVI в. **, вытекала изъ стремленія доставить торжество абсолютизму и реакціонному католицизму во всей западной Европѣ, но оба раза реакція встрѣтила отпоръ въ свободныхъ протестантскихъ государствахъ, въ Англіи и въ Голландіи *, что придаетъ особенно важное значеніе второй англійской революціи, нанесшей сильный ударъ всей международной политикѣ Людовика XIV *.

*п, 552, 556 *п, 543; ш, 17-18

Культурная и политическая реакція достигла на западѣ Европы къ концу XVII вѣка своего апогея. Людовику XIV подражали почти всѣ современные западные короли, не исключая и нѣмецкихъ имперскихъ князей. Вездѣ вводилась въ жизнь одна и таже система *, бывшая какъ бы послѣднимъ словомъ культурной и политической реакціи противъ всѣхъ движеній новаго времени, въ коихъ личность въ томъ или другомъ отношеніи отстаивала свои права: система именно и заключалась въ подавленіи всѣхъ индивидуальныхъ правъ и въ поддержкѣ всего того, что не могло своими собственными силами держаться противъ историческаго движенія, источникомъ коего было развивающееся личное и общественное сознаніе. Лишь сравнительною слабостью этого сознанія и разрозненностью общественныхъ силъ мы и можемъ объяснить себѣ побѣду реакціонныхъ началъ надъ первымъ великимъ историческимъ движеніемъ новаго времени. Результаты реакціи кристаллизировались въ тѣхъ государственныхъ и общественныхъ порядкахъ, коимъ французская политическая исторіографія дала названіе „ancien régime“ *, но не пропали даромъ и результаты новаго движенія: въ Голландіи и въ Англіи свободная мысль и свободная жизнь нашли вѣрный пріютъ, и здѣсь (особенно въ Англіи) впервые формулировались на основахъ гуманизма и реформаціи философскія идеи XVIII в., ставшія въ рѣзкую оппозицію реакціи и порядкамъ, которые она создала и поддерживала.

VIII. Старые государственные и общественные порядки.

1. Результаты историческаго движенія XIV—XVII вв. въ области идей и учрежденій.—2. Сущность старыхъ порядковъ.—3. Политическій строй и внутренняя политика.—4. Общественный строй.—5. Личная и общественная свобода.

---

1. Для каждой страны въ отдѣльности результаты историческаго движенія, совершившагося съ конца крестовыхъ походовъ, были различные *, но какова бы ни была задача этого движенія въ исторіи того или другого народа, пріобрѣтавшееся однимъ отнюдь не пропадало для будущности другого. Гуманизмъ, играющій такую важную роль въ развитіи всей новой цивилизаціи, не принесъ непосредственной пользы той самой Италіи, въ которой развился столь блестящимъ образомъ,—не спасъ ее отъ княжескаго деспотизма, иноземнаго ига и католической реакціи *,—да и въ другихъ странахъ, гдѣ онъ сталъ играть роль культурнаго фактора, онъ не удержалъ своей позиціи и долженъ былъ уступить первое мѣсто религіознымъ движеніямъ протестантизма, сектантства и католической реакціи, нанесшимъ сильный ударъ гуманистической секуляризаціи мысли и знанія, личной и общественной жизни и политики *. Сама реформація, впервые возникшая въ Германіи, не принесла этой странѣ всего того, чего отъ нея ждала и на что надѣялась нѣмецкая нація въ отношеніи національнаго единства и независимости отъ куріи, политической свободы и лучшихъ общественныхъ порядковъ, умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія, въ чемъ виноваты были отчасти односторонній характеръ самого нѣмецкаго протестантизма, но еще болѣе католическая реакція и вызванная ею большая религіозная война въ первой половинѣ XVII в. Германія съ двадцатыхъ годовъ XVI в. весьма многое потеряла, не пріобрѣтши ничего взамѣнъ. Италія и Германія находились къ концу XVII в. въ поло-

*ɪ, 110-111, 126; ɪɪ, 380 и сл., 449 и сл. и т. д.

*ɪ, 428; ɪɪ, 289-291

*ɪ 441 и слѣд.

*ɪɪ, 45-46, 126-127, 131, 133-134, 148-149, 354-357, 377-379

жительномъ проигрышѣ, хотя въ нихъ раньше всего и съ особою силою проявились оба великія историческія движенія новаго времени. Италія и католическая часть Германіи, равно какъ Испанія, Португалія и Польша, страдали отъ католической реакціи, убивавшей въ нихъ свободную духовную жизнь, а протестантская половина Германіи страдала отъ реакціонныхъ началъ, возобладавшихъ въ самомъ ея протестантизмѣ, отъ чего не были свободны ни Шот-
*II, 286 **III, 34-35 ландія *, ни Данія **, ни Швеція. Изъ протестантскихъ странъ наиболѣе избѣжали культурныхъ опасностей, возможность коихъ заключалась въ самой реформаціи, Голландія и Англія, хотя имъ пришлось для этого выдержать тяжкую внутреннюю и внѣшнюю борьбу. Въ эпоху повсемѣстнаго торжества культурной и политической реакціи, сопровождавшейся матеріальнымъ разореніемъ, обѣ эти страны довели свою образованность до весьма высокаго уровня, развили у себя значительную политическую и умственную свободу и достигли большого матеріальнаго благосостоянія, сдѣлавшись, кромѣ того, убѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ въ другихъ странахъ и пріютомъ свободной политической литературы. Можно поэтому сказать, что внѣшніе результаты новаго историческаго движенія въ его гуманистическомъ и протестантскомъ проявленіяхъ при переходѣ изъ XVII вѣка въ XVIII столѣтіе существовали преимущественно въ Голландіи и Англіи. Изъ послѣдней страны вѣдь и вышло то культурное движеніе, съ которымъ связаны названія „просвѣщенія“ и „философіи XVIII вѣка“. Если, однако, во главѣ новаго культурнаго движенія стала Франція, литература которой получила универсальное значеніе, то это лишь доказываетъ, что несмотря на совершившуюся и здѣсь католическую и абсолютистическую реакцію, нація эта сохранила способность къ дальнѣйшему прогрессу при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи Франція была счастливѣе другихъ католическихъ націй и абсолютныхъ монархій западной Европы. Принимая во вниманіе, что нигдѣ въ XVIII

в. не было такъ экономически развито среднее сословіе, какъ въ Голландіи, въ Англіи и во Франціи *, и что новое культур- *ш, 87, 90 и слѣд.
ное движеніе во Франціи было особенно популярно именно въ этомъ сословіи *, мы не можемъ не поставить въ связь *ш, 153
эти два факта и въ развитіи матеріальнаго благосостоянія промышленной и торговой буржуазіи въ названныхъ странахъ не увидѣть той матеріальной основы, которая обезпечивала возможность развитія въ этихъ странахъ не одной только придворно-аристократической литературы въ духѣ французскаго классицизма Людовика XIV. Обогащенію среднихъ классовъ общества много содѣйствовала между прочимъ политика меркантилизма, главными организаторами коей почти одновременно были въ Англіи Кромвель, а во Франціи Кольберъ *. Между тѣмъ французская буржуазія не играла той *п, 536 и слѣд.
роли въ обществѣ, какая соотвѣтствовала ея зажиточности и просвѣщенности и какую уже игралъ тотъ же общественный классъ въ Голландіи и въ Англіи, и отсюда происходитъ постепенное развитіе оппозиціоннаго духа во французскомъ tiers ètat, начавшей проникаться новыми идеями.

Между Франціей, съ одной стороны, и Англіей съ Голландіей съ другой,—въ XVII и XVIII вѣкахъ выработалось глубокое различіе *: одна была образцовою для другихъ *п, 383 и слѣд.
континентальныхъ народовъ страною культурной и политической несвободы, и „вѣкъ Людовика XIV,“ задававшаго тонъ другимъ королямъ и князьямъ, былъ апогеемъ католической реакціи и абсолютизма, тогда какъ, наоборотъ, въ Голландіи и особенно въ Англіи, благодаря второй ея революціи, въ которой парламентъ и протестантизмъ восторжествовали надъ попыткою абсолютизма и реакціи, развились начала свободы какъ въ области мысли и совѣсти, такъ и въ области общественныхъ и политическихъ отношеній. Эти-то начала * и были *п, 235 и слѣд.
главными результатами прогрессивнаго историческаго движенія предыдущихъ столѣтій, отчасти, правда, въ себѣ самомъ заключавшаго нѣкоторыя искаженія и уклоненія, но главнымъ образомъ задержаннаго католической реакціей и „вѣ-

комъ Людовика XIV". Возведенныя въ принципъ эти начала вступили въ борьбу съ реакціонными порядками, разрушеніе которыхъ позднѣе совершалось и сверху (просвѣщенный абсолютизмъ), и снизу (революція) — по различнымъ, конечно, побужденіямъ и съ различными цѣлями, равно какъ съ неодинаковымъ исходомъ въ разныхъ странахъ. Мы и разсмотримъ вкратцѣ исторію второго культурнаго и соціально-политическаго движенія на западѣ Европы, зародившагося въ XVIII вѣкѣ и перешедшаго въ XIX столѣтіе. Но прежде намъ нужно познакомиться съ тѣми отношеніями духовной и общественной жизни, противъ которыхъ направилось новѣйшее историческое теченіе, оказавшее громадное вліяніе на всю исторію XIX вѣка.

2. Мы уже неразъ видѣли, что, подавляя феодальную аристократію и католическое духовенство, какъ политическія силы, королевская власть оставляла за обоими ихъ соціальныя привилегіи. Въ новое время феодальная аристократія, сохраняя всѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ преимущества, превратилась мало-по-малу въ придворную
*п, 551; ш, 33 знать *, раболѣпную и вмѣстѣ съ тѣмъ своекорыстную, пользовавшуюся своею близостью къ королевской власти для поддержки сословныхъ своихъ интересовъ. Короли, которые привлекали феодальную аристократію къ своимъ дворамъ, имѣя въ виду ослабленіе ея политическаго значенія въ странѣ, сами, однако, должны были подпасть подъ вліяніе придворной атмосферы и начали смотрѣть на все глазами сословія, къ коему принадлежали и причисляли себя сами, искажая такой своей политикой основную идею
*п, 552; ш, 407 и сл., 421 и др. монархіи *. Соединеніе соціальныхъ привилегій феодальнаго происхожденія съ королевскимъ абсолютизмомъ новаго времени и составляетъ основную черту ancien régime *.
*п, 543; ш, 17 и слѣд. Аналогичное явленіе наблюдается и по отношенію къ духовенству, ибо, подчиняя его себѣ политически, короли, сами подчинявшіеся культурной реакціи,—католическаго или протестантскаго характера, все равно, — поддерживали

всею своею силою и исключительное господство духовенства надъ свѣтскимъ обществомъ въ умственной жизни послѣдняго, и соціальныя привилегіи клира, гдѣ ихъ не тронула религіозная реформація XVI в. *. Государственная власть до такой степени срослась съ извѣстными конфессіональными традиціями, что не допускала иновѣрія среди своихъ подданныхъ. *ш, 84-85, 289 и сл.
Еще въ XVI и началѣ XVII столѣтія французскіе и австрійскіе государи давали грамоты, коими обезпечивали за своими протестантскими подданными извѣстныя религіозныя права *, *п, 349, 360
въ то самое время, какъ въ Испаніи и въ Италіи истреблены были всѣ протестанты *, но послѣ общаго усиленія реакціи, особенно во времена тридцатилѣтней войны и уничтоженія во Франціи нантскаго эдикта *, и тѣ страны, въ коихъ раньше существовала свобода протестантскаго культа, пошли по стопамъ Испаніи и Италіи: Австріи и Франціи пришлось ждать самаго конца XVIII в., чтобы возвратиться къ политикѣ вѣротерпимости *. Тѣ же явленія мы наблюдаемъ въ конституціонной Англіи, гдѣ только вторая революція утвердила вѣротерпимость *, несмотря на то, что test-act все еще ограничивалъ права диссидентовъ по отношенію къ государственной и общественной службѣ *. Польша въ XVIII в. сдѣлалась прямо классической страною религіозной нетерпимости *. Строго конфессіональный характеръ католическихъ государствъ особенно поддерживался іезуитами, которые стали дѣлаться воспитателями наслѣдныхъ принцевъ и духовниками самихъ королей *, что не могло не отзываться на внутренней политикѣ такихъ королей. Придворное и іезуитское вліяніе — вотъ та атмосфера, которою были окружены очень многіе представители государственной власти: вслѣдствіе этого ихъ кругозоръ съуживался, и они были неспособны на такую внутреннюю политику, какой требовали не только духовные и матеріальные интересы народа, но и болѣе односторонне понимаемые интересы казны. Во второй половинѣ XVIII в., когда почти повсемѣстно государство начинало эманципироваться отъ придворно-клерикаль-

*п, 290, 306
*п, 366-367, 559, и слѣд.
*ш, 75, 289, 357, 441, 444
*ш, 77
*п, 582
*п, 296-297
*п, 276

ныхъ вліяній, французская монархія остается типической
*ш, 406 и слѣд. страной „стараго порядка“ * въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ней закрѣпленъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ Людо-
*п, 541-543, 552 викомъ XIV *. Вообще это было время застоя въ законодательной дѣятельности преобразовательнаго характера, а когда реформы начинались по почину самой власти въ виду прямой государственной необходимости или во имя болѣе высокаго пониманія какъ задачъ государства, такъ и правъ народа и обязанностей монарха, преобразовательныя попытки реформъ встрѣчали противъ себя оппозицію со стороны консер-
*ш, 296, 355 и сл., 415 и сл., 433 и сл., 441 и сл. вативныхъ элементовъ общества *, которые были при этомъ непрочь протестовать противъ самаго принципа абсолютизма во имя старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій, что мы
*ш, 354-355 наблюдаемъ, напр., не только въ Бельгіи и Венгріи *, гдѣ эти учрежденія еще сохранялись, но и въ самой Франціи передъ революціей, когда духовенство и дворянство, уже давно
*ш, 410 сожалѣвшія объ утратѣ политическихъ правъ *, особенно симпатизировали либерально-аристократической политиче-
*ш, 179 и сл., 469 ской теоріи Монтескье *.

Во всѣхъ странахъ, къ которымъ примѣнимо понятіе ancien régime, сохранялось еще крѣпостное состояніе сельскаго населенія или феодальныя надъ нимъ права дворянства. Аристократическія сословія, т.-е. дворянство и землевладѣльческое духовенство особенно дорожили своею властью надъ крестьянствомъ, и тамъ, гдѣ королевскій абсолютизмъ не сдерживалъ поползновеній замлевладѣльческой аристократіи безгранично расширять эту свою власть надъ крестьянами (одно время въ Даніи, въ Польшѣ до самаго конца), народу не откуда было даже ожидать помощи — въ болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ, отдаленномъ будущемъ.

3. Преобладающимъ политическимъ принципомъ раз-
ш, 31 и слѣд. сматриваемыхъ порядковъ былъ королевскій абсолютизмъ *. Онъ утвердился въ Испаніи, Португаліи, Италіи, Франціи, Австріи, Пруссіи-Бранденбургѣ, Даніи и нѣмецкихъ княже-
*ш, 36 ствахъ, а въ концѣ XVIII в. и въ Швеціи *, гдѣ ему пришлось

долго бороться съ аристократическо-республиканскимъ режи-
момъ въ родѣ того, какой существовалъ въ польской Рѣчи Поспо-
литой (да и вообще старыя республики, составлявшія исклю-
чительную форму правленія, были аристократическія, хотя бы
даже роль господствующаго сословія въ нихъ играла не феодаль-
ная и землевладѣльческая аристократія, а купеческая буржуа-
зія*). Во всѣхъ этихъ монархіяхъ законодательство находилось *ш, 24
въ личномъ завѣдываніи самихъ королей или временщиковъ,
такъ какъ для этой важной дѣятельности государства совсѣмъ
не существовало спеціальныхъ учрежденій, хотя бы и вполнѣ
зависимыхъ отъ монархической власти *. Законодательное *ш, 56-57,
значеніе сословно-представительныхъ учрежденій пало, ибо 294, 343, 354, 361
или вообще прекратилось ихъ созваніе или, продолжая со-
зываться, они перестали играть роль *, за исключеніемъ *ш, 33
лишь немногихъ государствъ въ родѣ Швеціи, Польши и
Англіи, да и то лишь въ одной Англіи представительство функ-
ціонировало правильнымъ образомъ *. Въ управленіи господ- *ш, 57 и слѣд.
ствовала бюрократическая централизація *, устранявшая *ш, 42, 361
отъ участія въ немъ мѣстныя силы, ибо общиннаго и област-
наго самоуправленія или совсѣмъ не было, или оно вла-
чило самое жалкое существованіе *. Права администраціи *ш, 38, 48, 88
были безграничны, и она вмѣшивалась рѣшительно во всѣ
дѣла частной и общественной жизни, осуществляя идеалъ
такъ-называемаго „полицейскаго государства“ *, въ кото- *п, 43, 307 и др.
ромъ крайнее стѣсненіе свободы происходидо не въ силу
закона, хотя бы и очень тяжелаго, а просто по произволу выс-
шаго и низшаго начальства. Судебная власть была подчи-
нена администраціи *, что лишало ее независимости въ *ш, 564-565
произнесеніи приговоровъ, не говоря уже о дурномъ законо-
дательствѣ и плохомъ составѣ судейскаго персонала, а тамъ,
гдѣ юстиція пользовалась самостоятельностью, она полу-
чала характеръ сословной привилегіи и отправлялась въ
чисто средневѣковыхъ формахъ, какъ это можно сказать о
французской наслѣдственной магистратурѣ *. Государствен- *ш, 45
ное хозяйство въ громадномъ большинствѣ случаевъ велось

*ш, 307 плохо (кромѣ, напр. Пруссіи *): правильные бюджеты были
неизвѣстны; сборъ налоговъ часто отдавался на откупъ богатымъ людямъ; сами налоги были распредѣлены крайне
*ш. 84, 86 неравномѣрно (съ разными аристократическими изъятіями *),
слишкомъ тяжело ложились на населеніе, не соотвѣтствуя его платежнымъ силамъ, и взыскивались съ большою суровостью.

Во внѣшней политикѣ послѣ прекращенія религіозныхъ
*ш, 129-130 войнъ большую роль играли чисто династическіе интересы *,
а интересы національные сводились преимущественно къ
*ш, 131 и слѣд. пріобрѣтенію отъ другихъ странъ торговыхъ выгодъ *, что
вполнѣ соотвѣтствовало господствовавшей тогда системѣ меркантилизма. Экономическая политика стараго режима въ согласіи съ общимъ его духомъ направлялась почти исключительно соображеніями о казенныхъ выгодахъ, каковы бы ни были тѣ слѣдствія, долженствовавшія вытекать изъ правительственныхъ мѣропріятій для народной массы, которая вѣдь разсматривалась главнымъ образомъ въ смыслѣ пла-
*п, 535 и слѣд. тежной силы *. Эта политика, выгодная для торгово-промыш-
ленныхъ классовъ,—въ Голландіи и Англіи даже и направлявшихъ дѣятельность государства въ этомъ смыслѣ по собственному почину,—весьма тяжело отзывалась на благосостояніи массъ, которыя сами по себѣ не были главною цѣлью правительственныхъ заботъ. Послѣднія сводились преимущественно къ усиленію арміи и флота, необходимыхъ для поддержки національной независимости, и къ покровительству промышленности и торговли, обогащающихъ казну, но это покровительство соединялось съ самой мелочной регламентаціей фабрикъ и заводовъ, имѣвшей въ виду, однако, не интересы рабочаго класса, а опять-таки то, что считалось интересомъ
*ш, 121 122-123, 362 національнаго производства и прежде всего самой казны *.
Сельскому хозяйству, наоборотъ, не оказывалось должнаго
*ш, 105-106 покровительства, и оно находилось въ упадкѣ *.

При этомъ режимѣ абсолютизмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, ибо послѣ заявленій Людовика XIV и современни-

ковъ, ему вторившихъ *, идти далѣе было некуда. Особа короля дѣлалась центромъ національной жизни, а вся эта жизнь — лишь пьедесталомъ королевской славы. Король прославлялъ себя побѣдоносными войнами и расширеніемъ государственной территоріи, блескомъ и роскошью двора, поглощавшаго громадныя суммы, и покровительствомъ искусствамъ, литературѣ и наукѣ, которыя сами должны были служить лишь украшеніемъ трона. Тамъ, гдѣ существовало, какъ въ Пруссіи, болѣе высокое представленіе объ обязанностяхъ монарха, какъ слуги государства *, и порядки управленія были лучше *, такъ что Пруссія сдѣлалась даже образцомъ для подражанія у преобразователей XVIII в., хотя и здѣсь въ сущности оставались неприкосновенными основныя черты стараго режима. *ш, 42, 313, 407 *ш, 309, 328-329 *ш, 307

При всемъ развитіи—и даже во многихъ отношеніяхъ одностороннемъ развитіи—государственнаго начала, въ политическомъ быту западной Европы XVIII в. оставалось еще немало феодальныхъ чертъ *, и особенно это можно сказать о Германіи, этой федераціи трехъ съ половиною сотенъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ феодаловъ (съ вольными городами), не считая полуторы тысячи почти суверенныхъ имперскихъ рыцарей *. *ш, 44 и слѣд. *ш, 50 и слѣд.

4. Въ старомъ режимѣ въ полной почти неприкосновенности сохранялся, далѣе, аристократическій строй общества *, какъ онъ сложился къ концу среднихъ вѣковъ. Феодальное дворянство, а съ нимъ и высшее духовенство въ католическихъ странахъ были главными и даже почти исключительными землевладѣльческими сословіями, ибо другія сословія или прямо закономъ были исключены (какъ въ Польшѣ) изъ права владѣть землею, или фактически не могли ею владѣть, или, наконецъ, пользовались (какъ напр., во Франціи *) лишь формами условной ** феодальной собственности въ зависимости отъ духовенства и дворянства, платя имъ за это оброки и пошлины и подвергаясь разнымъ ограниченіямъ въ своемъ правѣ свободнаго распоряженія, тогда *ш, 82 и слѣд. *ш, 99-100 **1, 43-44

какъ въ Англіи, наприм., уже совсѣмъ исчезло это аграрное
*п, 529-530 отношеніе еще въ серединѣ XVII в. *. Крупное землевладѣніе соединялось еще съ существованіемъ крѣпостного состоянія, въ какомъ находилась сельская масса цѣлыхъ большихъ государствъ (Германія съ Австріей и Пруссіей, Данія, Польша и др.) или нѣкоторая часть крестьянства (какъ во Франціи), причемъ любопытно, что въ послѣднемъ случаѣ крѣпостничество лучше всего сохранилось въ церков-
*ш, 98 ныхъ имѣніяхъ *. Дворянство и духовенство, пользовавшееся еще десятиной, извлекали изъ своихъ земель, феодальныхъ правъ и крѣпостничества большіе доходы, которые даже произвольно еще увеличивали, заставляя, напр., кре-
*ш, 394-395 стьянъ работать на барщинѣ по шести дней въ недѣлю *. Тамъ, гдѣ уже зарождалось крупное хозяйство,—пользуясь своими правами или простою безнаказанностью, землевладѣльческое сословіе обезземеливало крестьянъ, вслѣдствіе чего
*ш, 98, 107, 110-111, 392 начиналъ развиваться сельскій пролетаріатъ *. Во Франціи сельское населеніе рѣзко дѣлилось на laboureurs (самостоятельныхъ хозяевъ, т.-е. собственниковъ и мелкихъ арен-
*ш, 102 даторовъ, бо̀льшею частью половниковъ *) и manoeuvres (батраковъ), а въ Англіи къ концу XVIII в. и все крестьянство было уже совершенно обезземелено. Послѣдняго явленія мы не наблюдаемъ въ странахъ крѣпостного права, гдѣ сохранялась, хотя и несвободная связь земледѣльца съ обрататываемою имъ почвой. Вся тяжесть государственныхъ налоговъ лежала, наконецъ, на сельской массѣ, и кромѣ того, государство оставляло въ рукахъ господъ вотчинную полицію и юстицію даже по отношенію къ лично свободнымъ
*ш, 98-99, 307 крестьянамъ *. Господство дворянства надъ сельскимъ населеніемъ и крѣпостная зависимость послѣдняго отъ пер-
*ш, 309 ваго лишь дополняли * общую систему властвованія, положенную въ основу государственнаго и общественнаго быта съ полнымъ отрицаніемъ правъ личности.

*ш, 86 и слѣд. Между аристократіей и сельской массой помѣщалось городское населеніе *: не имѣя привилегій духовенства и

дворянства, оно не было въ то же время и столь безправнымъ, какъ крестьянство. Вмѣстѣ съ аристократическими классами оно участвовало въ сословно-представительныхъ (государственныхъ и областныхъ) собраніяхъ, гдѣ они сохранились. Высшій слой городского населенія составляли промышленно-торговая буржуазія и люди либеральныхъ профессій, включая и чиновниковъ (такъ какъ государственная служба сама по себѣ не давала правъ дворянства). Буржуазія успѣла сдѣлаться значительной экономической силой, благодаря развитію промышленности и торговли, откуповъ и казенныхъ поставокъ, и начала уже скупать, гдѣ это дозволялось закономъ, дворянскія земли, брать на откупъ феодальныя права, арендовать большія помѣстья, заниматься крупнымъ хозяйствомъ. Въ Голландіи и въ Англіи, гдѣ буржуазія играла большую роль въ генеральныхъ штатахъ и парламентѣ *, она *ш, 92 и слѣд.
пользовалась своимъ положеніемъ въ государствѣ, чтобы направлять его политику въ исключительныхъ интересахъ промышлености и торговли, что сдѣлалось даже программою политической партіи виговъ въ Англіи *. И во Фран- *ш, 64-65
ціи, гдѣ стремленія буржуазіи сталкивались съ сословными привилегіями духовенства и дворянства *, меркантили- *ш, 89-90
стическое направленіе экономической политики, жертвовавшей индустріальнымъ и коммерческимъ интересамъ интересами сельскаго хозяйства и выгодамъ предпринимателей выгодами рабочаго класса *, сильно содѣйствовало обо- *ш, 122-123
гащенію буржуазіи. Изъ этого же класса общества преимущественно выходили люди либеральныхъ профессій, ученые, писатели, профессора, преподаватели, врачи, аптекаря, судьи, адвокаты, нотаріусы, чиновники и т. п., составлявшіе главнымъ образомъ интеллигенцію страны. — Что касается до цехового быта, то онъ, какъ мы раньше видѣли, разрушался извнѣ и разлагался внутри, причемъ государство новаго времени приложило и къ этому свою руку, поощряя крупное производство, создавая внутри цеховъ привилегіи и продавая за деньги званіе мастера *. *ш, 119 и слѣд.

5. О личной и общественной свободѣ намъ при старомъ порядкѣ не придется долго говорить. Крѣпостничество было отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ правъ личности, а сословность соціальнаго быта ставила права личности въ зависимость отъ происхожденія. Всѣ свои права человѣкъ пріобрѣталъ отъ сословной организаціи и государства. Мѣщанинъ могъ сдѣлаться дворяниномъ, но не по праву (напр., не въ силу выслуги), а исключительно по королевской милости. Послѣдняя могла дать ремесленнику званіе мастера безъ экзамена и даже безъ знанія даннаго ремесла. Авторскаго права во Франціи не существовало: писатель могъ пользоваться исключительнымъ правомъ собственности на свое произведеніе лишь въ силу
*ш, 214 привилегіи отъ короля *. Личность ничѣмъ не была га-
*ш, 73-74 рантирована отъ административнаго произвола *, и лишь въ Англіи habeas-corpus-act конца XVII в. вполнѣ осуществилъ принципъ личной неприкосновенности, провозгла-
*i, 82; ii, 458, 583 шенной еще великой хартіей XIII в. *. Формы судопроизводства равнымъ образомъ не давали личности обезпеченія, и съ обвиняемымъ поступали, какъ съ преступникомъ, не признавая въ послѣднемъ уже никакихъ правъ: произвольные аресты, жестокія пытки, разнаго вида смертная казнь были самыми обычными пріемами уголовной юстиціи. Въ религіозныхъ дѣлахъ мы видимъ то же самое: иновѣрное богослуженіе запрещалось, и, напр., въ католическихъ странахъ не допускалось самое иновѣріе; въ самой Франціи послѣ уничтоженія нантскаго эдикта законъ не признавалъ оффиціальнаго существованія протестантовъ; ихъ самихъ лишали гражданскихъ и политическихъ правъ, а
*ш, 75 иновѣрное духовенство преслѣдовали *. Свѣтскія и духовныя власти (во Франціи парламенты и Сорбонна) зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы мысль не преступала оффиціально установленныхъ границъ, и печать (начавшая уже освобождаться
*ш, 79 и слѣд. въ Англіи *) была страшно стѣснена весьма разнообразными видами цензуры, дѣйствовавшей совершенно произ-

вольно, такъ какъ, и въ этой области не существовало прочныхъ законовъ и опредѣленныхъ правилъ *. *ш, 75-76

IX. Характеристика просвѣщенія XVIII в.

1. Происхожденіе просвѣщенія XVIII в.—2. Его культурныя идеи.—3. Отношеніе философіи XVIII в. къ народу.—4. Сущность политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ ученій XVIII в.

1. Въ предшествовавшемъ историческомъ движеніи XIV—XVI вв., задержанномъ, но окончательно не остановленномъ реакціей XVII столѣтія, сильны были принципы индивидуальной свободы и общественнаго равенства. Гуманисты были поборниками умственной свободы и противниками наслѣдственныхъ привилегій *, а стремленіе къ свободѣ и равенству въ *ı, 407
эпоху реформаціи привело даже къ крайнимъ требованіямъ, выразившимся въ нѣкоторыхъ формахъ сектантства *. *ıı, 110-111, 488, 527
Государственные и общественные порядки XVIII в. были полнымъ отрицаніемъ этихъ принциповъ, а потому неминуемо должны были подвергнуться критикѣ съ ихъ точки зрѣнія при новомъ пробужденіи личнаго самосознанія. Послѣднее произошло сильнѣе всего въ среднемъ сословіи *, въ *ш, 153
томъ самомъ среднемъ сословіи, изъ котораго вышла раньше и большая часть гуманистовъ *. Это и понятно: среднее сосло- *ı, 407
віе не только само не пользовалось наиболѣе важными соціальными привилегіями, но и тяготилось тѣми, которыя принадлежали духовенству и дворянству, а потому имѣло, конечно, интересъ дѣйствовать какъ противъ нихъ самихъ, такъ и противъ поддерживавшей ихъ государственной системы; состоя * изъ зажиточной буржуазіи и людей ли- *ш, 86
беральныхъ профессій, среднее сословіе обладало капиталами, профессіональными и научными знаніями, общими идеями, духовными стремленіями и не могло удовлетворяться ни своимъ приниженнымъ положеніемъ въ

обществѣ и государствѣ, ни тою придворно-аристократическою культурою, высшимъ продуктомъ коей былъ французскій классицизмъ вѣка Людовика XIV. Въ то самое время, какъ въ народныхъ массахъ всѣ высшіе инстинкты человѣка подавлялись безъисходною нищетой и безпроглядным невѣжествомъ, интеллигентные и буржуазные „разночинцы“, къ которымъ примыкало мелкое дворянство, низшее духовенство и второстепенное чиновничество, пользуясь очень большимъ благосостояніемъ или не терпя, по крайней мѣрѣ, нужды, и имѣя извѣстное образованіе, составляли изъ себя классъ, не отдѣлявшій рѣзко своихъ интересовъ отъ интересовъ народа, поскольку послѣдній страдалъ отъ всѣхъ господствовавшихъ тогда порядковъ. Ранѣе всего произошла эманципація интеллигентной буржуазіи въ Англіи, и каковы бы ни были ея соціальныя стремленія на экономи-
*ш, 91 и сл., 107-109, 123-124
ческой почвѣ *, въ культурной и политической сферѣ она проявляла либеральныя стремленія. Здѣсь на рубежѣ XVII
*п, 596 и слѣд.
и XVIII вв. развилась умственная жизнь *, сильно повліявшая въ XVIII в. на Францію, гдѣ уже въ концѣ XVII столѣтія начиналась оппозиція противъ системы Людовика XIV, выразившаяся въ развитіи заграничной французской
*п, 563-564
литературы протестующаго характера*. Новыя идеи встрѣчены были во Франціи съ большимъ сочувствіемъ обществомъ, въ коемъ дворянство начинало все болѣе и болѣе уступать мѣсто „разночинцамъ“, и скоро овладѣли интеллигенціей, которая выставила цѣлую рать литературныхъ бойцовъ за права человѣка. Французская литература тогда пріобрѣла зна-
*ш, 261 и слѣд.
ченіе великой международной * культурной силы, овладѣвъ вниманіемъ образованныхъ людей всѣхъ европейскихъ націй безъ различія общественныхъ положеній, начиная съ могу-
*ш, 153, 160, 163-164, 178, 213, 218 и мн. др.
щественныхъ монарховъ * и кончая людьми самыхъ скромныхъ состояній. Между тѣмъ, какъ французская философія, ратуя за права человѣка, не забывала, что каждый человѣкъ есть въ тоже время гражданинъ, параллельно съ нею развивалась и нѣмецкая просвѣтительная литература XVIII в.,

которая, не отличаясь соціально-политическимъ характеромъ послѣдней, равнымъ образомъ представляла изъ себя проповѣдь человѣчности и правъ личности на свободу *. Впрочемъ, и на нѣмецкую литературу французская оказала большое вліяніе *, но какъ бы велико оно ни было, и какъ бы въ свою очередь ни было значительно вліяніе англійской на ту и на другую, особенно же на французскую, духовныя стремленія, выразившіяся въ этихъ трехъ литературахъ и въ космополитическомъ распространеніи французскихъ идей, были результатомъ развитія личнаго и общественнаго самосознанія, несмотря на всѣ задержки и препятствія, какія оно встрѣчало для себя съ самаго начала католической реакціи. Литературное вліяніе одной націи на другую лишь помогало этому духовному процессу, въ коемъ возобновились прерванныя реакціей движенія гуманизма и реформаціи.

*ш, 144-145, 265, 268 и сл.

*ш, 273-274

Просвѣщеніе XVIII в. въ самомъ дѣлѣ по своему свѣтскому характеру было какъ-бы продолженіемъ гуманизма, ослабленнаго и даже почти исчезнувшаго въ эпоху религіозныхъ реформацій и реакціи *, но продолженіемъ видоизмѣненнымъ и осложненнымъ. Отъ эпохи Возрожденія все еще оставались традиціи скептическаго раціонализма и изученія классической литературы, какъ главнаго образовательнаго средства, но лишь XVII вѣкъ былъ эпохой, когда западная Европа имѣла уже свою самостоятельную философію, направлявшуюся и на вопросы права, и весьма уже развитое естествознаніе, въ чемъ заключалась возможность новаго міросозерцанія *. Свѣтское умственное развитіе научнаго характера не прерывалось на западѣ Европы съ самаго зарожденія гуманизма: въ эпоху богословскихъ споровъ, вѣроисповѣдныхъ раздоровъ и религіозныхъ войнъ оно только замкнулось въ кабинеты ученыхъ, чтобы впослѣдствіи выйти на болѣе широкую историческую арену и снова овладѣть общественнымъ вниманіемъ и настроеніемъ, выступивъ опять во имя правъ личности, но уже съ новыми средствами аргументаціи, сдѣлавшимися возможными, бла-

*і, 442 и сл.; п, 233 сл.; ш, 142, 215-216 и др.

*п, 598; ш, 143-144

годаря новому философскому и научному развитію, съ большею моральною силою и убѣжденностью и съ болѣе общественнымъ содержаніемъ, чѣмъ въ эпоху Возрожденія. Послѣдними своими двумя особенностями просвѣщеніе XVIII в., было обязано успѣхамъ моральнаго и соціальнаго сознанія личности, между прочимъ подъ вліяніемъ реформаціи XVI в., которая была сама вызвана нравственнымъ протестомъ совѣсти
*п, 235 и сл., 245 и сл., 600 и слѣд. и способствовала развитію идей религіозной и политической свободы *. Въ исторіи англійской религіозно-философской литературы второй половины XVII в. и начала XVIII сто-
*п, 596-597, 605, и др. лѣтія даже прямо можно наблюдать *, какъ изъ культурнаго и политическаго движенія съ религіозною (протестантскою и сектантскою) окраскою выростала просвѣтительная философія XVIII в., дававшая естественно-раціоналистическое обоснованіе моральнымъ и политическимъ вопросамъ реформаціонной эпохи. Связь просвѣщенія XVIII в. съ реформаціей видна изъ того, что оно усвоило и защищало принципы религіозной и политической свободы, и что англійскій деизмъ, представители коего видѣли въ себѣ завершителей религіоз-
*ш, 600 и слѣд. ной реформаціи и который дѣйствительно возникъ на почвѣ
*ш, 154, 169, 177, 205, 271 и др. индивидуалистическаго сектантства *,—сдѣлался главнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ философовъ XVIII в. *, если не считать болѣе поздняго, менѣе распространеннаго и
*ш, 222 и слѣд. бывшаго не столь вліятельнымъ матеріализма *.

Вотъ все это и даетъ намъ право видѣть въ просвѣщеніи XVIII в. своего рода синтезъ культурныхъ началъ гуманизма и реформаціи на почвѣ возобновившагося роста личности.

2. Названіе „просвѣщенія“ (Aufklärung, siècle des lumières) хорошо характеризуетъ общій духъ всего культурнаго дви-
*ш, 142 женія *. Оно увидѣло въ невѣжествѣ, суевѣріи и предразсудкахъ главную причину человѣческихъ бѣдствій и общественныхъ золъ, а въ образованіи, въ философской и науч-
*ш, 146-147 ной дѣятельности, въ свободѣ мысли—главное средство культурнаго и соціальнаго прогресса, самая идея котораго *

впервые сдѣлалась историко-философской концепціей въ
XVIII в., поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ высшую цѣль всѣмъ
государственнымъ преобразованіямъ *, соціальнымъ измѣ- *ш, 167-168, 169, 280, 283 и др,
неніямъ и умственнымъ пріобрѣтеніямъ,—цѣль общечеловѣ-
ческую и всемірноисторическую *. Такъ какъ главными *ш, 147, 266
врагами умственнаго развитія и духовной свободы явилось
реакціонное католическое духовенство, то на католицизмъ
и сдѣлано было главное нападеніе со стороны философовъ
XVIII в. *, причемъ исходили они уже изъ иныхъ принци- *ш, 167, 214-216 и др.
повъ, чѣмъ реформаторы XVI в., тоже громившіе рим-
скую церковь, и противопоставляя ей „естественную рели-
гію“ деизма. Съ точки зрѣнія новаго направленія государ-
ство должно было расторгнуть свой союзъ съ клиромъ,
который постоянно враждовалъ съ свѣтскою властью, и
заключить союзъ съ философами, дабы сообща работать надъ
общимъ благомъ, т.-е. и само государство должно было
сдѣлаться просвѣщеннымъ. Это была точка зрѣнія Воль-
тера, какъ сторонника абсолютизма, умѣряемаго просвѣще-
ніемъ и терпимостью *. Вѣротерпимость, дѣйствительно, *ш, 169 283-284
была однимъ изъ основныхъ требованій просвѣщенія XVIII в.
отъ государства, но, кромѣ того, оно вообще должно было
дать духовную свободу своимъ подданнымъ, свободу мысли,
свободу слова, свободу печати *. Всѣ эти требованія личной *ш, 168 и др.
эманципаціи заключаются въ томъ индивидуалистическомъ
принципѣ, который лежалъ въ основѣ гуманизма, но только
философія XVIII в. сдѣлала изъ него всѣ выводы, заимство-
вавъ принципіальную защиту отдѣльныхъ правъ личности
и изъ передового протестантизма: всѣ эти права (съ сво-
бодою печати въ „Ареопагитикѣ“ Мильтона *), провозгла- *п, 476, 606
шались уже англійскою реформаціей XVII вѣка. Религіоз-
ная свобода была именно первымъ видомъ индивидуальной
свободы, на который за личностью ранѣе всего было при-
знано естественное, прирожденное и неотъемлемое право
политическою философіей передового протестантизма.

Идея естественнаго права * личности, права, сообщен- *п, 144 и мн. др.

наго ей самимъ Богомъ или даннаго ей природою, права, принадлежащаго ей по рожденію безотносительно къ общественному ея положенію, вѣроисповѣданію и національности, права, отъ нея неотъемлемаго и для кого бы то ни было неприкосновеннаго, и сдѣлалась одною изъ великихъ культурныхъ идей XVIII в. Въ этой идеѣ, но уже на почвѣ естественной философіи выразился тотъ идеалъ евангельской свободы, на который ссылались въ средніе вѣка и въ эпоху ре-
*I, 256 формаціи *. Если индепенденты доказывали право личности на религіозную свободу тѣмъ, что Христосъ, искупивъ родъ человѣческій, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ
*II, 607 совѣстью людей *, то философія XVIII в. подчиняла и вообще всю жизнь личности одному естественному закону, созданному самимъ Богомъ и вложенному въ наше сознаніе. Первымъ писателемъ, формулировавшимъ идею безусловной личной
*II, 601-602, 605. 612 и сл. свободы на основѣ естественнаго права, былъ Локкъ *, родоначальникъ просвѣтительной философіи XVIII в., самъ выросшій подъ вліяніемъ религіознаго и политическаго движенія своей родины, Англіи второй половины XVII вѣка.

Идея естественнаго, существующаго по природѣ вещей, а не по человѣческому установленію была весьма популярна
III, 149-150 въ XVIII в., когда вѣрили въ „естественную религію“ основывались на „естественномъ правѣ“, искали „естественнаго порядка“ общественной жизни, когда Руссо противоположилъ гражданскому состоянію свое „состояніе при-
*III, 200-203 роды“ *, когда возникла цѣлая школа экономистовъ, давшая своему ученію названіе природовластія, или физіо-
*III, 242-245 кратіи *. Предполагалось при этомъ, что естественное и разумное одно и то же, что одна отвлеченная дѣятельность разума можетъ все разрѣшить въ теоріи и на практикѣ, и въ этомъ раціонализмѣ, отвергавшемъ все, что̀ должно признаваться на вѣру, заключалась тѣмъ не менѣе вѣра въ силы самого разума, въ его творческія способности, разъ онъ будетъ сообразоваться съ „естественнымъ закономъ“ (не въ смыслѣ словоупотребленія въ современномъ естествознаніи), въ без-

конечный прогрессъ, осуществляемый разумомъ *. Въ этомъ *ш, 149
увлеченіи была сильная сторона—вѣра, убѣжденность, моральная мощь, но была сторона и слабая. У раціоналистовъ XVIII в. научные методы, основанные на опытѣ и наблюденіи, были въ пренебреженіи въ примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ, да и научно-обработаннаго матеріала было мало въ ихъ распоряженіи, а потому соціальные и политическіе вопросы стали разрѣшаться метафизически, что̀ повлекло за собою многія ошибки; но ошибочные выводы и невѣрные пріемы мысли не должны ставиться на дурной счетъ самимъ принципамъ, въ коихъ выразились наиболѣе высокія стремленія человѣческой природы къ личному и общественному совершенству. Впрочемъ, въ той же философіи XVIII в. было направленіе, въ которомъ общественныя стремленія сочетались съ научнымъ духомъ, —именно, направленіе Дидро *,—и былъ писатель (Монтескье), уже примѣнявшій *ш, 216, 221-222
историческій методъ къ изслѣдованію политическихъ проблемъ *. Самъ по себѣ раціонализмъ былъ анти-историченъ, *ш, 177-178
и это сильно сказалось какъ на его общей концепціи общества и государства, такъ и на его преувеличенномъ пониманіи роли личности въ исторіи.

Наукѣ должно принадлежать великое значеніе въ жизни, а въ наукѣ—опыту и наблюденію: для общественнаго развитія поэтому особеннно важно существованіе научнаго историческаго знанія. Почти всѣми своими успѣхами современная исторіографія и историческій методъ въ наукахъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ обязаны XIX вѣку, а въ XVIII в. полагалось лишь начало этому научному развитію, тѣмъ болѣе, что тогдашнія правительства часто стѣсняли занятія наиболѣе важными въ общественномъ смыслѣ историческими вопросами *. Раціоналистическій методъ въ *ш, 151
политикѣ былъ антиисторическимъ, и то государство, которое построяла политическая философія XVIII в., часто было неосуществимо *, но ничто такъ не дѣйствовало разлагаю- *п, 149, 211 и др.
щимъ образомъ на воззрѣнія, коими держались старые по-

рядки, какъ именно раціоналистическая концепція государства. Однако, это было оружіе обоюдоострое, ибо на философіи естественнаго права основывали не только индивидуальную свободу, но и всевластіе государства, какъ мы это видимъ уже
*п, 608 и слѣд. въ политической философіи Гоббза *, отвергавшаго за личностью какія бы то ни было права и признававшаго за государствомъ даже право рѣшать вопросъ о добрѣ и злѣ въ моральномъ смыслѣ или о томъ, во что̀ должны вѣровать его подданные.

Политическая теорія, господствовавшая еще съ середины XVII в., объясняла происхожденіе государства со-
*п, 610-611, 614-615; ш, 203, 206-207 знательнымъ договоромъ *, который заключаютъ между собою люди, установляя надъ собою верховную власть. Весь вопросъ заключался въ томъ, какими правами поступаются при этомъ люди и кому ввѣряютъ они власть надъ собою. Если Локкъ донельзя ограничивалъ власть государства и сохранялъ ее за народомъ, то Гоббзъ, исходившій изъ той же теоріи договорнаго происхожденія государства, до послѣдней крайности ограничивалъ, наоборотъ, права подданнымъ и училъ о перенесеніи всей полноты верховной власти на правительство. Такимъ образомъ абсолютныя права государства выводились изъ того же естественнаго права, которое служило основой и личной свободѣ. Но въ чьихъ интересахъ оно ни толковалось, оно, какъ право, основанное на разумной природѣ вещей, противуполагалось праву традиціонному и въ этомъ смыслѣ оказывалось ученіемъ, разрушавшимъ исторически сложившіяся привилегіи сословій, тѣмъ болѣе, что по естественному праву государство должно было служить благу всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только. Если передъ естественнымъ правомъ государства на безусловную власть по ученію Гоббза, возобновленному черезъ сто лѣтъ Жанъ-
*п, 611; ш, 208-209 Жакомъ Руссо *, должна была совершенно склониться личность, то передъ тѣмъ же правомъ и общимъ благомъ должны были исчезнуть и всѣ мѣстныя особенности. Изъ отвлеченной идеи государства выводилось требованіе самой

крайней централизаціи, и когда во Франціи, въ эпоху революціи, вмѣсто старыхъ провинцій съ ихъ историческими воспоминаніями, вводилось новое административное дѣленіе государства, то въ основу его были положены отвлеченно-математическіе принципы геометрической равновеликости департаментовъ и ариѳметическаго равенства ихъ населенія *. Поскольку историческое право было противъ интере- *ш, 537
ресовъ личнаго развитія, такая идея государства не была враждебна индивидуальнымъ правамъ, но въ иныхъ случаяхъ дѣло происходило и наоборотъ, ибо централизація иногда (въ Австріи при Іосифѣ II *) стремилась уничто- *ш, 352 и слѣд.
жить и живыя силы національностей не только съ ихъ историческими правами, но и съ ихъ непреходящимъ стремленіемъ къ духовному самоопредѣленію.

Философія естественнаго права разрушала въ принципѣ все исторически сложившееся. Во всякомъ случаѣ передъ человѣкомъ она ставила идеалъ, къ которому онъ долженъ былъ стремиться, и то общее XVIII вѣку воззрѣніе, по которому культурныя и соціальныя формы суть будто бы лишь продукты сознательнаго творчества человѣческой личности, вселяло въ поклонниковъ новой философіи увѣренность, что цѣлесообразною дѣятельностью человѣка (напр., могущественнаго правителя) можно сразу пересоздать весь міръ на началахъ разума *. XIX вѣкъ съ своимъ уче- *ш, 169 и др.
ніемъ объ органическомъ развитіи культурныхъ и соціальныхъ формъ измѣнилъ такое преувеличенное понятіе о личныхъ силахъ въ исторіи, но послѣднее сдѣлало свое дѣло, придавъ извѣстную отвагу людямъ XVIII в. и породивъ въ нихъ оптимизмъ надежды на лучшее будущее, долженствовавшее осуществить идеи истины и справедливости *. Это *ш, 149, 169
была, нѣкоторымъ образомъ, религія по своему дѣйствію на умы. Въ согласіи съ раціонализмомъ и стремленіемъ къ „естественности“ сами религіозныя воззрѣнія принимали въ XVIII в. особый характеръ, лучше всего выразившійся въ

деизмѣ съ его различными оттѣнками, разсудочнымъ у
*ш, 169 и сл., 205 Вольтера и сентиментальнымъ у Руссо *.

3. Философія личнаго права съ тѣмъ моральнымъ и соціальнымъ оттѣнкомъ, какой ей сообщали популярныя въ XVIII в. идеи человѣчности и народнаго блага, тѣмъ отличалась отъ гуманистическаго индивидуализма, что проникнута была альтруизмомъ и имѣла общественный характеръ. Никогда дотолѣ литература высшихъ классовъ общества не была столь демократична по своимъ симпатіямъ къ на-
*ш, 248 и слѣд. роду, какъ именно литература XVIII в. *. Правда, при де-
*ш, 168, 180, 255-256, 258 тальномъ ея разсмотрѣніи мы встрѣтимъ въ ней не мало диссонансовъ *, обнаружимъ у публицистовъ той эпохи
*ш, 249-250 весьма плохое знаніе народнаго быта и народныхъ нуждъ *, но въ общемъ это не можетъ препятствовать „философіи“ XVIII в. называться гуманною, филантропическою, альтруистической по отношенію къ народу и въ общемъ быть признанною за вѣрно ставившую вопросъ о томъ, какъ должны были относиться къ народу правительство и интеллигенція. При перевѣсѣ сельскаго населенія надъ городскимъ, при существованіи еще крѣпостничества и феодальныхъ правъ на землю, при страшной нищетѣ крестьянской массы, при дороговизнѣ хлѣба и дурномъ состояніи земледѣлія, съ одной стороны, а съ другой—при невполнѣ еще совершившемся или обнаружившемся процессѣ нарожденія го-
*ш, 587 родского пролетаріата *, главнымъ соціальнымъ вопросомъ, требовавшимъ практическаго разрѣшенія, въ XVIII
*ш, 95-96, 250 и сл. вѣкѣ былъ вопросъ крестьянскій *. Какъ бы несовершенно ни ставился этотъ вопросъ въ публицистикѣ прошлаго вѣка съ точки зрѣнія нашего времени, когда мы имѣемъ за собою вѣковой опытъ и наши общественныя идеи ушли
*ш, 251, 257 и сл., 391 и сл. впередъ сравнительно съ идеями XVIII в. *, не слѣдуетъ забывать, что поднятъ былъ этотъ вопросъ именно только тогда впервые, и еще болѣе мы поймемъ значеніе тогдашнихъ идей въ этомъ вопросѣ, когда сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что доказывалось раньше.

Рабская зависимость крѣпостныхъ крестьянъ не только существовала, какъ фактъ, признававшійся государственными законами, но оправдывалась и въ теоріи. До XVIII вѣка протесты противъ крѣпостничества были явленіями исключительными, и въ этомъ отношеніи ни гуманизмъ, ни протестантизмъ, ни раціоналистическое сектантство не обращали большого вниманія на положеніе народной массы *. Томасъ Моръ въ своей „Утопіи" прямо *ш, 253
даже допускаетъ существованіе рабства *, а польскіе *i, 426
антитринитаріи ссылались вдобавокъ на Ветхій Завѣтъ для оправданія своихъ рабовладѣльческихъ стремленій *. Только *п, 243
демократическое сектантство и аналогичныя ему движенія (крестьянская война въ Германіи) рѣзко указывали на несовмѣстимость рабства съ евангелической свободой *. Юри- *п, 104
дическая и политическая наука новаго времени начала развиваться подъ сильнымъ вліяніемъ идей римскаго права, и если французскіе легисты XIII вѣка толковали въ пользу личной свободы крестьянъ всѣ сомнительные случаи крѣпостничества, ссылаясь при этомъ на естественное право *, *i, 173
идею римскаго происхожденія, то позднѣе въ Германіи дѣло выходило наоборотъ. Юристы XV столѣтія прямо толковали сомнительные случаи и просто лишь зависимыя отношенія въ прямомъ смыслѣ римскаго рабства, чѣмъ немало содѣйствовали закрѣпощенію сельской массы *. Польская *i, 193; п, 90
шляхта, называвшая себя народомъ, а свое государство республикой, сравнивала себя съ римлянами и ихъ примѣромъ доказывала законность крѣпостной зависимости *. Даже ученая *i, 199
юриспруденція защищала крѣпостничество, выводя его изъ естественнаго права, какъ это въ XVII в. сдѣлалъ Пуфендорфъ, говорившій, что рабство основывается на договорѣ слабаго съ сильнымъ подъ условіемъ, чтобы первый работалъ на второго, а этотъ послѣдній прокармливалъ перваго *. Но это не былъ единственный и исклю- *ш, 112
чительный случай. Съ своей стороны, и знатоки феодальнаго права (февдисты) исторически стремились доказать закон-

ш, 112-113, 253 ность или исконность дворянскихъ правъ надъ крестьянами. Между прочимъ юридическія же толкованія поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами содѣйствовали обезземеленію сельской массы, гдѣ оно только происходило *. Въ XVIII в. наоборотъ, стали раздаваться голоса
i, 193-194 въ пользу крестьянской свободы и необходимости отмѣнить феодальныя права, т.-е. освободить поземельную собственность отъ оброковъ, пошлинъ и стѣсненій всякаго рода.
*ш, 113, 235, 252 и др. Только по вопросу о способахъ раскрѣпощенія сельскаго населенія мысль писателей XVIII в. колебалась, и они не рѣшали этого вопроса въ смыслѣ безусловнаго права государства сразу освободить всѣхъ крѣпостныхъ безъ какого
*ш, 255 бы то ни было денежнаго выкупа ихъ свободы *, хотя и такая идея была также высказана въ публицистикѣ XVIII вѣка, причемъ лишь уничтоженіе поземельныхъ феодаль-
ш, 252, 431 ныхъ правъ предлагалось совершить посредствомъ выкупа.

Въ смыслѣ, благопріятномъ для свободы лица и земли, высказывалась въ прошломъ вѣкѣ и экономическая школа физіократовъ, выдвигавшая на первый планъ интересы сельскаго
ш, 243 и слѣд. хозяйства, но въ экономическомъ отношеніи эта школа была за крупную, фермерскую обработку земли (по образу англійской) наемными рабочими, находя ее болѣе выгодною въ агрономическомъ отношеніи, нежели мелкое хозяйство крестьянъ
*ш, 258-259 собственниковъ и половниковъ *. Физіократія въ этомъ отношеніи не была ученіемъ, благопріятнымъ для экономической самостоятельности земледѣльческаго класса, но она за это и подвергалась критикѣ, указывавшей на народные интересы. Впрочемъ, если впослѣдствіи изъ экономическихъ интересовъ трудящейся массы выводили требованія относильно переустройства хозяйственнаго быта общества на началахъ равенства, то въ XVIII вѣкѣ всѣ подобныя предложенія исходили большею частью изъ моральныхъ, а не экономическихъ соображеній, когда, напр., всѣ общественныя бѣдствія сводились къ эгоизму, а главный источникъ послѣдняго усматривался въ любостяжаніи, и отсюда

дѣлался теоретическій выводъ не въ пользу частной собственности *. *ш, 246, 629

Нужно, впрочемъ, прибавить, что бѣдность, до какой былъ доведенъ народъ неблагопріятными условіями жизни, вообще сильно занимала умы, и потому на разные лады ставился и рѣшался вопросъ объ устраненіи бѣдности, и обязанность это сдѣлать возлагалась теоретически на государство или на общество *. Во всякомъ случаѣ впервые общественная философія обратила большее вниманіе на матеріальный бытъ народа только въ XVIII вѣкѣ: въ этомъ дѣлѣ важно было уже одно начало. *ш, 332, 615, 627 и слѣд.

4. На характеръ общественной философіи въ ту или другую эпоху всегда оказываетъ вліяніе господствующій взглядъ на человѣка: чѣмъ выше ставится въ сознаніи природа человѣка, тѣмъ бо́льшая свобода считается необходимою въ обществѣ. Средневѣковой католицизмъ исходилъ изъ одного только представленія о грѣховности людской природы и потому считалъ нужнымъ держать человѣческую личность подъ опекой. Абсолютистическія политическія теоріи Макіавелли и Гоббза имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ крайне пессимистическій взглядъ на моральныя свойства человѣка * и равнымъ образомъ считали нужнымъ постоянное обузданіе его страстей и пороковъ. Само государство, съ этой точки зрѣнія, должно было лишь поддерживать внутренній порядокъ (конечно, защищаясь и извнѣ), и рѣчи не могло быть о томъ, чтобы оно сдѣлалось еще и органомъ человѣческаго совершенствованія. На послѣднюю точку зрѣнія и сталъ XVIII вѣкъ съ его оптимистическимъ отношеніемъ къ человѣчеству *. И раньше, всякій разъ, когда человѣческая природа мыслилась, какъ нѣчто совершенное или способное къ совершенствованію, во имя ея высшихъ стремленій * для личности требовалась бо́льшая свобода: такъ было и въ XVIII вѣкѣ. *ı, 422; ɪɪ, 610 *ш, 279-280 *ɪɪ, 247

Духовная свобода и матеріальное благосостояніе человѣка были самымъ распространеннымъ требованіемъ, ко-

торое представлялось наиболѣе удобнымъ и возможнымъ
осуществить при помощи абсолютной государственной вла-
сти. Это была точка зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма,
*ш, 167-168, 283-285, 389, 427 и на ней стояли * нѣкоторые философы съ Вольтеромъ во
главѣ и физіократы (послѣдніе учили о „легальномъ дес-
потизмѣ“, объ „экономической монархіи“); съ этой точки
*ш, 326 и слѣд. зрѣнія, которую теоретически развивалъ и Фридрихъ II *,
абсолютизмъ представлялся отрѣшившимся отъ католиче-
ской и феодальной окраски, а чисто сословный характеръ
старыхъ государственныхъ сеймовъ былъ даже причиною недо-
*ш, 285 вѣрія къ ограниченію абсолютной власти *. Изъ крупныхъ
писателей одинъ лишь Монтескье, былъ сторонникомъ ста-
*ш, 179-181 рой сословной монархіи *, но и у него она скорѣе должна
была походить на англійскую конституцію, теоретикомъ
*ш, 183 и слѣд. коей онъ являлся въ своемъ „Духѣ законовъ“ *. Въ
громадномъ большинствѣ случаевъ идея монархіи прини-
мала демократическій характеръ, было ли то въ теоріи
просвѣщеннаго абсолютизма, или въ теоріи д'Аржансона
*ш, 235 о королевской демократіи *, или въ республиканскихъ уче-
ніяхъ Руссо и Мабли, допускавшихъ королевскую власть
лишь въ смыслѣ высшей (избирательной или наслѣдствен-
*ш, 210, 211, 237 ной) магистратуры въ демократическомъ государствѣ *.

Въ философіи XVIII в. вообще было сильно стремленіе
къ общественному равенству въ смыслѣ уравненія правъ
*ш, 168, 193-194, 235 и др. между всѣми гражданами государства *: исходя изъ идеи
естественнаго права, она не могла быть благопріятной для
наслѣдственныхъ привилегій, имѣвшихъ за себя право
историческое (за которое стоялъ Монтескье). Расходясь между
собою въ вопросахъ политическихъ, и представители про-
свѣщеннаго абсолютизма, и экономисты-физіократы, и сто-
ронники идеи народовластія въ соціальномъ смыслѣ были
защитниками не патриціата, а плебса. Въ послѣднемъ от-
ношеніи весьма любопытно то, что теоретики народнаго
верховенства, писавшіе въ XVI и XVII вѣкахъ, подъ на-
родомъ, коему они отдавали въ принципѣ государственную

власть, разумѣли лишь высшіе классы съ исключеніемъ изъ народа „черни“ *; настоящими же предшественниками *п, 246, 607
французскихъ политическихъ писателей того же направленія явились англійскіе левеллеры, у которыхъ идея народовластія была чисто демократической *. По представ- *п, 517
вленію физіократовъ, не отдававшихъ народу верховной власти, общество—подобно англійскому *—должно было раз- *I, 210; ш, 90 и сл.; 108
дѣляться не на сословія, а на экономическіе классы, какъ его и раздѣлилъ въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ отецъ новѣйшей политической экономіи, Адамъ Смитъ *. Среди *ш, 109, 257-258
энциклопедистовъ, наконецъ, уже высказывалась та мысль, что законодательство должно стремиться къ наибольшей пользѣ наибольшаго числа лицъ *. *ш, 226

Въ то самое время, какъ идея просвѣщеннаго абсолютизма была положена въ основу государственной дѣятельности многихъ правительствъ второй половины вѣка, во Франціи началъ преобладать взглядъ на права, коими пользовалась династія Бурбоновъ, какъ на узурпацію историческихъ правъ, принадлежавшихъ сословіямъ и корпораціямъ (точка зрѣнія Монтескье), или права естественнаго, принадлежащаго народу (точка зрѣнія Руссо, Мабли, энциклопедистовъ), въ силу чего королевская власть стала даже пониматься исключительно въ смыслѣ исполнительнаго органа *, въ какія бы отношенія *ш, 186-187, 210-211, 237-238
ни ставили ее къ законодательному праву сословій или народа и какъ бы ни смотрѣли на способъ проявленія націей своей власти, т.-е. посредствомъ ли представительства (Монтескье, Мабли, Дидро) или непосредственно, какъ-то было въ античныхъ демократіяхъ и какъ того въ XVIII в. желалъ Руссо *. Во французской политической литературѣ *ш, 186, 209, 224, 238-239
XVIII в. мы встрѣчаемъ теоретическое обоснованіе разныхъ правительственныхъ формъ, противоположныхъ господствовавшему государственному строю, были ли то старая сословная монархія (Монтескье), или англійская конституція (Монтескье же), или конституціи шведская (Мабли) и польская (Руссо) или наконецъ античныя республики

(Руссо же), и общей идеей, объединяющей всѣ эти теоріи, было участіе общества въ государственной жизни. При этомъ необходимо отличать политическія теоріи, въ коихъ гарантіи индивидуальной свободы выдвигались на первый планъ и „свобода народа не смѣшивалась съ властью народа“ (Монтескье), и такія, которыя были основаны именно на этомъ смѣшеніи и совершенно жертвовали свободою личности (Руссо), что впослѣдствіи получило важное прак-
*ш, 182, 208 тическое значеніе *.

Индивидуальная свобода защищалась, между прочимъ, и въ экономической области, которая подвергалась при меркантилистической политикѣ сильной регламентаціи. Физіократія была реакціей противъ меркантилизма и проповѣдью
*ш, 242 и сл., 257 и слѣд. свободы промышленности и торговли *. Предполагалось, что всякое вмѣшательство государства въ экономическую жизнь нарушаетъ единственно выгодный „естественный порядокъ“ общества, что свободная конкуренція частныхъ интересовъ сама установитъ гармонію общественныхъ интересовъ, что каждый лучше позаботится о своемъ собственномъ благѣ, и что личная иниціатива, личная свобода, личный трудъ должны быть освобождены отъ разныхъ ненужныхъ и вредныхъ стѣсненій. Въ физіократической проповѣди было много вѣрнаго, поскольку это ученіе отмѣчало отрицательныя стороны прежней экономической политики, но опытъ XIX вѣка не оправдалъ положительной стороны физіократіи и став-
*ш, 244 шаго здѣсь на одну точку зрѣнія съ нею Адама Смита *, и нашему столѣтію пришлось сильно переработать политическую экономію, отказавшись отъ теоріи естественной гармоніи всѣхъ интересовъ въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ физіократія съ своимъ индивидуалистическимъ принципомъ была выше меркантилизма, въ концѣ концовъ имѣвшаго въ виду лишь одни фискальные интересы; только мѣра экономической свободы должна регулироваться общественнымъ интересомъ, дабы свобода и интересъ однихъ не вредили свободѣ и интересу другихъ. Оптимизму XVIII в.

суждено было много ошибаться, но онъ возбуждалъ въ обществѣ вѣру въ лучшее будущее и стремленіе къ работѣ ради осуществленія этого будущаго, что̀ было весьма важно послѣ циническаго пессимизма культурной и соціальной реакціи, увлеченія же оптимизма были исправлены опытомъ, какъ ни дорого онъ доставался новымъ поколѣніямъ.

X. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція.

1. Вліяніе Просвѣщенія XVIII в. на государство и общество.—2. Просвѣщенный абсолютизмъ.—3. Вліяніе на континентъ англійской конституціи и американской революціи.—4. Универсальное значеніе французской революціи 1789 г.

---

1. Умственное движеніе XVIII вѣка не осталось въ области однѣхъ идей: оно перешло и въ область фактовъ. Разсмотрѣніемъ этого процесса во второй половинѣ XVIII в. мы и закончимъ нашъ историко-философскій обзоръ западно-европейскаго культурнаго и соціальнаго развитія въ новое время.

Фактическія отношенія данной эпохи являются результатомъ эволюціи фактическихъ отношеній эпохи предыдущей. Эта эволюція немыслима безъ человѣческой дѣятельности, ибо сами фактическія отношенія въ обществѣ суть не что иное, какъ постоянныя формы, какія принимаютъ поступки отдѣльныхъ личностей однѣхъ по отношенію къ другимъ. Съ другой стороны, сами эти поступки предполагаютъ хотя бы минимальное участіе въ нихъ сознанія людьми своихъ стремленій, правъ и интересовъ. Поэтому естественно складывающійся процессъ измѣненія фактическихъ отношеній не можетъ быть совершенно безсознательнымъ. Чѣмъ выше личное развитіе, тѣмъ болѣе вносится сознанія въ жизнь, на высшихъ же своихъ ступеняхъ сознаніе немыслимо безъ общихъ идей. Послѣднія играютъ

по этой причинѣ важную роль въ исторіи, что не исключаетъ могущественнаго дѣйствія и интересовъ. Интересы сами по себѣ, идеи сами по себѣ, но между ними возможны самыя разнообразныя взаимоотношенія, ибо чуждыми одни другимъ они оставаться не могутъ, но такъ какъ интересовъ и идей можетъ быть великое множество, то комбинаціи ихъ должны выходить самыя различныя. Практическія идеи (моральныя, соціальныя, политическія) всегда выростаютъ на почвѣ какихъ-либо и чьихъ-либо интересовъ, а идеи теоретическія даютъ санкцію соотвѣтственнымъ стремленіямъ. Иногда отвлеченная теоретическая мысль (какъ это случалось съ идеей естественнаго права) прилаживается къ тому или другому интересу, но бываетъ и такъ, что идея сама вліяетъ на интересъ или приводя его въ сознаніе и усиливая его дѣйствіе въ культурно-соціальной исторіи, или наоборотъ, подчиняя его какому либо высшему интересу (матеріальный—духовному, эгоистическій—альтруистическому, личный, сословный, классовый—общественному, національный, вѣроисповѣдный, государственный—общечеловѣческому). Интересъ всегда влечетъ человѣка болѣе къ матеріальному, къ эгоистическому въ личномъ, сословномъ, національномъ и т. п. смыслахъ, идея же всегда заключаетъ въ себѣ хотя малую долю высшей правды, и чѣмъ болѣе идея господствуетъ въ жизни отдѣльнаго лица и цѣлаго народа, тѣмъ болѣе она проникаетъ въ исторію человѣчества, тѣмъ высшія культурно-соціальныя формы творитъ эта исторія. Съ этой точки зрѣнія „философскому" XVIII-му вѣку принадлежитъ великое значеніе во всемірной исторіи, сколько бы ошибочнаго ни было въ его идеяхъ: умственное развитіе исправляетъ собственныя свои ошибки путемъ уясненія самихъ идей и провѣрки ихъ жизненнымъ опытомъ.

Въ XVI в. идеи реформаціи подчинили себѣ многихъ государей и цѣлые народы, и подъ ихъ вліяніемъ и сверху, отъ власти и снизу, отъ общества * началось историческое движеніе, во многихъ отношеніяхъ измѣнившее культурно-

*і, 144-145; п, 189 и др.

соціальныя формы западно-европейской исторической жизни. То же самое произошло и въ XVIII вѣкѣ, когда новыя идеи проявились къ дѣятельности правительствъ и въ стремленіяхъ народовъ *: между эпохою религіозной реформаціи, *ш, 2, 276-277 подъ знаменемъ которой совершались также движенія политическія и соціальныя, и эпохою общественныхъ и государственныхъ преобразованій, начавшихся въ серединѣ XVIII вѣка, существуетъ большая аналогія *. Въ обоихъ *ш, 22-24, 28 и др. случаяхъ новыми идеями руководятся и государи въ своихъ преобразованіяхъ и разные общественные классы въ своихъ требованіяхъ, и въ обоихъ же случаяхъ движеніе, сначала побѣдоносное, хотя и встрѣчающее консервативную оппозицію, вызываетъ реакцію, которая во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка ставитъ своею цѣлью реставрацію старыхъ порядковъ совершенно такъ же, какъ католическая реакція въ сороковыхъ годахъ XVI в. намѣтила задачу возстановленія прежней мощи католицизма.

Просвѣтительная литература XVIII в. оказала въ самомъ дѣлѣ большое вліяніе на государство и на общество. Монархи или правящіе министры второй половины этого столѣтія прониклись идеями просвѣщеннаго абсолютизма, насколько это было совмѣстимо съ ихъ привычками, традиціями, стремленіями и интересами, и начали политическую и соціальную перестройку сверху, въ то самое время, какъ идея политической свободы, какъ старая, историческая, сословная, аристократическая, такъ и новая, выводившая изъ естественнаго права верховныя права націи въ чисто демократическомъ пониманіи послѣдняго слова, становилась все болѣе и болѣе популярною прежде всего во французскомъ обществѣ XVIII вѣка. Во всѣхъ трехъ политическихъ направленіяхъ: монархическомъ, аристократическомъ и демократическомъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими началами, изъ коихъ принципъ духовной свободы личности и принципъ общественнаго блага имѣютъ наиболѣе важное значеніе. Философы XVIII в. находятъ среди госу-

дарей этой эпохи покровителей и поклонниковъ, подражателей и послѣдователей, которые читаютъ ихъ сочиненія, вступаютъ съ ними въ переписку, спрашиваютъ у нихъ совѣтовъ, повѣряютъ имъ свои мысли, осуществляютъ—до
*ш, 283 и мн. др. извѣстной степени—ихъ требованія * и вносятъ философ-
*ш, 331 скій элементъ въ законодательство; но тѣ же философы дѣлаются руководителями и общественнаго мнѣнія, причемъ ими увлекаются не только средніе классы общества, но и
*ш, 152 аристократія *, всегда готовая, однако, вступить на путь консервативной оппозиціи или реакціи, едва дѣло касалось осуществленія новой плебейской философіи. Образованное общество всѣхъ странъ Европы было хотя бы и совершенно поверхностно или болѣе глубокимъ образомъ задѣто этимъ культурнымъ движеніемъ: философія XVIII в. выходила изъ рамокъ національнаго бытія, и то, что въ ней было общечеловѣческаго, было понятно всѣмъ народамъ, и въ какомъ бы общественномъ классѣ ни находился человѣкъ, онъ—на извѣстной ступени образованія—увлекался въ этой философіи тѣмъ, что соотвѣтствовало вообще запросамъ раз-
*ш, 261 и слѣд. витой личности, какъ таковой *. Когда началась французская революція, съ самаго своего начала получившая характеръ возвращенія человѣку его естественныхъ, искон-
*ш, 475, 520 и сл. ныхъ, прирожденныхъ, не подлежащихъ давности правъ *, филантропы, патріоты, философы и поэты всей Европы привѣтствовали это событіе, какъ новую зарю лучшаго бу-
*ш, 489 дущаго для всего человѣчества *. Только господство разнузданныхъ страстей, сопровождавшее народныя возстанія, только насилія и преступленія террора, только неудача попытки сразу построить государство и общество на началахъ разума, только революціонныя войны, перешедшія въ войны первой имперіи, лишившей народы ихъ независимости, поколебали вѣру въ идеи XVIII в., поселили въ образованномъ обществѣ разочарованіе и подготовили въ немъ реакцію противъ прежняго увлеченія. Подъ вліяніемъ тѣхъ же событій и королевская власть реставраціонной

эпохи отказывается отъ политики просвѣщеннаго абсолютизма, дѣлаясь прямо защитницею старыхъ порядковъ.

2. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма * охватываетъ собою періодъ времени отъ вступленія на престолъ „короля-философа“ Фридриха II (1740) до начала французской революціи (1789): это было время, когда королевская власть стала отрѣшаться отъ исключительно придворно-клерикальныхъ вліяній и разрывать свой тѣсный союзъ съ дворянствомъ и духовенствомъ въ ущербъ другимъ классамъ общества *, когда она предпринимаетъ реформы въ общемъ духѣ идей XVIII вѣка, признавая своею обязанностью * осуществлять общее благо (какъ бы недостаточно и односторонне оно ни понималось въ отдѣльныхъ случаяхъ). Въ эти полвѣка царствуютъ такіе государи и управляютъ такіе министры какъ Фридрихъ II въ Пруссіи, Іосифъ II въ Австріи, Екатерина II въ Россіи, Густавъ III въ Швеціи, Карлъ Фридрихъ въ Баденѣ, Леопольдъ (II) въ Тосканѣ, Помбаль въ Португаліи, Тануччи въ Неаполѣ, Аранда, Кампоманесъ и Олавидесъ въ Испаніи, Струензэ въ Даніи *, и къ нимъ, абсолютнымъ монархамъ или всесильнымъ министрамъ, бывшимъ сторонниками „Просвѣщенія“ XVIII в., можно присоединить еще императрицу Марію Терезію, стоявшую къ духу времени во враждебныхъ отношеніяхъ, но совершавшую преобразованія въ Австріи, далѣе—польскаго короля Станислава Понятовскаго, который думалъ развитіемъ образованія и реформами спасти Польшу отъ гибели, * и наконецъ министра-философа во Франціи, физіократа Тюрго *. Всѣ они въ бо̀льшей или меньшей степени были правителями во вкусѣ философовъ XVIII в., пока во Франціи не началось болѣе радикальное движеніе Руссо и энциклопедистовъ, отрицавшихъ всякій абсолютизмъ *, тогда какъ представители просвѣщеннаго абсолютизма въ громадномъ большинствѣ случаевъ относились съ величайшимъ недовѣріемъ къ участію общественныхъ силъ въ правленіи *. Система эта дѣйствовала почти во всѣхъ государствахъ Европы *,

*ш, 276 и слѣд.

*ш, 278, 368 и сл., 385 и сл.

*ш, 280-281, 329-330, 388 и др.

*ш, 283, 291 и сл., 344 и сл. и др.

*ш, 340 и слѣд.

*ш, 360

*ш, 423 и слѣд.

*ш, 221, 224, 227 и слѣд.

*ш, 285

*ш, 288 и слѣд.

кромѣ Голландіи и Англіи, гдѣ предыдущее развитіе осуществило почти все, къ чему стремилось новое движеніе въ другихъ странахъ, еще кромѣ Польши, въ коей королевская власть была безсильна, а господствовали шляхта и клиръ, и кромѣ Франціи наконецъ, гдѣ особыя историческія
*ш, 406 и слѣд. обстоятельства * дѣлали систему неприложимой и подготовили другое движеніе, пошедшее снизу и, между прочимъ, направившееся противъ самого абсолютизма.

На исторію просвѣщеннаго абсолютизма (да и на исторію французской революціи) нужно смотрѣть, какъ на возобновленіе борьбы, которую государство еще въ средніе вѣка начало противъ католицизма и феодализма, но которая была пріостановлена въ эпоху общей реакціи съ середины XVI по середину XVIII в., но теперь государство уже не довольствовалось одною политическою сферой, какъ прежде, а стало сокрушать и культурно-соціальное значе-
*ш, 385 и слѣд. ніе привилегированныхъ сословій *. Съ другой стороны, на этой политикѣ сказалось и дѣйствіе новыхъ идей: именно, во-первыхъ, идеи отвлеченной государственности со всѣми выводами изъ естественнаго права государства въ примѣненіи ко всему, что основывалось на правѣ историческомъ, и къ личности, по скольку ея стремленія и интересы казались несовмѣстимыми съ государственною пользою, а во-вторыхъ, идеи естественныхъ правъ человѣка въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя государство считало возможнымъ предоставить личной свободѣ, стѣснявшейся, напр., существованіемъ крѣпостного права или религіозной нетерпимости, признанныхъ теперь и невыгодными для го-
ш, 285-287 сударства, и оскорбляющими естественныя права личности.

Происхожденіе просвѣщеннаго абсолютизма изъ противоположныхъ началъ старой государственности,—безусловно господствовавшей надъ личностью и устранявшей силы общества отъ участія въ собственныхъ его дѣлахъ,—и изъ просвѣщенія, требовавшаго личной и общественной эманципаціи, стремленія политики, вытекавшія изъ разныхъ принци-

повъ и интересовъ, были причинами массы противорѣчій и непослѣдовательностей въ самой этой системѣ и въ ея примѣненіи на практикѣ *, но тѣ же противорѣчія мы находимъ и въ исторіи французской революціи, особенно въ эпоху господства якобинцевъ, которые также были большіе государственники * и въ то же время дѣйствовали подъ знаменемъ философіи XVIII в., причемъ и они, и представители просвѣщеннаго абсолютизма были наслѣдниками старой политической системы по тому произволу, какой ими допускался въ ихъ дѣйствіяхъ *, по отсутствію въ ихъ дѣятельности строгой законности (которая все болѣе и болѣе вырабатывалась въ государственномъ быту Англіи, въ сознаніи, правахъ и привычкахъ ея населенія), по неуваженію ихъ къ личной свободѣ *. Старыя привычки и традиціи всегда въ той или другой мѣрѣ проникаютъ въ новыя направленія, порождаемыя историческою жизнью: такъ это было въ эпоху реформаціи, такъ оно случилось и въ XVIII в. съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и съ французской революціей. Тѣмъ болѣе это было возможно, что не всегда искренне проникались дѣятели просвѣщеннаго абсолютизма новыми идеями *, не говоря уже о томъ, что не всегда и умѣло проводили въ жизнь эти идеи, не обладая ни нужными знаніями, ни необходимой выдержкой, а между тѣмъ отличаясь большой самонадѣянностью и пренебреженіемъ къ дѣйствительному, не поддѣльному общественному мнѣнію *.

*ш, 287, 305, 333 и сл., 352, 383-384 и др.

*ш, 583 и слѣд.

*ш, 352, 605-606, 617 и сл.

*ш, 623 и слѣд.

*ш, 294, 327 и др.

*ш, 294, 331 и др.

Особенности отдѣльныхъ странъ и личныхъ характеровъ государей и министровъ вносили большое разнообразіе въ общую политику просвѣщеннаго абсолютизма: не одна и та же была у него задача, напр., въ странахъ католическихъ и протестантскихъ *, или, еще напримѣръ, Фридрихъ II, самъ философъ и политическій писатель, въ культурномъ отношеніи болѣе скептикъ, въ соціальномъ консерваторъ, въ политическомъ реалистъ и практикъ, и Іосифъ II, филантропъ, „революціонеръ на тронѣ", идеалистъ и неудачникъ, были не похожи другъ на друга, хотя

*ш, 289-290, 369

оба были большіе деспоты, оба находились подъ вліяніемъ идей просвѣщенія и оба являются потому представителями одной и той же системы. Успѣхъ и неуспѣхъ ихъ начинаній зависѣлъ отъ ихъ цѣлей, задачъ, пріемовъ и средствъ, но вездѣ имъ приходилось дѣйствовать въ крайне отсталомъ обществѣ *, вызывая противъ себя болѣе или менѣе сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе успѣшную консервативную—аристократическую и клерикальную—оппозицію *, съ которою имъ приходилось бороться обычными пріемами не правильнаго состязанія между политическими партіями, не покушающимися на взаимныя права и свободу (какъ это стало дѣлаться въ Англіи) *, а путемъ произвола, нарушенія законныхъ правъ, неуваженія къ чужой свободѣ,—все такія явленія, которыя встрѣчаются и въ исторіи французской революціи, какъ одно изъ печальныхъ наслѣдій стараго порядка.

*ш, 285-286

*ш, 282, 286-287, 292, 296, 297, 354-255 и др.

*ш, 62 и слѣд.

Разсматривая реформы просвѣщеннаго абсолютизма, мы не можемъ не отмѣтить того общаго факта, что въ нихъ все-таки на первомъ планѣ стояло укрѣпленіе государства, какъ общежитія, отстаивающаго себя въ международной борьбѣ, а не общее благо въ смыслѣ бо̀льшаго подъема и болѣе равномѣрнаго распредѣленія народнаго благосостоянія *. Внутри вся дѣятельность правительствъ была направлена на улучшеніе администраціи и финансовъ. Но отъ административныхъ и финансовыхъ реформъ, равно какъ отъ реформъ въ областяхъ судопроизводства, школы, печати и т. п. *, какъ ни были они несовершенны, имѣя преимущественно значеніе лишь благихъ начинаній, все-таки вытекали или ожидались благія послѣдствія и для самихъ подданныхъ, матеріальное благосостояніе коихъ и духовное развитіе стали признаваться за важное государственное дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ стало вноситься и больше гуманности въ уголовное право. Въ католическихъ странахъ эта политика шла рука объ руку съ освобожденіемъ государства и общества отъ тягостныхъ послѣдствій религіозной реакціи, господствовавшей въ нихъ

*ш, 360-361

*ш, 361 и слѣд.

около двухъ вѣковъ, и весьма знаменательно то, что почти одновременно католическіе государи Португаліи, Франціи, Испаніи, Неаполя, Пармы изгоняютъ изъ своихъ странъ іезуитовъ и добиваются у папы уничтоженія самого ордена *, и все это въ промежутокъ какихъ-нибудь четырнадцати лѣтъ (1759—1773). Во многихъ отношеніяхъ католическія правительства эпохи стремятся, не измѣняя ни догмы, ни культа, ни церковной организаціи, добиться для себя и для свѣтскаго общества того, что протестантскимъ странамъ дала реформація *. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма въ католическихъ странахъ была временемъ давно небывалыхъ столкновеній государства съ церковью, и тутъ-то вотъ ограничивалась власть папы, уменьшалось число духовенства и монастырей, отмѣнялись привилегіи клира, его инквизиціонная власть и книжная цензура, секуляризировалась церковная собственность, отнималось у духовенства исключительное завѣдованіе народнымъ образованіемъ и пр. и пр. *. Іосифъ II въ Австріи шелъ еще дальше, стремясь превратить священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ и даже произвести измѣненія въ католическомъ богослуженіи *, хотя это уже нарушало принципъ религіозной свободы, который Іосифъ II считалъ одною изъ наиболѣе дорогихъ своихъ идей *. (Идея вѣротерпимости нашла еще сторонника въ лицѣ Фридриха II, позволявшаго въ Пруссіи каждому спасаться auf seiner Façon *). Но и французская революція своими церковными мѣрами нарушала религіозную свободу *, а при конвентѣ государство даже декретировало религію *.

*ш, 370-374

*ш, 369, 375 и сл.

*ш, 376 и слѣд.

*ш, 381 и слѣд.

*ш, 356-357, 384

*ш, 307-308, 328

*ш, 549 и слѣд.

*ш, 611, 613

Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма государство впервые начинаетъ ограничивать соціальныя привилегіи феодальной аристократіи *, хотя въ числѣ просвѣщенныхъ деспотовъ были въ этомъ отношеніи и большіе консерваторы (Фридрихъ II *); важнѣе всего, однако, то, что и интересъ государства, получавшаго главную массу налоговъ съ крестьянъ, и новыя идеи права и политики впервые заставили въ XVIII в. королевскую власть болѣе дѣятельнымъ образомъ

*ш, 385 и слѣд.

*ш, 381-392

вмѣшаться въ ту сторону соціальнаго феодализма, которою опредѣлялся крестьянскій бытъ. Въ то время, какъ публицистика ставила крестьянскій вопросъ теоретически, государственная власть приступала къ его практическому разрѣ-
*ш, 392 и слѣд. шенію *, и особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи
*ш, 389-390 оказала физіократія *. Впрочемъ, результаты этой дѣятельности государства до конца эпохи оставались крайне ничтожными, и значительно двинула дѣло впередъ лишь французская революція.

Сравнивая просвѣщенный абсолютизмъ XVIII в. съ абсолютизмомъ реакціоннымъ, господствовавшимъ до самой середины философскаго вѣка, а во Франціи до исхода предпослѣдняго десятилѣтія, мы не можемъ не признать прогрессивный характеръ этого новаго явленія, сколько бы ни было въ немъ самомъ унаслѣдованнаго отъ эпохи реакціи, какими бы противорѣчіями оно ни страдало, какъ бы ни незначительны были его начинанія въ области улучшенія народнаго быта и общественнаго образованія. Важно и то, что произволъ не возводился въ принципъ даже такимъ деспотомъ по натурѣ, традиціямъ и положенію, какимъ былъ Фридрихъ II, ибо онъ провозглашалъ и отчасти осуществлялъ въ судебныхъ, по крайней мѣрѣ, порядкахъ своего государства на-
*ш, 364 чало законности *. Это начало было уже дѣйствительно положено въ основу внутреннихъ отношеній Англіи и ея заантлатическихъ колоній, сдѣлавшихся въ разсматриваемый періодъ великой республикой Соединенныхъ Штатовъ.

3. Королевская власть во Франціи въ теченіе всего вѣка продолжала держаться въ общемъ старой реакціонной поли-
*ш, 398, 406 и сл. тики придворно-клерикальнаго абсолютизма *. Между тѣмъ, ни одно государство въ такой мѣрѣ не страдало внутренними
*ш, 26-28, 86, 105-106, 141, 153, 184, 212 и сл., 232-233 и др. противорѣчіями, какъ Франція, и нигдѣ не было такой глубокой пропасти между общественнымъ сознаніемъ и общественными порядками *, какъ опять-таки въ этой странѣ. Королевская власть, выступивъ здѣсь на путь соціальныхъ реформъ въ духѣ новыхъ культурныхъ идей, нашла бы, не-

сомнѣнно, поддержку со стороны интеллигенціи и буржуазіи *, *ш, 446 и слѣд.
но Бурбоны этого не сдѣлали, и въ серединѣ XVIII в. общественное движеніе стало принимать характеръ, уже враждебный королевскому абсолютизму: и старыя привилегированныя сословія, и либеральная буржуазія одинаково начали видѣть въ этой власти узурпацію народныхъ правъ, и чѣмъ больше уходило времени и вмѣстѣ съ этимъ все менѣе и менѣе надежды было на возможность реформы сверху, тѣмъ болѣе и болѣе французское общество проникалось сознаніемъ необходимости и полнаго политическаго преобразованія. Передъ глазами французовъ была англійская конституція, теорію которой далъ Монтескье въ „Духѣ законовъ“ *, а потомъ въ качествѣ примѣра, коему слѣдовало *ш, 184 и слѣд.
подражать, представилось имъ зрѣлище американской націи, учредившей у себя свободное государство.

Въ трехъ странахъ западно-европейской культуры одержалъ побѣду въ три разные періода новой исторіи политическій протестантизмъ и воплотился въ соотвѣтственныя государственныя формы политической свободы: раньше всего это произошло въ Нидерландахъ, отложившихся отъ испанской монархіи для образованія самостоятельной республики еще въ концѣ XVI вѣка *; въ концѣ слѣдующаго *п, 316 и слѣд.
столѣтія то же начало взяло верхъ и въ государственной жизни Англіи, благодаря второй ея революціи *; менѣе *п, 594 и сл.; ш, 58 и слѣд.
чѣмъ сто лѣтъ спустя, англійскія колоніи въ Америкѣ, куда переселенцы перенесли свободныя учрежденія родины и развили ихъ далѣе на основахъ идей передового пуританизма XVII в., отложились отъ своей метрополіи, нарушавшей ихъ законныя права, и образовали новую республику Соединенныхъ Штатовъ *. Въ XVIII в. для францу- *ш, 448 и слѣд.
зовъ Англія и Америка сдѣлались странами свободы, къ коей они стали стремиться у себя на родинѣ. Мы уже видѣли, какъ англійскія философскія и политическія идеи повліяли на французскую литературу XVIII в., но нужно еще прибавить, что французы въ прошломъ столѣтіи лю-

били ѣздить въ Англію и прославляли ея внутреннюю сво-
*ш, 76-77, 158-159, 175, 183 и сл. и др. боду *, а послѣ американской войны за независимость, въ которой сами они принимали участіе, перенесли часть своихъ политическихъ симпатій и на новую свободную націю за
*ш, 450, 452-453 Атлантическимъ океаномъ *.

Съ самаго начала теоретическаго отношенія къ англійской конституціи, ведущей свое начало изъ XIII вѣка, еще въ XV столѣтіи, основа ея усматривалась въ принципѣ законности, послѣднюю же противополагали принципу личнаго произвола, о коемъ учили юристы, почерпнувъ его изъ
*i, 102-103 римскаго права *. Идею законности развивали въ XVI вѣкѣ кальвинистическіе писатели, ставя законъ выше личной воли
*ii, 245-247 правителя *. Борьба, которую англійскій парламентъ въ XVII в. велъ противъ стремленія Стюартовъ къ абсолютной власти, сводилась къ борьбѣ за законность противъ
*ii, 437-438, 594-595 произвола *. Вторая англійская революція утвердила въ
*ш, 57 и слѣд. государственной жизни страны этотъ принципъ *, и въ XVIII в. Англія была уже образцовою страною законности въ сравненіи съ странами континента. Теоретическое развитіе государственной идеи на материкѣ приводило къ той идеѣ, что пользованіе властью должно быть всегда облечено въ легальныя формы, и между прочимъ именно въ этомъ смыслѣ просвѣщенный абсолютизмъ стремился, напр.,
*ш, 364 дать независимость суду отъ администраціи *, хотя никому еще не приходило въ голову самую администрацію подчинить контролю независимаго суда, какъ это уже было въ
*ii, 448, 583; ш, 523 Англіи *. Административные нравы XVIII в. были полнымъ отрицаніемъ законности, да она и вообще была въ загонѣ при старомъ порядкѣ. Во Франціи существовали еще су-
*i, 121-125; ii, 403 и слѣд. дебныя учрежденія (парламенты *), стоявшія на стражѣ законности, но это сами были учрежденія полуфеодальнаго происхожденія, защищавшія лишь консервативные интересы
*ш, 46-47 и др. и преслѣдовавшіе особенно новыя философскія идеи *. Тѣмъ не менѣе на нихъ смотрѣли, какъ на единственную гарантію законности и единственное ограниченіе произвола. Хотя

въ сущности парламенты представляли изъ себя наслѣдственное чиновничество, главныя обязанности коего были судейскія, тѣмъ не менѣе они оказывали оппозицію правительству и пользовались за это популярностью *. Собственно говоря, первый примѣръ сопротивленія королевской власти, приведшаго къ революціи, подали парламенты *. Въ литературѣ идея законности тоже играла видную роль, и напр., сами физіократы, сторонники абсолютизма, мыслили его не иначе, какъ въ формахъ законности, причемъ одинъ изъ нихъ прямо называлъ его despotisme légal. Но болѣе всего на политическія стремленія французовъ дѣйствовалъ примѣръ Англіи.

*ш, 414 и сл., 434 и сл., 444 и слѣд.
*ш, 445

На рубежѣ XVII и XVIII вв. завершилось развитіе англійской конституціи посредствомъ политическихъ грамотъ, изъ коихъ послѣдними были декларація правъ 1689 года и актъ о престолонаслѣдіи 1701 г. *: ими утверждались въ Англіи царство закона и отвѣтственность министровъ передъ національнымъ представительствомъ. Монтескье представилъ англійскую конституцію, какъ идеалъ государственнаго устройства, наилучшимъ образомъ обезпечивающаго законную свободу *, и хотя его политическое построеніе и не соотвѣтствовало вполнѣ дѣйствительнымъ отношеніямъ, существующимъ между англійскими государственными властями *, его теорія о томъ, что свобода гражданина болѣе всего обезпечивается раздѣленіемъ властей законодательной, исполнительной и судебной между тремя самостоятельными органами * сдѣлалась своего рода политическимъ догматомъ *.

*п, 594-595; ш, 58 и слѣд.
*ш, 184 и слѣд.
*ш, 62, 64 и сл., 183-184
*ш, 185
*ш, 237, 521 и др.

Еще большее впечатлѣніе произвела на французовъ американская революція. Колонисты, возставшіе противъ метрополіи, которая ихъ притѣсняла, обратились къ всему цивилизованному міру съ торжественной деклараціей правъ, основывая свое отложеніе отъ Англіи на популярныхъ въ то время идеяхъ философіи естественнаго права *. Хотя принципы демократическаго народовластія уже раньше

*ш, 450

были осуществлены въ быту этихъ колонистовъ, французскому обществу казалось, что американцы впервые выходятъ изъ рабскаго состоянія, дабы сдѣлаться свободнымъ народомъ на основаніи идей Монтескье и Руссо, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно на нихъ ссылались конституціи
*ш, 274 отдѣльныхъ штатовъ *.

4. Между тѣмъ, во Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVI явился министръ-реформаторъ изъ философовъ XVIII в., одинъ изъ видныхъ представителей школы физіократовъ, Тюрго, человѣкъ иниціативы и широкихъ
*ш, 147, 242, 423 и сл., 631 и слѣд. плановъ *. Повидимому, и Франція должна была вступить на путь просвѣщеннаго абсолютизма съ тѣмъ, однако, отличіемъ отъ другихъ странъ, что Тюрго думалъ призвать къ дѣятельности общественныя силы въ общинномъ и областномъ самоуправленіи, убѣдившись въ негодности ста-
*ш, 427 и слѣд. рой бюрократической централизаціи *. Вообще же имъ задумано было многое такое, что̀ осуществила лишь революція. Придворно-клерикальная оппозиція свергла министра-реформатора, и старый порядокъ продолжалъ существовать почти въ неизмѣнномъ видѣ до тѣхъ поръ, пока само правительство не вынуждено было обратиться къ содѣйствію всей націи съ цѣлью вывести государство изъ печальнаго состоянія, въ какое оно было приведено долговременнымъ господствомъ реакціи. Созывъ Людовикомъ XVI генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. послѣ почти двухвѣкового ихъ перерыва (1615—1789) былъ началомъ новой эпохи въ исторіи Франціи, а съ нею и всей западной Европы, такъ какъ начавшаяся въ 1789 г. французская революція получила не только мѣстное, но и универ-
*ш, 404-405 сальное значеніе *. Исторія XIX в. на западѣ Европы, или исторія новѣйшаго времени начинается съ одного основного факта, съ французской революціи и вліянія, какое она оказала на континентальныя страны. Съ той общей точки зрѣнія, на которой мы стоимъ въ настоящемъ очеркѣ, намъ не приходится говорить много о значеніи ре-

волюціи для самой Франціи. Отмѣтимъ только, что, низвергая старый порядокъ, революція въ то же время завершала дѣло, начатое старой монархіей, но остановившееся въ эпоху культурной и политической реакціи *,—дѣло, за которое брался, хотя не такъ рѣшительно, какъ революція, и просвѣщенный абсолютизмъ въ другихъ странахъ, именно дѣло окончательной ликвидаціи средневѣкового католико-феодальнаго строя, дабы создать изъ прежнихъ сословій одну безсословную націю. Правда, отъ революціи въ соціальномъ отношеніи выигралъ только одинъ классъ общества (буржуазія), но было бы несправедливо утверждать, будто она ничего не сдѣлала и для народа *. Старая династія, оказавшаяся неспособною исполнить эту задачу дефеодализаціи общественнаго строя, сама передавала ея практическое разрѣшеніе въ руки націи, въ которой проявилось стремленіе стать въ ряду свободныхъ странъ и подобно Англіи и Америкѣ осуществить въ своей жизни начала личной и политической свободы. Взявъ на себя выполненіе задачи, оставшейся неисполненною отъ старой монархіи, революція, однако, унаслѣдовала отъ нея многіе ея идеи и пріемы послѣ кратковременнаго періода, когда дѣлалась попытка осуществленія конституціонной монархіи *: во Франціи утвердилась республика, а въ ней захватила власть въ свои руки партія якобинцевъ, которая въ сущности лишь возстановляла произволъ и неуваженіе къ личной свободѣ, коими отличался старый порядокъ *. Привычки и нравы, привитые обществу прежнимъ режимомъ, взяли верхъ надъ стремленіемъ къ свободѣ и законности, тѣмъ болѣе, что внутренняя оппозиція консервативныхъ элементовъ * и внѣшняя опасность со стороны анти-революціонной коалиціи *, создали необходимость защиты новаго гражданскаго строя, основаннаго на демократическомъ равенствѣ, а это требовало диктатуры: ее-то и захватила сначала партія якобинцевъ, состоявшая изъ крайнихъ представителей государственного принципа, а потомъ взялъ въ свои руки счастливый полково-

*ш, 401-402

*ш, 540 и слѣд.

*ш, 527 и сл., 626 и слѣд.

*ш, 617 и слѣд.

*ш, 488 489 и др.

*ш, 514 и сл., 568 и сл., 603 и слѣд.

децъ, установившій въ странѣ военный деспотизмъ, который напоминаетъ, впрочемъ, весьма многое и въ просвѣщенномъ
*ш, 404, 650 и др. абсолютизмѣ *. Если Франція не добилась осуществленія личной и политической свободы, и ея первая республика и имперія Наполеона I наименѣе напоминають конституціонную Англію и свободную Америку, то въ соціальномъ отношеніи Франція преобразилась въ безсословную и демократическую націю, въ которой окончательно исчезли послѣдніе слѣды соціальнаго феодализма. Въ этомъ отношеніи французская революція шла дальше просвѣщеннаго абсолютизма, но въ томъ же направленіи, покончивъ съ сословнымъ началомъ феодализма, и пошла еще дальше Англіи съ ея правящими классами на пути осуществленія идеала демократическаго общества, беря за образецъ новую заатлантическую республику. Примѣръ, поданный французами, оказался заразительнымъ для сосѣднихъ странъ, гдѣ демократическіе элементы общества сдѣлались сторонниками Франціи и ея
*ш, 489, 603, 639 новыхъ порядковъ *. Въ послѣдніе года XVIII в. Франціи удалось даже организовать нѣсколько демократическихъ республикъ изъ старыхъ монархій или аристократій и
*ш, 638-640 повсюду ввести свои порядки *: таковы были республики Батавская (Голландія), Цизальпинская (Ломбардія), Лигурійская (Генуя), Римская (Папская область), Гельветическая (Швейцарія), Партенопейская (Неаполитанское королевство), не говоря уже объ увеличеніи Франціей своей собственной территоріи. Консульство и имперія Наполеона I, бывшія для самой Франціи результатомъ начавшейся въ ней реак-
*ш, 644 ціи *, во внѣшней политикѣ продолжали играть роль революціонной пропаганды, поскольку содѣйствовали распространенію и утвержденію въ другихъ странахъ французскихъ общественныхъ порядковъ, основанныхъ на гражданскомъ равенствѣ. Само конституціонное движеніе было лишь задержано военнымъ деспотизмомъ Наполеона, опиравшагося, однако, на народномъ избраніи, и если монархическая
*ш, 627 и слѣд. конституція 1791 г. не просуществовала послѣ окончатель-

наго своего утвержденія и года, то въ исторіи Франціи она не была и послѣднимъ опытомъ организаціи власти и свободы на новыхъ началахъ, осуществившихся въ англійскомъ и американскомъ государственномъ устройствѣ и провозглашавшихся политическими писателями XVIII в., и притомъ эта конституція была первою не только для Франціи, но и для всей западной Европы, гдѣ, какъ извѣстно, временемъ перехода къ конституціонному режиму была первая половина XIX вѣка послѣ паденія имперіи Наполеона (1815—1848).

Въ самомъ началѣ французская революція провозгласила въ особой „деклараціи" права человѣка и гражда- *ш, 520-
нина, которая и была предпослана конституціи 1791 г., 522, 589,
какъ предпосылалась потомъ съ измѣненіями и дополне- 610, 615-
ніями конституціямъ жирондистской (проекту), якобинской 616
1793 г. и такъ называемой конституціи III (1795) года *. *ш, 621
Эта знаменитая декларація, заключавшая въ себѣ основные принципы всего тогдашняго законодательства и провозглашавшаяся повсемѣстно, гдѣ только совершались демократическіе перевороты конца XVIII вѣка, была формулировкой требованій индивидуализма новаго времени и попыткою вывести весь общественный и государственный строй изъ правъ личности, причемъ обѣ деклараціи 1793 г. (жирондистская и якобинская) изъ этихъ же правъ выводили и обязанности общества по отношенію къ личности, указавъ на необходимость заботиться о матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи гражданъ *. Если отъ революціи наибо- *ш, 615
лѣе выиграло третье сословіе, то на тѣ же права человѣка и гражданина стало ссылаться въ XIX в. и четвертое сословіе въ своей борьбѣ за лучшія условія жизни. Понятно, что такое крупное событіе должно было сильно всколыхнуть все французское общество и, сообразно съ существованіемъ въ немъ разныхъ экономическихъ классовъ, затронуть соціальные вопросы первостепенной важ- *ш, 474,
ности *. Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ эти вопросы 585-588,
въ первый только разъ подняты были въ эту эпоху или 615, 626-
635

чтобы имъ было дано тогда же удовлетворительное теоретическое, а тѣмъ болѣе еще практическое разрѣшеніе: наиболѣе трудныя свои задачи XVIII вѣкъ большею частью завѣщалъ слѣдующимъ историческимъ эпохамъ и ближайшимъ образомъ XIX столѣтію, подходящему теперь къ своему концу и потому имѣющему уже и свою длинную исторію.

Исторія человѣчества есть жизнь и движеніе: преходящи тѣ формы и направленія, въ коихъ они происходятъ, преходящи эпохи реформъ и реакцій, переворотовъ и застоя, преходящи и роли отдѣльныхъ народовъ въ этомъ процессѣ—непреходяща только духовная и матеріальная природа человѣческой личности, непреходяще ея стремленіе къ истинѣ и справедливости, осуществляющее культурный и соціальный прогрессъ среди искаженій, коимъ, къ сожалѣнію, неизбѣжно подвергаются всѣ новыя явленія исторіи, и среди противодѣйствій, встрѣчаемыхъ ими со стороны явленій отживающихъ, но стремящихся увѣковѣчить себя въ жизни общества. Но культурный и соціальный прогрессъ самъ въ себѣ заключаетъ условія для исправленія сдѣланныхъ ошибокъ и для предупрежденія ошибокъ возможныхъ, но не иначе, какъ при помощи того опыта, который даетъ историческая жизнь и выясняетъ историческая наука. Для современнаго культурнаго человѣчества особенно важенъ опытъ передовой его части—народовъ западной Европы и особенно въ послѣдніе вѣка ихъ исторіи, когда произошло пробужденіе личнаго самосознанія и подъ его вліяніемъ совершились духовныя и общественныя движенія, вытекавшія именно изъ стремленія личности къ новымъ культурнымъ и соціальнымъ формамъ.

Имѣющіяся въ продажѣ сочиненія того же автора:

Исторія западной Европы въ новое время. Спб. 1892—1893. Цѣна за три тома 10 р., отдѣльно I томъ 3 р., II и III по 3 р. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. Спб. 1887 (Изд. 2). Томъ I. Сущность и задача философіи исторіи. Томъ II. Научныя основы теоріи прогресса. Цѣна за 2 тома 4 р. 25 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи (III томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи"). Спб. 1890. Цѣна 4 р.

Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи". Варшава. 1884 г. Цѣна 50 к.

Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. Москва. 1879. Цѣна 3 р. 50 к.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Варшава. 1881. Цѣна 1 р.

„Паденіе Польши" въ исторической литературѣ. Спб. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к.

То-же по-польски: Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków. 1892.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 50 к

Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. 1888. Цѣна 1 р.

То-же по-польски: Zarys historyczny sejmu polskiego. Warszawa. 1893.

Польскія реформы XVIII в. Спб. 1890. Цѣна 1 р. 25 к.

Najnowszy zwrot w historyografji polskiej. S-Pb. 1888. Цѣна 30 к.

Causes de la chute de la Pologne. Vevey. 1893. Цѣна 1 франкъ.

Литературная эволюція на Западѣ (Очерки и наброски изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886. Цѣна 2 р.

Историческая философія гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ". Спб. 1888. Цѣна 50 к.

Лекція о духѣ русской науки. Варшава. 1885. Цѣна 20 к.

Личное начало и роковыя силы исторіи. Спб. 1889. Цѣна 20 к.

Введенія въ курсы исторіи Востока (цѣна 35 к.), **древняго міра** (изд. 2, ц. 80 коп.) и **среднихъ вѣковъ** (изд. 2, ц. 60 к.).

Готовится къ печати

IV томъ „Исторіи западной Европы въ новое время".

Вышли въ свѣтъ

Шесть томовъ „Историческаго Обозрѣнія", издаваемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣева. Цѣна за I т. 2 р. 50 к., за остальные по 2 р. Седьмой томъ печатается.

Складъ изд. въ книж. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.